

Записки полубюрократа

Описывай не мудрствуя лукаво

Все то, чему свидетель в жизни будешь.

А. Пушкин

Враз поблекли, отцвели

Истины научные.

90-е мои,

Времена нескучные...

Видимо, человек так устроен, что он на протяжении первой, как многие считают, лучшей, половины своей жизни чаще думает о будущем, чем размышляет о прошлом. О настоящем он не думает вообще. Настоящим он живет. Собственно, даже не замечая этого настоящего, а просто проживая его, неосознанно, каждое мгновение, каждую секунду. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Тут практически нет исключений, по крайней мере мне они неизвестны, да и сам я, разумеется, не исключение.

Абсолютное большинство людей моего поколения, рожденных в середине 50-х, в силу понятных мировоззренческих причин, безусловно, предпочитало проклятому прошлому совершенно непонятное, неопределенное, но, несомненно, светлое и счастливое будущее. Именно так – с акцентированной установкой на то, что лучшее в данный момент по техническим причинам невозможно, но обязательно ожидает в грядущем, нас принимались сизмальства воспитывать на утренниках в детских садах, на заседаниях «совета дружины» в средней школе, на торжественных построениях и линейках в летних пионерских лагерях. С октябратского возраста строгие, правильно подкованные, учителя призывали наивных доверчивых ребятишек, с распахнутыми миру глазами, жертвенно жить и служить для других, для абсолютно неизвестных и совершенно непонятных нам новых поколений. А ребятишки воспринимали все это с неизменно искренним доверием, как щенята. В их юные головы прочно внедрялась

лукавая пропагандистская установка: настал период оптимизма и искренней веры в будущее, которое – да кто бы мог сомневаться – прекраснее настоящего. А потому делается казалось бы вполне логичный вывод – дети должны и, несомненно, будут жить лучше своих родителей. Им и делать то особо ничего не надо, как только следовать мудрым указаниям старших, радоваться завтрашнему дню и ждать его лучезарного прихода. Ждать, когда сказка станет былью. И поскольку наше сознание формирует окружающий нас мир (заскорюзлые обвинения в «метафизическом идеализме» не принимаются – давно проехали), то соответственно «прекрасным» и специфическим – в определенной степени прекрасным и в значительной мере искаженным – он, этот мир, и сформировался. А если кто-то будет утверждать, что мировоззрение какое-то искаженное, то не верьте: искажения эти никто не измерял, их нечем измерять, нет такой меры.

Непоколебимый, железобетонный тезис о приоритете будущего над настоящим был несущей конструкцией всех тех идеологических скрижалей, которые составляли идейную основу советского образа жизни. Модный ныне слоган – «здесь и сейчас» – не имел в те времена никакого значения, более того, он не был ни известен, ни популярен, ни актуален. Людей, попытавшихся было поставить свое личное сегодняшнее выше коллективного завтрашнего, тут же обвинили бы в «отрыве от масс», в перегибах, уклонах, ну, и во всех иных смертных грехах. Пропесочили, а, может быть, и затоптали. Повезло бы еще, если не отправили в «места не столь отдаленные». Времена то случаются разные. Тогда они были совсем не такие вегетарианские как ныне. Всяко, бывало. А уж эти комсомольские собрания с разбором личных дел, с ханжеским ковырянием в чужом грязном белье! Как вспомню, аж подташнивать начинает.

«Там и тогда», читай – в прекрасном далеко, – вот абсолютный приоритет и вектор, по которому вели школьников 60-х и комсомольцев 70-х, старшие проверенные товарищи. Да оно и понятно. Зачем заморачиваться решением каких-то «мелких», сегодняшних, бытовых проблем типа дефицита колбасы или туалетной бумаги? Быстрее и проще ни к чему не обязывающей, звонкой по форме, но пустой по содержанию, мобилизовать население на героическое «созидание нового общества», с энтузиазмом увлечь его благородными, но далекими, размытыми а, по сути, неосуществимыми целями. Понадобились десятилетия, потребовалось пережить застой, перестройку, бандитскую лихость 90-х, смятение и неопределенность нулевых, разочарование десятых уже двадцать первого тысячелетия, чтобы в голове произошел коренной сдвиг: важное и сущностное в любой человеческой жизни всегда происходит здесь и сейчас, и никакого счастья, «там и тогда» никогда не будет. А тот, кто уверяет себя и других, что

наперекор тяжелому настоящему живет ради счастливого будущего, не имеет ни того, ни другого.

Пролога Евангелия от Иоанна: В еще ничем не заполненное детское сознание учителя вкладывали «Не менее правильные» образы, которые завтра можно будет легко развить. Молодые и юные искренне доверяли речам старших яростно и пылко, чем первые апостолы доверяли словам своего Учителя. Первая строфа:

«Вначале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог.
Оно было в начале у Бога.
Все через Него начало быть...»

Слово, искреннее слово, было для нас, безусловно, первично. Подобно евангельским апостолам мы, юноши и девушки периода начала 70-х, как новоиспеченные адепты, самозабвенно и восторженно ловили слова и фразы «наставников», сгруппировавшихся в орден меченосцев под названием «Коммунистическая партия Советского Союза». Инстинктивно шли за ними, будучи на первых порах, по наивности и простоте душевной, слепыми исполнителями их, как тогда было принято говорить, «мудрой» воли.

Только у нее, «Партии» с большой буквы, была, как тогда всем казалось, исторически непререкаемая монополия на слова, лозунги, призывы и их всевозможные интерпретации. А кроме него, нашего богоданного «рулевого» с ареопагом престарелых небожителей во главе, никто ничего сущностного по определению сказать и не мог, поскольку не смел. А потому и не говорил. Крошечную группку диссидентствующих интеллигентов конца 60-х и 70-х умышленно вынесем за скобки. Да и соответствующие слова не находились. Официальный язык был сугубо официальным, до неприличия казенным. Подающиеся как серьезные научные работы труды по «истории партии», включая школьные учебники, писались высокопарно-пафосным, но совершенно безличным, скучным, сухим языком, с хорошо накаченной пропагандистской прокладкой. И тут сразу на память приходит небезызвестное произведение «лидера советской исторической науки» академика Исаака Израилевича Майнца под названием «История Великого Октября», вышедшее в 1977 году в издании «Наука». Аж в трех томах. Попробуйте сейчас найти и почитать сие творение. Ну хоть самую малость, хоть пару страниц. Даже не представляете себе, какую гамму чувств вам придется испытать.

Смутно, в подсознании, кое-кто из нас, конечно, уже догадывался, что есть еще другие слова, слова иной природы, идущие не сверху, от начальства, не от «руководящей и направляющей», а откуда-то со стороны, откуда-то из

глубины, даже как будто изнутри, из внутреннего космоса. Но к ним, словам этим «нездешним», упрятым в «спецфондах» и «спецхранах», укрытым за частоколами разного рода грифов и допусков, было не прорваться. Наша страна тогда еще не проиграла «холодную» войну. Поэтому выбора как такового, по большому счету у нас, ослепленных и зомбированных навязанной «картиной мира» по существу и не было. Во всяком случае, у тех, кто в силу природной склонности изначально верить доброму слову и ласковой интонации, которые всегда шли от самого близкого человека, от мамы или первой учительницы, был сначала наивным октябренок и носил звездочку с кудрявым мальчиком Володи, затем восторженным пионером («пионеры юные – головы чугунные»), преданным «делу Ленина», увлеченным комсомольцем, и далее – со всеми остановками. Для тех, кто искренне хотел быть помощником старших товарищей в воплощении «единственно верного учения».

Но, как позже выяснилось, и тогда этого хотели далеко не все. Были исключения. Но по понятным причинам мало кто о них знал. Некоторые из моих ровесников уже к моменту окончания школы (период начала 70-х) начали кое-что понимать и смутно кое, о чем догадываться. Даже в МГИМО, плотно опекаемой партийными и всякими иными органами, кузнице «наших» дипломатических кадров, лично знавал коллег по цеху, у которых вновь создаваемая на счастье «всему прогрессивному человечеству» новая цивилизация под не очень удачным названием «советский народ» вызывала не восхищение, как говорилось с высоких трибун, а наоборот – плохо скрываемое раздражение, постепенно переходящее в безгловое отвращение.

Но мы настолько эмоциональны, что не можем долго удерживать в себе ощущения счастья или несчастья (неприязни, отторжения, отвращения). Чувства постоянно вырываются и ускользают от нас. Даже с неверно расставленными акцентами. И слава богу!

Поколение наших родителей, людей, родившихся в 30-е годы, воспитывалось в атмосфере незамутненной жертвенности ради высоких идеалов «завтрашних дней». Мифологизация известных героических образов со стороны профессиональной, проверенной еще с 30-х годов идеологической машины в ту пору была доведена до совершенства. Вершина ее деятельности – высеченные из гранита и мрамора, хотя некоторые считают, что из железобетона, литературные характеры юных героев новой и новейшей истории – октябрьской революции, гражданской войны, строительства социалистических основ. Характеры, надо признать, талантливо созданные небесталанными писателями. Ну-ка, вспомним. Павка Корчагин! Олег Кошевой! Ну, что еще тут скажешь?! Что добавишь или опровергнешь?! Абсолютная, абсолютная всепроникающая героизация жертвенности.

Яростная политическая экспрессии молодых строителей нового мира. Уже совершенно не важно, кем же были на самом деле прототипы этих литературных персонажей. Никто серьезно над этим не задумывался, не докапывался и продолжает не задумываться. А если кто вдруг неожиданно на мгновение и засомневался, тому элементарно не давали раскрыть рот. А сейчас, по прошествии стольких лет, до истины картины наверняка уже никто и не докопается. Да и желающих копать в этих литературных раскрасках для взрослых что-то не наблюдается. Впрочем, о чем это я?

Вершители человеческих судеб, идеологи партийно-пропагандистского аппарата не догадывались (а может догадывались, но делали соответствующий вид), что тотальное мифотворчество постепенно вызывает у народа сарказм, а далее – отчуждение, переходящее в отторжение. И в какой-то момент отторжение это становящимся непреодолимым.

Со временем, даже идеальные образы, когда-то блиставшие на вершинах успеха ослепительными звездами, тускнеют и меркнут. Советское государство было прогрессистским, то есть оно верило, что все в нем по определению развивается к лучшему. Никто не задавался вопросом: а собственно, почему именно к так. И что такое это лучшее, откуда и как его мерить? Тем не менее среди моих сверстников, представителей последнего ярко выраженного до перестроечного поколения, уже на первых курсах института наблюдались очевидные признаки утраты и размывания некогда казавшихся устойчивыми, если не вечными, идеологием и пропагандистских штампов. Как-то подспудно формировались настроения «аполитичности и нигилизма». Появлялся плохо скрываемый скептицизм в отношении прописных догматов «научного коммунизма», с элементами иронии, зачастую на грани в меру вежливого цинизма. Тем не менее проржавевшая и все более костенеющая идеологическая машина продолжала методично работать, регулярно подбрасывая и без того запуганному населению ужасы из тамошней «забугорной» жизни. При этом деятельность ее с годами все больше строилась по принципу «развлекая – отвлекай», в стилистике, заложенной еще в начале 50-х годов отделом пропаганды и агитации ВКП(б) во главе с небезызвестным партийным функционером Георгием Александровым. Хотя почти всем мало-мальски мыслящим гражданам великой страны было ясно, что к концу 70-х принципы эти тупо перестали работать. От телевизионных передач типа «Ленинский университет миллионов», проповедующих соединение марксистской теории с практикой «реального социализма», откровенно сводило скулы. По моим наблюдениям, к концу 70-х, закостеневшее в своих допотопных методах прославление идеологически «здорового образа жизни» имело прямо противоположный эффект.

Даже в таком стопроцентно политизированном ВУЗе как МГИМО многие студенты (будущие дипломаты и «внешнеторговцы», дети своих статусных родителей, заслуженных бойцов дипломатического и идеологического фронтов) быстро научились вести двойную сначала личную, на затем и публичную жизнь. Причем, удачно и безболезненно. Выйдя, например, из аудитории, где еще шел экзамен по истории КПСС или политэкономии социализма, можно было вполне себе спокойно, смакуя интонацией пикантные нюансы, тут же, у дверей, рассказать свежий «политический» анекдот из крайне популярной серии о «дорогом Леониде Ильиче», о нашем «дяде Лене», типа – «привет, Леня, я уже на Западе». Да и за пределами нашего идеологически выдержанного вуза многие еще не до конца зашуганные студенты, с вполне правильным рабоче-крестьянским происхождением, папа у которых не партийный вельможа или состоятельный внешнеторговский дворянин, достаточно скептически воспринимали заклинания с высоких трибун о торжестве социализма, видя в них не более чем популистскую риторику. Природное ирония и трезвый взгляд на вещи, на происходящее вокруг, размывали, сводили на нет все внешние попытки навязать кондовым пропагандистским инструментарием веру в наше «праведное дело», в пресловутую «победу социализма».

Анекдоты о дряхлеющем руководстве в середине 70-х стали ключевым общественным феноменом, важнейшим ингредиентом в том социальном бульоне, в который перетекало и где затем медленно варилось, и накапливающееся раздражение и недовольство существующим status quo. Каких-только анекдотов я не наслушался за годы учебы в МГИМО. Все они – и про Брежнева, про Василь Иваныча, и про Штирлица, и про Вовочку имели одну общую характеристику – скрытую издевку над навязшей в зубах, скучной, нудной, неумной, пропахшей нафталином идеологией, перегруженной примитивными штампами по линии пропагандистского ведомства. Правда, десятилетиями сковывавший языки животный страх выветрился не до конца даже у студенческой молодежи. мои поднаторевшие и по-своему искушенные коллеги по вузу, прежде чем рассказать очередной политический анекдот, на всякий случай, предваряли его крылатой фразой: «А вот одна сволочь сказала...». Выражаясь не по-салонному, «натягивали презерватив», так сказать. Продвинутые сверстники как-то быстро и умело, на мой взгляд, научились таким образом предохраняться. Держа фигу в кармане. И если и бунтовать, то исключительно стоя на коленях. В этом отношении генерации советских «бумеров» 1950-х годов, можно сказать, повезло. Да и в других отношениях тоже. Мы попали в тот счастливый временной промежуток, когда противозачаточные средства уже были, а СПИДа – еще не было.

Между тем не ладно скроенная, но крепко сбитая пропагандистская машина продолжала, согласно давно введенному алгоритму, штамповать все новые и новые «отряды передовой молодежи», предназначенные для «светлой и счастливой» жизни, конструируя их генетические матрицы и идеологические клоны. Сверху утончено уверяли, что вот этим, извините, немного не повезло, а уж следующее поколение точно «будет жить при коммунизме», когда там все наконец осуществится и обильным потоком польется. Верить в это было совершенно неприлично, но мы хорошо выучили коллективистские практики и умело делали вид, что верим. Но счастливо жить ни одно советское поколение так и не начало. Даже наше, последнее из «до перестроечной» эпохи, у которого (некоторые уже тогда это предчувствовали) было все меньше настоящего и абсолютно отсутствовало будущее. Или грядущее? В чем, кстати, будущее отличается от грядущего? По-моему, лишь пафосом смыслового насыщения этого понятия? В применении к «грядущему» он интенсивнее.

Не случилось... а почему – никто не толком не объяснил, не объясняет и вряд ли сможет объяснить. Не смогут этого понять, и пришедшие позже: ведь многие из них постигали законы жизни через язык «падонкафф» или телешоу «Дом 2», где главная фишка и приманка – унижение других. Как ни крути, невозможно было оспорить произошедший на рубеже 80-х-90-х психологический, когнитивный разрыв старших и младших, отцов и детей. И никакие многолетние заверения в собственной исключительности и особенности, никакие принуждения к любви не сработали. Как в популярном анекдоте про старую кобылу, обещавшей прийти на скачках первой, но рухнувшей через несколько шагов после старта: «Ну, не могла я, не могла». А чего-такого-то? Ну, перевелись лошади, не умеющие проигрывать. Ну и что? Еще много чего перевелось и исчезло, и исчезает безвозвратно каждый день. А мы как будто и не замечаем этого за рулем своей кобылы.

Справедливости ради надо признать, что к моменту нашего вступления во взрослую жизнь единые монолитные принципы идеологической обработки населения весьма ослабли и система все чаще работала вхолостую. Да и казенный энтузиазм восхваления трудовых подвигов несколько поутих.

Но все же, думаю я сейчас, поколению отцов повезло. Они в большинстве своем не увидели разрушения идей и практик, которым искренне и самозабвенно посвятили и свои судьбы, и карьеры. А те из них, кто все же на излете своих лет застал коллапс коммунистической идеологии и глобальный феномен распада СССР, помимо общих бытовых испытаний периода пустых полок и карточек на табак и водку, пережили еще и глубокую личную трагедию. По своему отцу сужу, ушедшему в 1999. Как его все это ломало в

последние три года перед уходом... Как жить с мыслью о том, что все, во что верил, чему ты посвятил лучшие годы превратилось в руины?

Для того, чтобы достойно держаться на плаву, важно иметь содержательные цели. Возможно, что поколение родителей выбрало цели иллюзорные. А собственно, был ли у них выбор? И что еще они могли выбрать, живя за «железным занавесом» в условиях тоталитарной заржавевшей, заскорузлой пропаганды? Но раз их все же выбрав, они сделали это раз и навсегда. Они следовали этим целям искренно и преданно, и до конца. Это уже наша, падкая на сладкое, «подпорченная» запоздалым заимствованным гедонизмом генерация раскололась по вопросу – что значит «быть преданным» и нужно ли быть преданным кому-то или чему-то одному всю свою в общем то недолгую жизнь. Ведь, оказалось, что можно легко менять цели, внутренние ценности и ориентиры, ровно также, как и жен, как, виды работы и места локаций. Даже гражданство можно поменять. В обмен на деньги, то есть, прощу прощения, если по-современному – на инвестиции.

Внутри меня стойкое ощущение, что «перестройка» и крушение Советского Союза переехало моих сверстников пополам. И это, несомненно, их самая большая драма. Когда СССР, как государственное образование, распался, людям, родившимся в конце 50-х – начале 60-х, было 30-35 лет. Самая середина жизни! Самый сок! Прилив сил и расцвет замыслов. На рубеже 70-х – 80-х юные комсомольцы искренне верили, что социализм – это навсегда. С этим словом они связывали свое будущее, вокруг него, в расчете на него строили или пытались строить собственные судьбы и карьеры. «Учение Маркса всесильно, потому что верно!». Друзья, помните этот знаменитый лозунг? И его всепроникающий и до дрожи пробивающий подтекст? Мы – лучшие. Мы – не просто так. Мы – самые-самые. Мы хотим быть самими-самыми. Точнее хотим, чтобы нас такими воспринимали извне. Мы овладели лучшим теоретическим инструментарием. Мы живем в счастливейшее время, в лучшей в мире стране, которой, – да кто же может сомневаться, – принадлежит будущее. Но в светлое царство возьмут не всех. Двоечникам, нытикам, лентяям – всем «плохишам» туда дорога заказана. Это надо заслужить, надо как следует постараться.

Многих из нас, безусловно, притягивала, спланивала и грела идея быть «передовым отрядом человечества», быть первыми и лучшими во всем, даже если эти «состязания» придуманы узкой группой живущих в облаках правителей, чтобы потешить собственные амбиции «прогрессивных» руководителей, и по большому счету народу как таковому не нужны. Не скажу точно, где и когда, на каком историческом этапе, я потерял веру «в светлые идеалы социализма» как в некую абстракцию, в предмет, не имеющий четких параметров и очертаний, и однобоко толкуемый штатными

профессиональными толкователями. Скорее всего, тогда, когда в конце 80-х, под напором запретных публикаций и литературных разоблачений, прорвавшими плотину замалчивания и лицемерия, расстался с романтическими сказками комсомольской молодости. Скорее всего, предполагаю, где-то в конце 80-х этот процесс начался, а окончательно завершился, в начале 90-х. Ускорило этот процесс цепочка саморазоблачений и предательств в кругу моего общения. Нельзя сказать, что во мне про резко и сразу изошли революционные потрясения, и я, пережив крушение привычного порядка вещей, одномоментно разменял социалистический жизнеутверждающий оптимизм на скептически циничный пессимизм нарождающегося госкапитализма. Но к моменту развала страны, внутри явно уже что-то сдвинулось, и смотрел я на мир уже иным взглядом. Сказать по-новому, было бы преувеличением, но внутренние ориентиры трансформировались путем непредсказуемой транс мутации. Любим мы быть первопроходцами и считать себя победителями, даже когда тогда весь остальной мир не играет в предлагаемые игры.

Вдруг все внезапно закончилось. И огромная система, неожиданно для самой себя оказавшись изнутри изъеденной и трухлявой, беспричинно рушится. И твои собственные планы рушатся вместе с ней. Многие, очень многие вполне успешные, неплохо встроившиеся в систему коллеги из ближнего и дальнего окружения, также полетели вниз в пандан с ее обломками, и больно-больно ударились о каменистое дно, да так, что не смогли затем подняться. Когда я время от времени просматриваю список нашего курса – факультет МЭО выпуска 1979 года, – то внутри холодеет. Из ста пятидесяти студентов набора 1974, (иностранцев из стран «народной демократии» не считаем), около сорока уже нет в живых. Одна треть почти...¹ Потери такие, как будто мы участвовали в какой-то секретной военной операции, экзистенциальный смысл, который так и остался никем непонятым... Жизнь замечательно прошла по касательной.

А ведь как хорошо все начиналось. Почти у всех поначалу выстраивалась внешне вполне успешная карьера в соответствующих успешных ведомствах: МИД, внешторг, служба в славных чекистских органах. И везде с хорошей перспективой долгосрочных зарубежных командировок. А какая еще была заветная мечта у среднестатистического позднесоветского человека периода 70-х, апогея «застоя»?.. Вспомнили? Ну, конечно, же – глотнуть сладкий запах «загнивающего Запада», с его сладковатыми миазмами. Глотнуть и не выдыхать. Держать этот «отравляющий» глоток внутри себя как можно дольше. Главное – не потерять сознание с непривычки,

¹ Автор немного ошибается в оценке количества человек на курсе. На самом деле у нас на курсе было около 280 студентов, не считая иностранцев. (Прим. ред.)

не отравиться, не дай бог! Тогда, в начале 80-х, казалось, что перед нами бесчисленное множество вариантов, что все возможности открыты, и ничего заранее не предопределено.

Но вот минуло сорок лет. Срок, с одной стороны, вроде бы и немалый, но, с другой – или, как сейчас модно говорить, с позиции вечности, – всего лишь мгновение. Что такое сорок лет? По современным европейским меркам, – лишь половина человеческой жизни. И что я вижу? Каковы итоги? Кто-то спился, кто-то погиб, кто-то ушел слишком рано. Кто-то, не сумев организовать рациональный способ существования и не желая напоминать о себе, спрятался и затаился... Некоторых сгубила жажда быстрой роскоши и незаслуженных, необузданных, потребительских наслаждений, когда каждый стремился урвать у общества, или, говоря иным языком, – у других сограждан столько, сколько мог урвать. Религия денег – бич нашего зачастую линейно воспринимаемого временного периода.

Иные давно, еще в до перестройки, уехали работать за рубеж и там, разрываясь между любовью к родине и сладкой мечтой о «настоящей свободной» жизни, сделали все возможное в форме ПМЖ, чтобы никогда не возвращаться в горячо любимую отчизну. Они уже не понимают ее и боятся. Как говорил мой друг и однокурсник Миша Фролов, недавно, к сожалению, ушедший, «они стали дикими» для нас. Собственное место рождения превратилась для них в предрассудок. Государство не стало родиной, а родина не стала государством. Это не их вина, эта чья-то, непонятно чья, вина. А мы, оставшиеся здесь, стали такими же «дикими», но только для них. Нам практически не о чем друг с другом говорить, у нас не осталось общих тем. Мы живем разными жизнями и эмоционально про-разному их проживаем. И почти не понимаем друг друга. Нам только кажется, что понимаем. Такая вот парейдолическая иллюзия. Иногда мы с Мишей Фроловым обсуждали наших общих знакомых, покинувших проблемную отчизну и в большей или меньшей степени успешности давно проживающих за границей. Особенно значимая часть наших бывших с ним однокурсников обнаружилась почему-то в Швейцарии.

- А ты никогда не собирался уехать? – спрашивал я его.

Мишка только смеялся в ответ:

- Да скучно там жить. Неинтересно, сухо и пресно.

- Зато сытно и безопасно, – развивал я тему.

- А чего нам тут бояться, мы же у себя дома...

- Ну, знаешь. Сколько у нас тут всего случается, ты же смотришь телевизор, там столько всякого ужаса, умышленно подобранного под сенсацию.

- Нет. Телеящик я не жалую, а из газет читаю только «Советский спорт». И потом, ты же родился здесь. Ну и будь добр, соответствуй...

В конечном счете, потрепавшись ни о чем, мы с Мишей всегда приходили к консенсусу, разделяя общее базисное правило: где родился – там и пригодился. При этом надо сказать, что последние пятнадцать лет Мишка, имея серьезное заболевание крови, нигде не работал и получал пенсию по инвалидности (около десяти тысяч рублей, по-моему). Летом он жил три месяца в деревне, где-то под Клином, а осенью, зимой и весной – у одной знакомой, фактически содержащей его женщины, где-то в Филях. Принципиально не хотел искать работу, хотя пенсия была мизерной, а он отлично знал пару иностранных языков, и мог бы вполне что-то себе подыскать в качестве приработка. Иногда я спрашивал его:

- Мишка, ты же знаешь китайский, это сейчас модно, актуально. Найди работу, займись переводами, например

- Да не хочу я, не буду, – упорно отказывался он.

- Да чего ты делаешь то тогда целыми днями?

- Я же говорю: читаю «Советский спорт» ...и хожу гулять, в основном на рынок (он жил рядом с «Горбушкой», популярным радиорынком).

- Чего-то покупаешь?

- Не-а, так, ругаюсь с торговцами... китайцами... матом... по-китайски...

- Ну хорошо. А в остальное время чего делаешь? Перед телевизором лежишь?

- Не-а., ящик я принципиально не смотрю.

- Совсем что ли? Чего так?

- Да остолпи...ли это заказное брэнчание в комментариях...

В конце разговора Мишка обычно спрашивал:

- Хочешь шутку юмора расскажу?

- Давай....

И он рассказывал какой-нибудь короткий, но весьма острый и в достаточной мере соленный анекдот, «из последних». При этом Мишка вместе со мной громко и заразительно смеялся над собственным повествованием. Несмотря на сковавшую его болезнь, у него в отличие от многих почему-то не было ощущение, что все главное происходит где-то помимо нас. Фактически забив на все, на всю эту его отягощающую, гнусно материальную, конкурентную жизнь, на обременительный быт, к которому он не был приспособлен и совершенно не хотел приспособливаться, он продолжал оставаться по природе безусловным оптимистом и внешне симпатичным пофигистом. В нем совершенно не было так свойственного нынешней генерации миллениалов нездоровой одержимости собой, раздувания

искусственно сконструированной selfi самооценки. В своих запросах он был скромнен и смиренен.

Несомненно, многие из моих одноклассников, сверстников, сокурсников и собутыльников и в постсоветское время не пропали. Приноровились, приладились, влились, вросли в иной уклад, в «рыночную», с позволения сказать, экономику отечественного разлива. Адаптивные способности русского человека поразительны. Он – чемпион по выживанию в экстремальных условиях повышенной неопределенности: и в холоде, и в жаре, и в наводнении, и в засухе, да что там – в любой агрессивной среде. Он упорно продолжает сопротивляться преследующим его бытовым стрессам и глобальным разочарованиям жизни. В чем причины такой универсальной приспособляемости к пертурбациям политической, географической, а возможно, и климатической среды – еще предстоит выяснить. Не исключено, что дело в генные мутации, позволившим нашим предкам жить при тотальных нехватках и ограничениях буквально всего – от элементарных свобод до обыкновенного кислорода как базовой предпосылки физиологического метаболизма.

Мои сверстники в 90-е годы искали новые колеи, цеплялись за них, вгрызались, карабкались. Как могли. Некоторые даже снова выползали на поверхность. Увы, далеко не все. Ну, кому как подфартило. *Ci sera, sera!*

Но все равно, даже у оставшихся, выкарабкавшихся и «уцелевших» не было и нет ощущения общего поколенческого успеха, востребованности временем, эффективной самореализации. Что-то внутри многих моих сверстников, однокашников и однокурсников, сломалось. Несмотря на внешнее бодрчество и подчеркивание высокой иммунизации к происходящим вокруг неприятностям. Уже к концу горбачевской «перестройки» многие испытали горькое чувство собственной ненужности. Ни к чему невозможно было себя приспособить. Сова на глобус никак не натягивалась. Поначалу, как справедливо заметил кто-то из журналистов, еще казалось, что крах советского проекта не означает общего краха переживающего этот период поколения, но довольно быстро стало ясно: если людям, независимо от времени, когда они приходит в эту жизнь, что-то главное, хотя бы по самоощущениям, не удастся к сорока годам, оно уже не удастся никогда. Исключения, возможно, бывают. Но я их не знаю. А если и узнаю, отнесусь к ним с ожидаемым и понятным скепсисом.

Это мое такое неоднократно подтвердившиеся наблюдение, ставшее для меня, например, личным неписанным и не написанным законом. Может быть, оно войдет когда-нибудь в популярную книгу «4048 законов жизни» и станет еще одним из многочисленных уже существующих правил этого сборника, например, 4049-м. А может, и нет. Не суть. Сейчас для меня значение имеет

лишь то, что многие из ровесников, людей, родившихся в середине 50-х, уже , доживают свой век уставшими и в большинстве своем разочарованными. С покалеченными спинами... И разодранными мозгами. Обывательски и бессодержательно. Все когда-то казавшиеся радужными и яркими цели поблекли и выцвели. Нет содержания, нет контента. Остались равнодушные и commodities. Задаю сам себе в очередной раз риторический вопрос: так что же с нами не так? И не нахожу ответа. У меня его нет. Если он когда-нибудь и будет найден, то уж точно не нами.

Хорошо помню, что в самые спокойные, стабильно «застойные» 70-е по радио можно было часто услышать крайне популярную патетически-возвышенную патриотическую песню про Ленина, который «всегда живой, и всегда с тобой...». Припев песни этой заканчивался замечательно оригинальным рефреном: «Ленин в тебе и во мне...». Кто слышал и помнит – подтвердит. Так вот, когда я совершенно случайно, не понятно по какому поводу, относительно недавно вдруг услышал мотив этой напрочь забытой песни, я отчетливо понял, что никакого Ленина во мне давно нет, не осталось даже крошечной частицы, миллиардной доли того коллективного Ленина, образ которого создавался и прививался нам годами, с младых ногтей. И как вспомню себя комсомольцем, понимаю, что не безуспешно. Та искорка, зажженная во мне в пионерском возрасте и ярко разгоревшаяся в комсомольском (глупо это опровергать и отказываться от собственного прошлого) давно потухла, залитая в последующие годы ледяной водой бюрократического лицемерия и лезущей из-за всех щелей двойной морали.

В последние годы верхи вдруг резко озаботились новейшей историей, и на свой лад стали перелицовывать трактовку важнейших социально-политических событий последних двадцати пяти лет. Не для кого не секрет, что официальное отношение к истории может меняться в зависимости от вкусов и настроения верховных правителей. И в нашей стране это происходит достаточно регулярно и неизменно связано со сменой государственного лидера. За последний десяток лет смысловой акцент трактовок важнейших события сместился на великодержавность с ретроспективной проекцией на многовековую историю Руси. Имперские амбиции, имперские забавы!

При этом были задействованы немалые псевдо научные и пропагандистские силы, включая доморощенных идеологов «скреп» и иных манипуляторных практик, чтобы с нового угла, «с патриотических позиций», взглянуть на новейший исторический период в целом и трактовать в интересах правящих элит отдельные ее эпизоды. А если попробовать изменить подход и представить хронологический поток дат событий не как столкновение классов, сословий, социальных групп, как нас учили и как мы привыкли, а как сумму личных устремлений и мотиваций среднестатистического образованного

гражданина? Что произойдет? Поменяет ли политика памяти свое смысловое наполнение? Изменится ли официальный нарратив, строящийся сейчас по эклектическому принципу?

Все сейчас спорят о 90-х. Какие они были: «лихие» или «святые»? «Всамделишные» или фальшивые? Хотя вопрос то, разумеется, риторический. Ответ же понятен: каждому – свое, каждому – по делам его. Тут нет и никогда не будет единообразия, поскольку каждый прожил этот период по-своему, ища собственный механизм формирования внутренней гармонии. Как ни старайся, невозможно устранить все накопившиеся двусмысленности и убрать многочисленные варианты толкований.

В моем восприятии 90-е – это было время бешеной вертикальной мобильности... Кто-то резко взлетал, кто-то стремительно падал, плашмя, и в лепешку, и навсегда... Но при резкой смене положения верх-низ также быстро обычно исчезала и сама личность обладателя меняющегося статуса. У добравшихся до карьерных вершин, измотанных конкурентной борьбой, нервных, измученных, не оставалось, как правило, сил, чтобы сохранить свое первоначальное, природное нутро. Вся витальная и мозговая энергия уходила на борьбу за место под солнцем, за деньги и статусные позиции. Выскочивший наверх и выживший, если повезет, моментально оказывался уже совсем другим человеком. Абсолютно иным с точки зрения морально-этических оценок, чем он же – еще несколько лет назад, когда пребывал в гуще «советского народа». Обновление или перерождение – как кому нравится – происходило стремительно.

«Новейшие русские», свежее испеченные нувориши, – все те, кому повезло выскочить и уцелеть, с придавленным энтузиазмом меняли жен, жилье, друзей, окружение. Им, очевидно, казалось, что они уже в иной, запредельной реальности, в новом мире, и твердой рукой держат бога за бороду. И это теперь навеки, навсегда, до скончания времен.! Возникшие из пророческих догадок братьев Стругацких самонадеянные супер эгоцентристы активно сгребали под себя все важное, значимое и ценное в этом мире, все, до чего смогли дотянуться, чтобы затем перейти ко второму этапу их миссии: свертыванию пространство и остановке времени. Насколько это им удалось – трудно судить. Но дисгармонию в мир кристально отполированных, открыточных псевдо ценностей они, без всякого сомнения, внесли.

Труднее всего было удержаться в своей колее «прежним русским», людям середины, отвергающим крайности. Они не хотели пертурбаций, не желали резко менять свой уклад. Чуть-чуть приподняться, чуть-чуть, может быть, приспуститься, не взлетать высоко, но и не падать низко. Их кредо было: несмотря на бушующие вокруг катаклизмы и развертывавшиеся соблазны, – сохранить, не теряя достоинства, себя и по возможности свое

ближнее окружение, семью, узкий круг друзей, преданных коллег. Не ударится в холуйство и не начнет мелко и суетливо мести хвостом перед красными пиджаками и чванливыми чинодралами. Формально или неформально, но вышестоящими по социально-статусной лестнице... Не раствориться в бешеном потоке красивых бессмысленных слов. Стараться жить простыми правилами и проверенными истинами, преодолевая несчастья и разочарования, рождая замыслы и порывы из собственной боли. Терпеть и ждать, воспринимая эту достаточно спокойную, скудную на большие события жизнь не просто как к отсрочке момента окончательного ухода, но как долгие паузы затянувшегося ожидания между редкими мгновениями счастливых взлетов. Но как им, то есть нам, нетерпеливым, привыкшими с юных лет постоянно куда-то и за кем-то гнаться, догонять, обходить, конкурировать, наотмашь бросаться в самореализацию- научиться терпеть и ждать?

Когда начинаешь задумываться над всем этим и вспоминать свои 90-е, стройной картины, конечно, не получается. Ментальная модель дает сбой в своем электромагнитном спектре. Вспышки событий, затем провалы в однообразии будней, где памяти не за что зацепиться. Теряются имена, путаются даты. Одно налезает на другое, сминает его. Фокус смещается и размывается. Всего так перемешено... Но мы ведь есть то, что мы помним. И если заставить себя преодолеть прокрастинацию и начать что-то вытягивать из долгосрочной памяти, вспомнить «самое-самое» и «наиболее яркое», то в результате получится некий набор эпизодов и образов, политый тонким слоем эгоцентричной рефлексии.

Всем, кто помнит 80-е и, кто хоть немного интересуется современной историей, хорошо известно высказывание «романтика с Лубянки» Юрия Андропова, относящиеся к короткому периоду его правления образца 1983 года: «Мы не знаем страну, в которой живем». Но, оказывается, мы не знаем и вкуса времени, в котором проживаем. Время – величина неотвратимая, но не абсолютная. Время – не истина, а иллюзия, субъективное ощущение последовательности событий. Время есть форма нашего взаимодействия с миром, возможно, одно из наиболее насыщенных ощущений от него. Само существование современного человека построено на искусстве управления временем.

Мы стареем. Мир предсказуемо сужается. Все уже становится неважным, ценны только воспоминания и узкий круг близких. И чтобы совсем уж не стать рассеянной пылью в глазах собственных потомков, мы должны досконально знать хотя бы свое личное прошлое и правильно к нему относиться. Быть за него ответственным. Не льстить ему, не приукрашивать, не фантазировать, не врать и притворяться, а относиться правильно – спокойно и с достоинством, может быть, с иронией легкой. Не ворошить понапрасну

слежавшиеся пласти, а лишь аккуратно приподнимать их и медленно разглядывать мелкие детали. Фиксировать их, не дожидаясь пока ускоряющиеся время полностью устранил их из нашей плохо структурируемой, хаотичной памяти. Ведь история (ну, хорошо, пусть будет – «микро история) обыкновенных маленьких людей, – не королей, генеральных секретарей, губернаторов, политических лидеров и всякого рода правителей, а именно среднестатистических граждан, вполне заурядных в своей обыкновенности – это тоже история. Не менее занимательная, и познавательная. Каждый из нас представляет собой не что иное как переходное звено от своих плохо, к сожалению, изученных предков к абсолютно неизвестным потомкам. И в их будущем воображении мы очевидно, не должны представляться как одномерная смоделированная копия типового общечеловеческого предка. Откровенно говоря, очень хотелось бы этого избежать. Учитывая огромную вариабельность сапиенсов, мы, живущие здесь и сейчас, в России, во втором десятилетии двадцать первого века, все так или иначе уже попали или в историю во всех смыслах и значениях этого емкого, трудно определяемого слова. А кто не попал, тот обязательно попадет. Родившись в «радостные, оптимистические 50-е», в этой стране, в этом городе, в этом месте – мы уже давно там. И великие государственные деятели первого ряда, и простые «маленькие», если можно так выразиться, люди - все они равноправные творцы широкой исторической летописи.

Собственно, из многочисленных мелких семейных притч и родовых повествований, из описания единичных, ничего не значащих на первый взгляд бытовых событий и дневниковых записей, в конечном счете складывается всеобщая, глобальная история государств и населяющих их народов. Причем подлинная, с потом и кровью, а не пропагандистки залакированная, не та, что содержится в навязанных педагогическому процессу официальных учебниках по истории. Любую канонизированную мега-историю структурно можно разделить на локальные сюжеты, а затем каждую из них раздробить на более мелкие и еще раз... и еще... И так дробить, расщеплять вплоть до каждой мельчайшей отдельной «ячейки», коим словом в оное время называли семью.

В конце концов, эта личная, камерная, семейная, доставшаяся потом и кровью твоих предков, носящих одну с тобой фамилию, история оказывается гораздо важнее и значимей для каждого из нас, чем холодное равнодушие выверенного, отфильтрованного, причесанного, стерильного, казенного текста учебников по истории, утвержденных министерством образования. Листая их, неизбежно задаешься вопросом: а насколько адекватно наше представление о прошлом, откуда берутся такие поверхностные, заточенные под политическую конъюнктуру трактовки недавних событий. Откуда все эти записные «смотрящие»? Лезет наружу, режет глаза наглая несостоятельность

заангажированных интерпретаций еще недавнего советского прошлого. А личная история, абсолютно правдива, искренна и откровенна. И это самоценно. Она вся соткана из живых эпизодов, свидетелем и очевидцем которых ты сам и являлся. В ней нет навязчивых методологических штампов, заезженных дискурсов и доместикаций, нет агитационной составляющей. Это всего лишь спокойное, ровное, но честное жизнеописание происходящего, происходившего вокруг. Как сказал один из героев не помню какого фильма в ответ на вопрос, что он делает: «Я записываю все, что со мной происходит, иначе наши дети нам не поверят». В самом деле: люди, которые не помнят своего прошлого, достойны жалости. Но стоит ли их жалеть?

Время капсулируется. Не забытые моменты прошедшей жизни кристаллизуются и уплотняются. Все что не смогло сжаться до плотности черной дыры, испаряется и исчезает легким ветерком. И мы перелопачиваем вчерашнее сегодняшней мерой. Понятно же: мы не можем трактовать будущее, оно нам не подвластно, ретроспективному взгляду подлежит только прошлое, даже если зазор между ним и настоящим почти не различим.

Все меньше и меньше остается первичного и достоверного, все больше и больше накапливается вторичного и манипуляторного. В одном из научных изданий как-то вычитал, что, начиная примерно с 40 лет (а возможно и раньше), мозг здорового человека теряет каждые 10 лет около 5 процентов от своей массы. По достижении 70 лет потеря этой массы может идти еще быстрее. А все потому, что нынешние люди, существуют практически в тепличных условиях по сравнению с их предками (теми же кроманьонцами или неандертальцами. Им не приходится бороться за существование. Все необходимое для жизни (еду, одежду, развлечения) они получают в готовом виде. Накопленные же предшествующими поколениями знания не обязательно держать все время в голове, поскольку они спокойно себе хранятся на внешних носителях. Поэтому у современного homo, sapiens-а наблюдается его постепенное усыхание в голове.

Такие данные, если верить им, весьма впечатляют. А оснований не верить вроде бы нет никаких.

Стареющий мозг, видимо, уже не воспринимает время как константу. Настоящее интересует все меньше, а прошлое, наоборот, начинает настойчиво напоминать о себе и стучаться в твои двери все громче и громче, пытаюсь управлять жизненным потоком. И вовсе не потому, насыщенным прошедшим ты стремишься компенсировать недостаток настоящего. Тем более, что в повседневной жизни нет зримой черты между первым и вторым. Пытаться выдавать себя за некоего хрониста былого? Боже упаси! Следует признать, что забывание – это, увы, весьма активный процесс. А наши сохранившиеся воспоминания – всего лишь личностные наблюдения за временем как формой

протекания процессов, сопровождающих наше недолгое земное пребывание. Совсем не просто овладеть прошлым, понять его движущие силы и скрытые механизмы. Казалось бы, еще недавние события, медленно покрываются пылью времени. Некоторые события их толкователи пытаются изменить и приспособить для достижения нужного им большего драматического момента. В каждой точке пространства у времени свой ритм. Слои временной пыли утолщаются, деревенеют, сами события становятся заскорузлыми. До правды докопаться, доскребтись все сложнее. Реальность ускользает мгновенно. Нам остаются только воспоминания и сожаления. Сложно объяснить, откуда они берутся. Обычные люди не понимают этого и об этом не задумываются. Но несомненно, что яркие, пронзительные воспоминания стимулируют мозг и укрепляют позитивное самоощущение.

В обыденной жизни счастливые мгновения, сильные переживания моментально исчезают, оставляя лишь размывающиеся контуры. Но память, как основанная на пережитом личном опыте цепочка когнитивных связей в обиталище высшей нервной системы остается, с нами, как правило, до конца. Потому мы и должны так ценить и беречь ее. И при этом активно использовать наши воспоминания. Исходить из правила: «используй или потеряешь». Незаписанные фрагменты проходящей жизни тают и исчезают навсегда. Хотя, разумеется, у каждого из нас есть в нашем прошлом такие сюжеты, которые не хочется ворошить. Государство установило монополию на национальную память, процедурными действиями присвоило себе исключительное право распоряжаться ее. У нас, его граждан, остаются лишь крошечные осколки, островки памяти родовой. Опираясь на них, всегда остается шанс осознать прелесть своего рода, воссоздать, возродить семейную хронологию, летопись, которая сможет на личностном уровне противостоять официальному, выхолощенному и обезличенному, политически ориентированному взгляду на историю...

Где-то я слышал, что, по утверждениям современной науки, обычный, среднестатистический человек не способен с ходу, с первого раза, запомнить и удержать в голове более семи единиц информации, даже если она окрашена насыщенными эмоциями, не всегда и не обязательно поддающимися разумной когнитивной регуляции. Все меньше и меньше остается участников и свидетелей важных в твоей жизни событий. Это и подталкивает к тому, чтобы, специально не занимаясь глубокими ретроспективными изысканиями, заставить собственный мозг попытаться воссоздать, реинтегрировать прошедшее, зафиксировать еще не до конца забытые истории, разворачивавшиеся у меня на глазах. Как правило люди с неприязнью, даже с еле сдерживаемой ненавистью относятся к тем, в которых видят и узнают собственные пороки. Те напоминают им о себе, выпячивают на передний план

то, что большинство хотело бы спрятать и забыть. В мемуарах большинство их пишущих пытаются корректировать свой образ. И чем больше времени проходит с момента повествования, тем явственнее эта корректировка. В отдельных случаях мы можем получить образ, полностью не соответствующий историческому оригиналу. Чаще всего это касается артистов легких и облегченных жанров, но не только. Представителям творческой среды свойственен креатив даже в увековечивании себя для потомков. Мало кому удается избежать соблазна инстинктивного приукрашивания. Хотя делать это бесполезно и бессмысленно. Достаточно лишь по крупницам восстанавливать персональное прошлое. И оно само оправдывает тебя, твою субъектность. Или осудит. Что заработал, что заслужил! Разумеется, у каждого есть такие моменты, которые восстановить уже невозможно. Но это, наверное, и не нужно.

В прошлом каждого индивидуума должны быть вещи и события, которыми можно гордиться (идеальная ситуация) или по крайней мере, за которые не было бы стыдно. И это не просто набор смешных ситуаций, житейских баек, бытовых анекдотов. Даже при элементарной констатации происходящего, описания случившихся фактов создается некая атмосфера, меж событийной ткани, возникает подтекст. И он подчас важнее самого высказывания, сущностного его значения.

Личностная оценка соотношения черного и белого, хорошего и плохого, конечного баланса справедливого и несправедливого за весь массив прожитых лет определяет конкретную мотивацию – фиксировать прошлое, нанизывая его кусочки на тонкую ниточку собственной жизни, или нет. Да, порядок вещей несправедлив. Мы все видим и знаем это. Но что одних людей способно подвигнуть на преодоление этой несправедливости? А других оставляет совершенно равнодушными?

Перевалив пятидесятилетний рубеж, стал задумываться над тем, как выделить и сохранить то, что могло бы иметь ценность не только для меня одного. Как уберечь для дорогих и близких людей, для тех, кто придет вслед все то, что, употребляя несколько пафосный слог, можно назвать «наследием», что важно и дорого не только мне, здесь и сейчас, но будет интересно, важно и общезначимо и для других там и тогда? Так подспудно возник замысел формирования некоего пилотного проекта изучения истории собственной семьи, в усложненном контексте новейшей истории страны. При том, что эволюционные «интересы» рода и индивида далеко не всегда совпадают. Индивидуальному организму на генном уровне прописано жертвовать собой ради спасения близких, даже не обязательно родственных особей.

Общепризнано, что мы вступили в период «постправды», когда при формировании общественного мнения факты оказываются менее значимыми,

чем вызываемые ими эмоции, которые все в большей степени становятся объектом манипуляции и последующей коммерциализации.

Но и в этих обстоятельствах, подвергаясь ежедневному напору информационного, зачастую мутного и мутного, потока мне совсем не стыдно описывать, мемуаризировать среду, в которой рос, зрел и обладая некими задатками социальной чувствительности до чего-то, видимо, дозрел. Хотя многое и пропустил, а некоторые вещи – упустил безвозвратно. В конечном счете от нашей жизни останется только то, что мы о ней расскажем, напишем и что сумеют прочесть наши потомки. Надеюсь, им будет интересно узнать, кто есть те, чью фамилию они носят, чьи гены сидят у них внутри и определяют направление их движения от первых до последних шагов. Тешу себя тем, что они не останутся равнодушными к тому, как жили и что думали их предшественники поэтому самому генному коду. И если вдруг (нельзя же совсем это исключать) будущие историки захотят копнуть глубже, у них будет некий, пусть плохенький, пусть доморощенный, но все же первоисточник. Будет то, от чего можно оттолкнуться, если прорежется желание поковыряться дальше в собственной родословной, приобрести навыки «помнить по-нашему». У них в конце концов появится первая единица хранения. Надеюсь, что им будет небезразлично ознакомиться с представлениями о мире, скопившимися в голове одного образованного гражданина своей страны, жившего на рубеже XX и XXI веков, и у которого возникла сначала смутная но со временем все более настоятельная потребность оценить уже прожитое, но и еще не до конца забытое. Поведать некие в свое время впечатлившие и запомнившиеся эпизоды и сюжеты, свои «опавшие листья». Наблюдать и фиксировать происходящее с тобой и другими вокруг тебя – крайне важно. Не превращая это в плач по жизни прожитой. То, что мы видим – лишь впечатления мозга об окружающем. Хорошо бы все это записывать своими словами, громко и отчетливо проговаривая их. И вообще не нами замечено, что говорить о чем то, даже самому себе, крайне полезно. Все это наговоренное не сгинет втуне. Какие останутся материальные свидетельства нашего земного существования, если не тексты? Допустим через сорок лет – когда меня уже точно не будет, а мои дети и внуки будут жить – их будущее во многом будет зависеть от истории их собственного рода. Им не должно быть стыдно за их предшественников. Мы не можем себе этого позволить.

Рассказываемые нами истории, формируют и нас самих, создавая некий порядок из того хаоса, который нас окружает. А поскольку каждой истории нужен свой рассказчик, то смотри ниже.

Осень 1991

*Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить все подряд
Исайя Берлин*

Начало 90-х годов... Время буйное и для меня, наверное, уже можно точно сказать, – переломное. Рушился строй, рушились судьбы, карьеры... Все, что казалось важным вчера, моментально обесценивалось, новые пророки и лжепророки, самоуверенные неучи, тыкали пальцем в пространство перед собой, делая вид, что указывают путь, потому что якобы знают куда идти. Самоуверенный блеф...

«В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение. Все разом рушится, все – образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание. Для большинства русских верхом счастья является постоянная смена декораций». Мне кажется, что тот, кто пережил исторический период на изломе 80-х и начала 90-х, кто имел счастье (или несчастье) наблюдать внутривластные события с близкого расстояния, тот может полностью ощутить и подтвердить справедливость этих слов Мориса Палеолога, французского посла в России, написанных в преддверии событий 1917 года. Русскому человеку в самом деле по душе (сейчас бы сказали – «по кайфу»), когда жизнь не тянется равномерно и монотонно, а движется рывками, то ускоряясь, то замедляясь, когда она пульсирует. Нам имманентно не свойственно поступательное линейное развитие, мы не любим его и даже боимся. Слишком быстро становится скучно и действительно хочется потрясений.

После августа 1991 года ключевые государственные решения принимались «новым Политбюро» - узкой группкой ельцинского окружения, с минимальным управленческим опытом, хотя, очевидно, неплохо теоретически подкованной и начитанной. Чтобы окончательно не потерять контроль над ситуацией после мгновенной «отмены» КПСС, почти семьдесят лет являвшейся «становым хребтом» и «рулевым», следовало было быстро восстановить, а в некоторых сферах – воссоздать управленческие связи и цепочки. Готовых, типовых решений не было, все шилось на живую нитку. И отголоски неординарности происходящего в верхах отзывались на срединных и низовых слоях государственного кадрового аппарата.

В конце 1991 года я неожиданно приобрел статус начинающего чиновника, только-только приступив к работе в Контрольном управлении Администрации Президента Российской Федерации. Попал я туда интересным и неожиданным для себя образом, «по протекции», можно сказать, Саши

Захарова. С Сашей мы некоторое время, в середине 80-х, вместе трудились по научной линии. Да, 80-е... Время глухое, но этапное. Время, которое во многом сформировало нас... Но Саша скоро покинул науку, рванув по партийной линии. Быстро сообразив, что в научном учреждении карьеру сделать скорее всего не удастся, он не стал расстраиваться, а оперативненько сориентировался и ушел в Высшую партийную школу, кузницу достойнейших управленческих кадров, а оттуда чудесным образом – сразу в аппарат ЦК КПСС. Повел себя грамотно в непростой обстановке. Молодец! И вроде все шло хорошо, человек рос во все стороны, во всех отношениях. Вот он уже в тридцать с небольшим лет инструктор аппарата ЦК. Перспективы – светлейшие. Но затем – Бац!.. Черный лебедь прилетел... Август 1991, ГКЧП, «путч», если так можно выразиться. Это сейчас историки пытаются найти и некоторые находят позитивную мотивацию в действиях ГКЧП, а тогда, в августе 1991 года, ставшего затем на долгое время месяцем российских катастроф, иначе и не выражались как «путч», «хунта»... Трясущиеся руки Янаева на пресс-конференции ГКЧП 19 августа стали не просто метафорой дня, а символом заката советского строя. А потом последовало письмо Государственного секретаря РСФСР Бурбулиса на имя Горбачева о необходимости приостановки деятельности зданий ЦК КПСС на Старой площади. С одобрительной резолюцией Президента СССР, последнего Генерального секретаря ЦК КПСС. Опечатывание кабинетов на Старой площади 23 августа 1991 года. Самоубийство управляющего делами ЦК КПСС Николая Кручины, самоубийство его предшественника в этой должности 80-летнего Георгия Павлова. Загадочная гибель еще нескольких значимых партийных функционеров. Конец партии, конец многим карьерам и надеждам, выстраивавшимся по «партийной линии»...

Однако Саша удержался на поверхности и осенью 1991 года, благодаря, видимо, родительским связям, а, скорее всего, и не только им, оказался в формирующейся ельцинской администрации. И в конце ноября того же 1991 года, он позвонил мне и предложил вместе с ним поработать в этой новой, непонятной, загадочной, чудесным образом ласкающей своим названием слух и по-своему манящей структуре.

Откликнулся охотно, потому что иных вариантов у меня, чего греха таить, в тот момент просто и не было. После того, как в начале августа 1991 года я, несмотря на протесты своего ближнего окружения прежде всего в лице отца и тестя), справедливо опасавшихся неопределенности, покинул свое прежнее место работы, какое-то короткое время пытался закрепиться в одном из многочисленных и растущих тогда как грибы так называемых «совместных предприятий». Но вскоре понял, что вся деятельность этого так называемого СП (что-то из сферы то ли медицины, то ли фармацевтики) – блеф почти на

границ аферы, что это – абсолютно не мое, что, принимая решение об устройстве в эту контору, я необдуманно поторопился. То ли ошибся, то ли был введен в заблуждение, то ли по наивности и природной лени просто не разобрался, не захотел разбираться. И кого теперь винить? Кому предъявлять? Сам виноват. Не разобрался? Поспешил уйти? Без запасного аэродрома... Доверился... Не вник глубоко... Переоценил себя... Пал жертвой собственного протестного сознания. Так вот тебе расплата за ошибки. Можешь употреблять красноречивые метафоры – можешь не употреблять. И разве это правильно – пытаться жить дискретно, каждый раз начинать все с чистого листа, обнулив предыдущее. Как известно, мозг формирует собственный опыт. Видимо, на тот момент опыта или мозгов, или того и другого было недостаточно. Определенным оправданием могло бы служить то обстоятельство, что запрос на срочное обновление был настолько силен, что эмоциональное взяло верх над рациональным. Хотя оправданием весьма слабым. Хотя, с другой стороны, быстрый (относительно) разрыв с осточертевшей работой – это не то, что разрыв с разлюбленной женщиной. Он имеет и некие положительные стороны. Дает, например, возможность переизобретать самого себя несколько раз в течение жизни.

Еще было рановато до кризиса среднего возраста, но именно тогда я впервые почувствовал себя неуспешным. И в этом ощущении неуспешности виноваты были главным образом мои личные качества, наивное представление о транслируемых сверху постулатах, почти детское доверие к ним, чересчур непосредственное восприятие руководящих сигналов. Оказалось, что абсолютная доверчивость и чрезмерная исполнительность – это хорошо и правильно для классического советского человека, но беда – для постсоветского, каким я вместе с миллионами своих ровесников неожиданно для себя самого оказался осенью 1991 года. Возможно это покажется нескромным, но у меня с «младых ногтей» как-то получалось чувствовать (почти интуитивно) и различать понятия: «советскость» и «совковость». Причем, если первое вызывало и вызывает совершенно определенно позитивную коннотацию, то второе, «совковость», – прямо наоборот.

Человеку постороннему, незаинтересованному иностранцу это достаточно непросто объяснить. Но внутри страны «рожденные в СССР» в целом относясь к «советской эпохе» как своего рода фоновой декорации, отчетливо улавливают разницу между этими словами, и ясно понимают, что при этом имеется в виду. Чувствуют, так сказать, игру граней на уровне подсознания. Вот только грамотно объяснить другим не могут. Действительно, это крайне затруднительно. А впрочем, возможно ли в принципе объяснить собственное самоощущение?

Где и когда, на каком этапе, в какой момент «светскость» переходит в «совковость» и возможно ли движение в обратном направлении? На основании долгих наблюдений и неких досужих размышлений, рискну высказать следующее предположение: «советскость», неся изначально безусловно позитивный смысл, со временем перерождается в «совковость», понятие несущее как понятие совершенно негативную коннотацию. Происходит такая метаморфоза, когда юношеская открытость и искренность трижды обманутая, преданная и оболганная, превращается сначала в усталое равнодушие, а затем – в агрессивный цинизм.

Тем не менее «советскость» и «совковость» долгое время каким-то загадочным образом уживались во мне и во многих, как я заметил, окружающих людей похожего возраста. Даже когда Советский Союз надломился и рухнул под собственной тяжестью, когда в мгновение ока растворилась, исчезла «руководящая и направляющая», «совковость» оставалась внутри граждан страны еще очень долгое, настолько плотно она въелась в национальный характер, переплелась с ним, проросла корнями. Возможно сейчас, в неопределенное и неопределяемое время, проявления «совковости» несколько поухло, потускнело, но не исчезло совсем и время от времени прорываются наружу как в общественном поле, так и в коллективном подсознательном.

Что же обладает большим весом в этой имманентно противоречивой связке, в этой дихотомии «советскость-совковость», я никогда точно сказать не мог. И возможно ли в принципе между ними точка равновесия? И будет ли эта точка – концентрацией «советского человека» как социально-культурного исторического феномена? Хочу, кстати, поделиться собственными наблюдениями. По личным ощущениям, та часть граждан, в которых преобладала «совковость» сдавала и старела как-то быстрее, чем та которую можно в целом было просто назвать – «советские люди». Видимо, их психологический возраст в силу неисследованных пока причин обгонял физиологический. Однако, судя по тому, что тип «человека советского», как вытекает из многочисленных современных социологических исследований, будет воспроизводиться еще очень долго, нам с этой внутренней борьбой «советскости» с «совковостью» еще жить и жить.

Итак, на рубеже 90-х ко мне наконец пришло отчетливое осознание необходимости расставания с пионерской наивностью и комсомольской доверчивостью в отношении декларируемых сверху начальственных «истин». Это был первый урок.

Второй урок: надо наконец научиться терпеть и ждать, и в затянувшимся, стигматизированном процессе ожидания, а в нашей жизни – это сплошь и рядом, – уметь снижать планку. Проявить способность к

интеллектуальному смирению. Выдавить в конце концов из себя, если не раба, то хотя бы эгоистическую гордыню. Осознать, что ты – отнюдь не главное, что есть в этом мире. Закусив губу, придавить природное тщеславие, умерить пружины изнутри, запердельные амбиции, произвести когнитивную корректировку. Всего тебя, всю философию твоего существования, твое конечное кредо не должен определять тот момент, в котором именно сейчас ты оказался. В этот миг ты можешь оказаться слаб, болен истеричен. Ты можешь быть сам не свой. Можешь оказаться внезапно выбитым из колеи. Возможно, что это не лучший момент твоей жизни. Да и как их определить их, эти лучшие моменты? Как выбрать их? Мы же их специально не коллекционируем. Есть ли они, были ли они вообще – понимаем только задним числом по прошествии немалого времени, а чаще всего – вообще не понимаем. Увы, такое случается сплошь и рядом. И выход из этой смоделированной собственными руками ловушки может быть, думаю, только один: терпеть. Терпеть – пока этот не самый лучший жизненный момент не будет вытеснен другим, с новым качеством и новым ощущением. Моментом, который уже позже, по прошествии ретроспективно, будет воспринят как «новый иной» и соответственно, поэтому лучший. А все предшествующее даже если не полностью забудется, то подернется поволокой прошедшего и угасшего, и потому не нужного.

Надо смириться с мыслью, что ты не самодостаточная личность в своем неповторимом, субстанциальном качестве, и даже не личность вообще, а товар, который если и продается, то плоховато. Никто ведь в звонкие, комсомольские, беспечные времена не учил навыкам саморекламы, чтобы иметь хоть какой-то шанс умело продать себя. Поэтому и не научился. И другие не научились. Таких абсолютное большинство. Конкурировать на рынке мозгов и компетенций, правильно оценить и умело преподать себя – все это было из того чуждого, закордонного мира, который нас со школьной скамьи учили ненавидеть и презирать. И когда, в начале 90-х, процесс купли-продажи, обмена стал метафорой жизненной энергии, такие как я оказались «роцесс ку , да что там, откровенными «лозами», с завышенными, но уже не актуальными амбициями.

В горбачевские времена внезапно нас опьянила перестроечная лексика, слова о гласности, об эффективном использовании человеческого потенциала, о «правовом государстве», о «личном выборе конкретных людей, не готовых поступаться принципами». Верилось в то, во что хотелось верить. Во «всеблагость» общечеловеческих ценностей, в общепланетарное, гуманитарное стремление искоренить мировое зло.

А в итоге что получилось? Прожил вторую половину восьмидесятых как в каком-то мороке: полупьяный от иллюзорных фантазий, одурманенный

иллюзорными картинками прекрасного будущего, визуализация которого так и не произошла, в туманной парадигме «нового мышления», продолжая отсекал эстетику потребительской роскоши и связанного с ней хаоса и опустошения. Как и многие мои знакомые, впрочем.

Но если уж ушел, порвал с привычным, но обрыдлым старым в надежде приобрести нечто неизвестное и новое, надо как-то терпеть, смириться хотя бы на время, научиться приспособляться. Назад дороги нет. Но с терпением у меня всегда были проблемы. Терпеть, откровенно скажу, я никогда не хотел и не умел. Во всяком случае долго и системно. И опять же. С другой стороны, Быть пешкой в чужой игре, правил которой ты до конца не понимаешь, а если и понимаешь, то не разделяешь – обидно, позорно, и унижительно. Нужно научиться как-то иначе мыслить самого себя.

Наконец, урок третий: отучись сравнивать себя с другими. Это трудно, мучительно трудно. Желание состязаться с окружением проистекает не столько из всемогущего, обожествляемого нами разума, сколько из темного, плохо контролируемого и чрезвычайно эмоционального подсознания. Но всему этому, столкнувшись с холодной бюрократической системой, погрузившись в нее, существуя в ней, необходимо было как можно быстрее научиться. Иначе удел твой – постоянный стресс в сером закулисье собственных субъективных рефлексий. И как итог – полнейшее опустошение.

Живи собой, думай о себе, береги себя и только себя – вот самая модная, раскрученная установка последних лет. Как говаривал мудрец Хилон Спартанский: на непосильное не посягай. Скромность унижает, робость уничтожает. Скромных затрут, затопчут, забудут. Будь эгоистом, тайным или явным, мягким или жестким – неважно. Будь им открыто, явно, в глаза, на публику, с вызовом. Это сейчас в тренде, это востребовано. Не надо больше стесняться публично выпячивать себя «любимого». Экзальтация вокруг эгоцентризма, взгромождение его на пьедестал приоритетов началась, по моим наблюдениям на рубеже 80-х-90-х. Еще в августе 1991 года, в «программном» документе не доброй памяти ГКЧП (хотя, возможно, для кого-то и доброй, - как посмотреть как посмотрит), а именно: в «Обращении к советскому народу» – провозглашался тезис о том, что «хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма – регионального, ведомственного, группового и личного». Ну что ж! Многие бы живущие тогда с этим бы согласились. Я тоже вынужден.

Вывод, надо признаться, вполне обоснованный, хотя и не очевидный. Нас всех, типичных, а также нетипичных, представителей не раз уже здесь упомянутой «общности» образца конца 80-х, накрыло эти самым «взрывом». События начала 90-х так повлияли на национальные нравы, что не все сохранили изначально определенную социально-культурную идентичность

«советского человека»: широкого, открытого, добросердечного. Не все смогли, как бы поделикатней выразится, – остаться самими собой. А те, кто все же как-то пережил масштабы этого самого «взрыва эгоизма», разделились на две условных группы: прирожденных эгоистов, жестко и изначально-имманентно заточенных исключительно на себя, любимых, и эгоистов социальных, периферийным зрением, краем глаза как-то замечающих поблизости от себя еще кого-то, каких-то живых, шевелящихся и барахтающихся существ, и даже иногда имеющих их в виду. Ко мне достаточно поздно пришло осознание, что мы – не единственные в этом мире и даже не лучшие. Конечно, для самих себя, в своей собственной самооценке, мы, бесспорно, лучшие. Значимость этой категории мы довели до невообразимых высот. Но внешний мир считает по-другому.

И наконец надо было заканчивать с радостным, открытым, почти восторженным, но иллюзорным восприятием целостной картины мира, тянувшейся из детства, золотого и безоблачного. Наивное, открытое и прозрачное мироощущение – *Children's perceptions of the world*. Когда-то, в юности и впоследствии при взрослении, при формировании природной натуры все-все можно было обсуждать с друзьями и коллегами, все темы проговаривать вслух. Тогда не было запретных тем, а только проявляющиеся особенности индивидуального характера не затрагивали гносеологического аспекта восприятия внешней среды. Но затем, позднее, во взрослой жизни, слишком большую цену, приходилось платить за укоренившуюся юношескую открытость и созерцательность. Причем уже не только мне одному.

Все происходящие со мной и вокруг меня преобразования, определенно требовали в тот момент работы над собой, внутренней коррекции, новых оценок и переоценок. Не очень-то, откровенно скажу, был тогда готов к этому. Вообще не готовился, не думал никогда ранее ни о чем подобном, и даже ничего такого себе не представлял. Но жизнь пошла в том направлении, в каком пошла, и металлической тягой тащила за собой. Сопrotивляться, упираться ногами и руками было бесполезно. Это была тяга дьявольской сила. Мгновенно переломала бы и руки, и ноги. Надо было как-то, мелко семеня, подбирать ногу, приспособливаться и стараться соответствовать ее ходу. Не посягая на горные вершины, хотя бы не свалиться в яму. Вот так, хочешь – не хочешь, а поверишь в справедливость максимы братьев Стругацких: трудно быть богом. Трудно, да, но другого выхода нет — иначе станешь скотом.

Вскоре оказалось, что мое присутствие в офисе СП, располагавшемся тогда на улице Полины Осипенко, ныне – Садовническая, совсем не обязательно. На работу, формально как-то там числясь, можно было даже и не каждый день ходить. Для человека, за десять лет привыкшего к почти военной дисциплине, – это было не просто любопытным открытием, но и своего рода

потрясением. Оказывается, можно и так. Давали мне всякие логистические поручения, типа забрать товар на одном объекте и сопроводить его на другой, на которые я соглашался лишь потому, что хотелось куда-нибудь уехать, элементарно свинтить и не торчать как мебель в чуждом и чужом офисе. Пару раз ездил на Черемушкинский кирпичный завод, забирать самовывозом оформленные и оплаченные объемы кирпичей. Для чего организации, позиционирующей себя как медицинская и в названии, которой было даже слово «Мед» кирпичи, – я так и не понял. Но и вопросы даже не пытался задавать.

Характерно, что теперь, живя в Черемушках, я почти каждый день прохожу мимо территории бывшего Черемушкинского кирпичного завода или ЧКЗ. Завод был основан купцом Василием Якунчиковым на землях села Троицкого-Черемушки в конце XIX века. Но теперь завода как такого нет. Его снесли в середине 90-х, когда застраивался квартал в квадрате между улицами Дмитрия Ульянова, Кедрова, Профсоюзной и Новочеремушкинской. Печальной памяти СУ-155, как почти монополюный в то время распорядитель предназначенных для застройки земель московского Юго-Запада, пользуясь покровительством больших начальников из московской мэрии, благополучно выдавливал все хоть как-то сохранившиеся производства из зоны своей перспективной застройки. Выдавили и Черемушкинский кирпичный завод, Теперь ЧКЗ, сохранивший, впрочем, свою торговую марку, штампует керамическую плитку где-то в Московской области, то ли под Троицком, то ли под Подольском, хотя юридический адрес сохранил прежний – 117218, Россия, город Москва, улица Дмитрия Ульянова, владение 32-34.

Все нулевые на этом месте был рынок строительных материалов, затем стоянка для частного автотранспорта, судя по всему, самостийная, а сейчас оно зачищено от всего, и на нем разворачивается очередное новое строительство. Яма котлована уже вырыта. Говорят, что будет новый, очередной жилищный комплекс. Очередная нагрузка на инфраструктуру. Бедный наш Академический район. Никак тебя не оставят в покое.

Но вернусь к СП «Медиатек». Во время поездок в качестве экспедитора, сопроводителя кирпичей и прочих строительных материалов, по воле случая познакомился с водителем грузового длинномера. Звали его Юра. Во время затяжных рейсов и долгих часов ожидания загрузки Юра занимал меня рассказами о своих амурных похождениях. Семейный человек, он вел тайную жизнь, имея параллельно пару «подруг», к которым иногда навещался ну, как раз в те периоды, когда «муж в командировке». Причем, как уверял Юра, все проходило по общему согласию. Во время наших затяжных поездок Юра весьма живописно, с подробностями рассказывал, как перед каждой очередной «ходкой» он усиленно подкрепляется, чтобы порадовать своих подруг

богатырской мужской силой. При этом Юра не производил впечатления тщедушной особы. Напротив, он выглядел вполне себе внушительно, крепко сбитым, ладным мужичком. Но готовясь к свиданию с очередной подругой, Юра умышленно делал акцент исключительно на «правильной» пище, а именно, – на мясе.

- Перед встречей с женщиной, – рассуждал он, – мужику нужно обязательно съест хороший кусок мяса.

- Обязательно мяса? – спрашиваю с иронией, – а рыба, что, не пойдет?

- Нет, чтобы было все как надо, и тебе хорошо, и ей, нужно обязательно мясо – продолжает, не замечая иронии Юра.

- И большой кусок? – провоцирую я.

- Чем больше – тем лучше. Вот я звоню, договариваюсь о времени, и за полтора часа до встречи, куда бы не ехал, останавливаюсь и съедаю кусок мяса...

В тот момент поймал себя на том, что никогда не думал о мясной пище с этой точки зрения. Я даже не стал уточнять у Юры, имеет ли значение сорт мяса, которое целесообразнее употреблять с целью повышения мужской силы и хрупкой ости. Что предпочтительнее: говядина, например, или свинина? А может, свежая телятина? Интуитивно почувствовал, что мой вопрос покажется Юре несвоевременным, надменным, и возможно, даже обидит его. Тем более в тот момент, когда у тебя в карманах мнутя неотоваренные талоны на сахар и колбасу. Гайдаровским правительством было объявлено о «либерализации», то бишь, о повышении цен на продовольствие с января 1992 года, и в последние месяцы 1991 с магазинных полок сметалось все моментально. Талоны на водку мне как-то удавалось вовремя отоваривать, а вот на остальные продукты не всегда получалось, и они пропадали или терялись. Никто из семьи по этому поводу не переживал. В конце концов мясо, оно и есть мясо. «Мясо – для рабочего класса», – помнится говорил один мой питерский знакомый. И добавлял: «А для интеллигенции, соответственно – кофе и фрукты, отсутствие боли в теле и беспокойства в душе.»

Разговоры с Юрой не о поэзии, обсуждение его романтических походов несколько отвлекали меня от собственных мрачных мыслей. В диалогах с ним я слышал много интересных вещей, оценок и мнений, расширивших собственные представления о ранее незнакомых сторонах жизни. Особенно запомнилась одна его фраза, видимо, чья-то цитата, которая сводилась к тому, что о людях можно судить по тому, как они обращаются с секретаршами и официантами.

А мысли мои в ту пору были не самые веселые: тридцать пять лет, двое детей, и фактически без работы. Чтобы как-то избавиться от этих мыслей и занять себя чем-то позитивным и полезным для семьи (в материальном плане,

разумеется), я даже пытался вечерами подрабатывать на своей, купленной в конце 1990 года «четверке» – модель Лада 2104. Покупали мы ее еще по открытке. Такая отрыжка позднебрежневских времен. Кто живет достаточно давно на свете этом, тот наверняка помнит. Записываешься на автомобиль на предприятии, где трудишься или реально не трудишься, но посещаешь. Ходишь, извиняюсь за выражение, на работу. Ждешь года два-три. И в конце концов получаешь заветную весточку – открытку, извещающую, что-такой-то-такой-то может приехать такого-то числа в автоцентр на Варшавском шоссе для оформления и получения столь долгожданного авто.

«Бомбил» я, правда, не очень успешно. Не было навыков. Москву я тогда практически не знал, мало куда ездил, необходимости не было. Ну, и накручивал по знакомому району, по Измайлову: вдоль Щелковского шоссе и между родными «парковыми» улицами. Раз у автовокзала на «Щелчке» попросили довезти до Черноголовки. Это аж в области. Довез, конечно. Но на обратном пути уже ночью заблудился (никаких навигаторов, Яндекс-карт тогда и в помине не было), разнервничался и решил, что, пожалуй, бомбить по ночам – это не мое. Все главное происходит помимо нас, помимо нашей воли и рассудка, хотя мы с упорством, достойным лучшего применения продолжаем играть в искусственное мужество. Депрессуха, мрачные мысли, чувство глубокой неудовлетворенности – вот, пожалуй, и все, что осталось в памяти от тех трех месяцев межсезонья, с сентября по декабрь 1991 года.

В ноябре 1991 года я уволился из «Медитека». Тихо, без шума, без проводов и соответствующих моменту возлияний. Времена стремительно менялись и если раньше, согласно хорошо известной отечественной традиции, коллеги, бывшие и нынешние, заклеили бы отступника позором, то теперь всем все, что не касалось лично их самих, было максимально по..., как бы это поделикатней – индифферентно. Но на душе скребло. Испытание пофигизмом, с демонстрацией все же идеологической невинностью пройти мне никак не удавалось.

И тут Сашин звонок. Он, оказывается, уже устроился в администрацию президента и отрекомендовал меня своему непосредственному начальнику – Корешкову Вольдемару Максимовичу, – на тот момент заместителю начальника Контрольного управления. И мне надо было с ним, по утверждению Саши, срочно встретиться. О, боже! Как выкупить свою душу, не оплачивая счет?

Корешков оказался симпатичным добрым дядькой лет пятидесяти с небольшим. Шумный, энергичный, отнюдь не молчаливый, достаточно рассеянный, в очках в роговой оправе, он напоминал преподавателя политэкономии социализма или истории КПСС. Но не сухого равнодушного к своему предмету, высокомерного классического начетчика, какие обычно

встречались в этой сфере (помню пару таких специалистов по истории КПСС из МГИМО), а преподавателя, если так можно сказать, с человеческим лицом, симпатизирующего своим студентам и слушателям. Корешков, собственно, и принял решение о том, что меня берут на работу. Шел декабрь 1991 года.

Только что (3 декабря) был принят Указ президента РФ «О мерах по либерализации цен. Страна стояла на ушах. Народ роптал и грозил кулаками.

Позднее я спрашивал у Захарова: а зачем ты мне тогда позвонил, зачем я тебе был, в общем-то, нужен? Ответ его сводился к следующему: знаешь, тут такая публика – «демшиза», мне бы одному, с моим «бэкграундом» (Высшая партийная школа, отдел ЦК КПСС) было бы сложно с ними, а вдвоем – мы же вроде оба выходцы из государственно-партийных структур, и у нас есть общее системное восприятие многих вещей – гораздо легче... да и веселее. Ну что ж, объяснение вполне понятное и разумное, глубинная бюрократическая логика в нем, определенно, прослеживалась.

Контрольное управление

Не важно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем.

Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает.

С. Довлатов

Администрация Президента Российской Федерации располагалась тогда в том же здании на Краснопресненской набережной 12, что и Верховный Совет, в нашем отечественном, хорошо известном всем «Белом доме». По коридорам постоянно сновали люди, депутаты сталкивались с работниками только-только формирующейся администрации. Дух августа 1991 года еще не до конца был вытеснен чугунной атмосферой постсоветского канцеляризма. Формировалась же администрация, ее ключевые звенья, тоже прежде всего из депутатов, но только, понятное дело, про-ельцинской ориентации. Задачи текущего момента оживленно обсуждались в многочисленных курилках и буфетах. Никакой борьбы с курением в государственных учреждениях тогда не было и в помине. Курили многие и много, да почти все, с кем в те дни приходилось общаться, даже дамы, под воздействием возбуждающей атмосферы быстро политизировавшиеся в карьерных либо иных личных дамских интересах. С утра до вечера в здании «Белого дома» шла прямая трансляция заседаний Верховного Совета. Одновременно по громкой связи

передавалась информация, где какое мероприятие должно сегодня состояться (пресс-конференция, заседание фракций и групп депутатов и т. д.) Не «Смольный», конечно, образца 17-го года, каким мы его, во всяком случае, представляем по фильмам «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем». Как оказалось, псевдоисторическими, но все-таки. В то время политическая жизнь (как, впрочем, и культурная, и общественная, и любая другая) кипела во всю. Эмоциональное сравнение с революционным «Смольным», возможно, покажется не совсем корректным, или даже показаться не в меру пафосным и чересчур надуманным. Тем не менее мне оно неизменно приходит на ум, когда я вспоминаю необузданный порыв и сумасшедшую энергетику тех дней в «Белом доме» на Краснопресненской набережной.

Контрольное управление разместилось на 17 этаже. И мне, помню, тогда это очень понравилось. Помимо прочего, впервые у меня появилась возможность ежедневно с высоты любоваться московскими видами. Прожив тридцать пять лет на втором этаже пятиэтажной блочной «хрущевки» в Измайлове, где взгляд упирается в окна стоящей напротив такой же низкорослой пятиэтажки, привыкнув к мало этажности и пешей доступности, я с немым восторгом наблюдал с необычной для себя высоты уверенное скольжение Москвы-реки, хаотичное перемещение по набережной, выглядевшими игрушечными разноцветных машинок. Невиданные никогда ранее перспективы родного голода завораживали.

Контрольное управление представляло собой новую, недавно сформированную структуру, главная задача которой состояла в «правильном» подборе и расстановке ключевых кадров на местах, в российских регионах. Поскольку партия кончилась, то исторически сложившаяся система двойного управления – номинально от лица облисполкомов, а реально – со стороны парткомов, перестала существовать. Причем моментально. Молодой новой власти нужно было, во-первых, оперативно создать в регионах взамен облисполкомов новые органы управления – областные администрации, а, во-вторых, ввести в эти органы лояльных ей людей, причем так, чтобы «скомпрометировавшие» себя собственным прошлым местные партийные лидеры были бы отодвинуты, но долгое время удерживаемые ими рычаги экономического управления не были окончательно потеряны. Тем более, что гайдаровская команда готовила либерализацию цен, и деньги на фоне тотального дефицита обесценивались с катастрофической быстротой. Назначенные из Москвы, «верные делу демократии» новые главы областей и краев, вступая в должность, тут же распускали изжившие себя облисполкомы и крайисполкомы. Как правило, распускались они по-тихому, к полному удовольствию представителей как новой, так и уходящей власти. Многие персонажи из распущенных партийных или про-партийных структур, через

пару дней оказывались членами новых региональных команд, а зачастую и во главе их. Так, произошло, например, в Ульяновской и Новосибирской областях, где первые секретари обкомов КПСС Горячев и Муха, были переназначены главами областных администраций. А в национальных образованиях – республиках и округах, все боссы, вовремя выказав лояльность Ельцину, некоторые – на грани покорности (хотя в Кремле прекрасно понимали ей цену), сумели сохранить свои руководящие посты. А иного и не требовалось

Однако, осознавая, что задача быстрой расстановки лояльных «демократическому» центру провинциальных кадров, является далеко не из простых, особенно здесь, в России, соратники Бориса Николаевича придумали (авторство справедливо приписывается Геннадию Бурбулису) институт полномочных представителей президента, своего рода политически-аппаратный фильтр, который должен был негласно, иногда келейно, иногда закулисно явочным порядком отсеивать, бывших партийных работников и вообще людей, по мнению новой власти, во всех отношениях «недостойных», но активно «пытающихся примазаться».

Официально должность «Представителя Президента в регионах Российской Федерации» была введена в августе 1991 года. Тогда, правда, они назывались «постоянные представители президента в республиках в составе РСФСР и представители Президента Российской Федерации в краях, областях, автономной области, автономных округах, городах Москве и Ленинграде» (с мая 1992 г. – Санкт-Петербург).

Главная идея была следующая: в регион назначается полномочный представитель президента, такой своего рода комиссар, «беззаветно преданный» главному человеку в стране, потом и кровью, доказавший свою безграничную и искреннюю лояльность. Он вроде как обязан подобрать соответствующие правильные кандидатуры на должность главы областной администрации и представить их в Контрольное управление. Там их должны внимательно рассмотреть, изучить и выбрать из них наиболее подходящую. Сразу напрашивавшаяся и по началу, действительно, часто используемая аналогия с комиссарами периода гражданской войны, призванными надзирать за профессионалами – управленцами, следить за их политической благонадежностью и лояльностью в отношении сидящей в Москве верховной власти, выглядела, на мой взгляд, слишком упрощенной и в определенной степени конъюнктурной. Примечательно, что в трех регионах: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), претендующими на особый статус, – представители президента вовсе никогда не назначались.

Созданный летом 1991 года институт представителей президента в субъектах Федерации просуществовал достаточно долго, все 90-е и нулевые. За это время он претерпел ряд метаморфоз, которые носили скорее внешний, декорационный характер и были вызваны изменениями нормативного поля, прежде всего принятием Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года. Пережил он также ряд массивных атак со стороны губернаторского корпуса, всегда недовольного существованием под боком каких-то там «надсмотрщиков». Обслуживавшие интересы этого корпуса разного рода политологи неоднократно называли представителей президента бесперспективным, а то и безнадежным кадровым проектом, продолжавшим по инерции имитировать бурную деятельность. Но тем не менее, трансформируясь и приспособляясь институт этот просуществовал в той или иной форме вот уж скоро как тридцать лет

В хронологическом разрезе эволюция данного института выглядит примерно так. Указ Президента от 10 июня 1994 года № 1186 постановил назначенных ранее представителей Президента в республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных округах считать «полномочными представителями Президента в соответствующих субъектах Российской Федерации». А позднее, Указом от 9 июля 1997 г. № 696 институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в субъектах Российской Федерации был преобразован в институт полномочных представителей Президента в регионах Российской Федерации. В мае 2000 года Указом № 849 институт полномочных представителей Президента в регионах Российской Федерации был снова трансформирован. На этот раз – в институт полномочных представители президента в семи федеральных округах. Таким образом, пережив несколько трансформаций, в измененном виде – полпредства в федеральных округах как своего рода наместничество во главе с полпредами – он продержался долго и худо-бедно держится до настоящего времени.

Функциональные задачи полномочных представителей Президента Российской Федерации на протяжении всего периода 90-х годов формально остались достаточно широкими: предоставление руководителю страны регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, а также внесение Президенту России предложений о приостановлении действия актов исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, если таковые противоречат Конституции, федеральному законодательству или международным обязательствам РФ, либо нарушают человека и гражданина. Но на практике

все выглядело несколько по-другому. Новые времена требовали новых ошибок.

Строго говоря, что это за штука такая – представители президента в регионах – и какую роль они сыграли в политических судьбах страны в ельцинский период детально и полноценно описать здесь, по понятным причинам, вряд ли смогу. Попробую лишь набросать легкими штрихами, собственные впечатления, исходя из полученного персонального опыта. Ну, как говорится, что довелось... Тем более, что к моменту коренной трансформации института полпредов я уже покинул президентскую администрацию (о чем, собственно, речь будет дальше). Говорить же о чем-то с чужого мнения, пытаться быто описать то, свидетелем чего не был, не рискну. Да и неправильно это. Исхожу из простой бытовой формулы, услышанной давным-давно, в ранней юности: чего, я не вижу – того нет. Скажите: вульгарный солипсизм. Ну что ж? Возможно, и так. Но в каждой шутке есть доля шутки.

Признаюсь, что высказываемые здесь суждения мои фрагментарны, в какой-то степени эмоциональны и носят, само собой, исключительно субъективный характер. Хотя, несомненно, по моему глубокому убеждению, такое явление общественно-политической жизни 90-х годов и вообще новейшей истории России как институт представителей президента, со всеми его пертурбациями, взлетами и падениями требует отдельного специального изучения и профессиональной исторической оценки. Возможно, кто-то такую оценку уже дал, или даст, или пытается дать в данный конкретный момент. Не знаю. Посмотрим. Внимательно слежу за этим.

Итак, процедура выбора кандидата на пост главы региональной администрации (в том числе с подачи представителей президента) предполагала встречи с руководством Контрольного управления, справки, запросы, негласные консультации, в том числе и с местными силовиками, официальные и неофициальные переговоры, и т.д. Вся эта подготовительная рутинная работа проводилась с единственной целью: чтобы президент Ельцин, а точнее – его ближайшее окружение смогли сделать окончательный высокий выбор, ткнуть указующим перстом в фамилию «правильного» кандидата, осчастливив его, а еще больше толпящихся вокруг него многочисленных «друзей», «соратников», лоббистов и иных заинтересованных лиц. После чего готовился соответствующий президентский указ, и регион получал нового начальника. Но это предполагаемая, идеальная схема. В действительности, все происходило не совсем так, а, если откровенно, совсем не так. Кабинеты представителей президента в регионах и более высокие московские кабинеты назойливо атаковали группы zaangażированных и хорошо подготовленных «друзей» и профессиональных лоббистов, которые агитировали, зачастую

нахраписто и агрессивно, за своего кандидата, смачно поливая грязью потенциальных конкурентов. Сколько же я, работая в Контрольном управлении, перечитал подметных писем с полосканием чужого нижнего белья. Параллельно локальные группы влияние настойчиво, а зачастую и агрессивно, продвигали в Москве выбранных ими нужных людей, зачастую игнорируя мнение, тех же представителей президента на местах. Очень часто это порождало конфликты, раскол региональных элит, накатывали одной местной влиятельной группировки на другую с потоком жалоб и, извиняюсь, откровенных доносов. Не отставали и зарождающиеся олигархи, тучно финансирую из своих синекур, продвижение нужных им кандидатур (ого, почти каламбур получился). Поэтому нет ничего удивительного, что часто на поверхность выскакивали персонажи самые неожиданные, буквально как черт из табакерки. Как правило, это являлось результатом того, что кто-то смог прорваться к «телу», кому-то удалось «поговорить с Самим» напрямую.

Если залезть поглубже в историю, то идея Контрольного управления как некоего стержня, на котором держится все система контрольно-надзорных органов была отнюдь не нова и даже совсем не оригинальна. Как таковая система государственного контроля существовал еще в императорской России. Своего расцвета она достигла в период царствования Александра II, когда на должность Государственного контролера (прообраз Главного государственного инспектора) в январе 1863 года был назначен Валериан Алексеевич Татаринов. Преданный идеи борьбы с лихоимством и казнокрадством, Татаринов за несколько лет превратил достаточно до него размытую систему государственных контрольных функций в единый эффективный орган, обладавший правом документальной ревизии государственных учреждений, как центральных, так и местных. В период 1865-1866 годов в российских губерниях были учреждены контрольные палаты, как органы единой системы государственного контроля. С 1866 года ревизионное ведомство получило право осуществлять контроль над всероссийским бюджетом, с целью не дать преданным, государю вельможам одновременно с клятвами в любви и верности азартно запускать руку в казну. Возник и фискальный контроль. По мере усиления бюрократизации государства в дореволюционной России укреплялась и система государственного контроля.

Большевики изменили в русской жизни многое, причем быстро, решительно, зачастую неосмотрительно, с присущим им натиском и задором, но систему государственного контроля они не только не тронули, но с удовольствием адаптировали, приняли на вооружение, по-своему модернизировали, расчленив государственный контроль на две условные ветви: партийный и «народный». Вот уж не знаю, следует ли в данном

контексте слово «народный» брать в кавычки. Есть, конечно, для этого некоторые исторические основания, но попробую удержаться и не влезать в дебри этой весьма пикантной и крайне политизированной и до сих пор болезненной сферы.

Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС во главе с его бессменным долголетним руководителем Арвидом Пельше (с 1966 по 1983 гг.) – это целая отдельная глава в поздней советской истории. До Пельша относительно короткое время (1962-1965 годы), если не ошибаюсь, Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете министров СССР возглавлял Александр Шелепин. Собственно, именно Шелепину и его «комсомольскому окружению» принадлежала идея укрупнения и качественного переформатирования возрождения данного партийно-государственного института.

Будучи выдвиженцем Хрущева, Шелепин смог убедить тогдашнего главу партии и советского государства, что усиление внутрипартийного контроля в стране путем слияния параллельно существующих двух видов контроля лежит в плоскости в том числе и в его, Хрущева, личных интересов. На ноябрьском 1962 года Пленуме ЦК КПСС принимается постановление «Об образовании Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР», объединявшим партийный и государственные контрольные аппараты якобы в целях «оказания помощи партии и государству в выполнении Программы КПСС, в организации систематической проверки выполнения директив партии и правительства, в дальнейшем совершенствовании руководства коммунистическим строительством, соблюдении партийной и государственной дисциплины, социалистической законности».

На самом деле Комитет партийно-государственного контроля создавался как инструмент борьбы за власть, противоборства одной партийной группировки («комсомольцы Шелепина») другим партийным кланам. Орган этот располагал, к тому же, правом производить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и суд. Весной 1963 года Комитет партийно-государственного контроля СССР получил право контролировать вооруженные силы, Комитет государственной безопасности и Министерство охраны общественного порядка. Я слышал от компетентных товарищей, что при Шелепине, «железном Шурике», этот орган боялись даже больше, чем КГБ.

Сейчас если, кто из граждан-пенсионеров и вспомнит фамилию Пельше, то, очевидно, лишь в связи с многочисленными анекдотами о немощном Брежнев и его дряхлеющем и маразматическом окружении. В составе членов Политбюро конца 70-х Пельше был, как известно, самый древний. Ну, может

быть, за исключением главного тогдашнего государственного идеолога Михаила Суслова.

С позиций преклонного возраста и сопутствующих ему недугов Пельше легко мог даже дать фору «дорогому Леониду Ильичу». Тему немощности вершителей судеб и обыгрывали многочисленные в тот период анекдоты про «кремлевских старцев».

Вот вспоминается один такой анекдот.

Вызывает Брежнев Пельше и говорит ему:

- Слушай, э-э, Пельше Янович, ты мою "Малую землю" читал?

- Конечно же, Леонид Ильич, целых три раза, да и семья вся зачитывается.

- М-м-м, мне что ли и почитать?

Были и другие подобного рода.

КПК просуществовал до 1988 года, когда резолюцией XIX партийной конференции было предложено, «в целях совершенствования контрольно-ревизионной работы в партии, обеспечения надежных гарантий против субъективизма, самоуправства, влияния личных и иных обстоятельств на партийную политику» создать единый контрольный орган – Центральную контрольную комиссию КПСС, упразднив КПК при ЦК КПСС и Центральную Ревизионную Комиссию КПСС. На XXVIII съезде КПСС в 1990 году КПК при ЦК КПСС и ЦРК КПСС были объединены в единый орган – ЦКК КПСС. Но уже через год все закончилось: и партия, и ее органы, включая партийный контроль.

Советский Союз вместе со всеми своими институтами и атрибутами, законами, партийными и иными управляющими органами, в том числе и партийным контролем судьями и прочее, в 1991 году развалился достаточно неожиданно для большинства его граждан. Сам же я ранее никогда в надзорных органах не работал (не довелось, не случилось, молод был совсем) и не наблюдал загадочные процессы тотального распада изнутри. Не был, что называется, очевидцем. Не застал. В этой связи в отношении системы партийного контроля в период ее расцвета и последующего медленного угасания постараюсь воздержаться от собственных оценок. Но даже по тому, что я слышал от ветеранов этой структуры, сохранившихся каким то образом после августа 1991 года и осевших в Контрольном управлении, осмелюсь предположить – было там немало хорошего и полезного.

Система работала так, что если кто-то из функционеров, с точки зрения чистоты партийных принципов провинился и попал в поле зрения партийного контроля, то «справедливой» кары избежать было уже невозможно. Это все равно что попасть под каток. Редко кому удается извернуться и выскочить из-под катка. Как говаривали в частных беседах «ветераны», вот тогда-то и был

настоящий контроль. Имитационная иллюзия контроля, по их мнению, возникла позже, уже в постсоветский период.

Воссозданное в недрах аппарата «первого демократического президента» Контрольное управление должно было, по замыслам отцов-основателей, сосредоточиться в большей степени на контроле политическим, нежели хозяйственным, сочетая при этом в своей практической деятельности, как финансовые, так и административно-кадровые рычаги.

Само Контрольное управление в момент создания состояло из двух крупных блоков. Первый – непосредственно контрольная инспекция, призванная осуществлять проверки выполнения законов, первоочередных указов Президента Российской Федерации, иных нормативно-правовых актов правительства. Второй – управление по работе с представителями президента в регионах, координаторами контрольных органов на местах. Ну и вспомогательные службы: юридическая, хозяйственная и другие.

Вот в этот второй блок, обеспечивающий взаимодействие с представителями президента, я, собственно, и попал, став неожиданно по этой линии «куратором» регионов Сибири и Дальнего Востока. Костяк Контрольного управления составляли старые проверенные кадры, взятые туда из Комитета партийного контроля. Это были зубры, профессионалы проведения системных проверок с огромным персональным опытом работы в КПК, знанием специфической методики и подходов. Врезались в память мастодонты глобального контроля: Шабанов Дмитрий Григорьевич, в период 1992-1995 годов – заместитель начальника Контрольного управления, а также Иванов Вячеслав Егорович, начальник территориальной инспекции в Контрольном управлении образца начала 90-х, доросший к 2002 году до первого заместителя начальника Контрольного управления.

В памяти всплывает такой эпизод, связанный как раз с Ивановым. Зимой 1994 года прилетаем мы, уже под вечер, на проверку в Саратовскую область. Тогда губернатором там был Юрий Васильевич Белых, до этого долго работавший директором птицефабрики (вот как судьба могла поднять и опустить человека в августе-сентябре 1991 года). Всем, в той или иной степени знакомый ввиду известных обстоятельств, бывший губернатор Кировской области Никита Белых, – это лишь однофамилец того, саратовского Белыха. Прошу не путать. А на место главы администрации Саратовской области как раз метил Дмитрий Аяцков, в то время один из вице-мэров Саратова. Белых и Аяцков враждовали и постоянно слали в Москву друг на друга «дружеские» материалы, то есть кляузы и компромат. Аяцков, собственно, как это чуть позднее выяснилось, и инициировал проверку Контрольного управления. Зимой 1996 года ночным поездом мы приезжаем в Саратов. Нас, естественно, встречают на вокзале, привозят, селят в

центральную гостиницу. Молодые члены проверочной команды (Миша Медведев, я, Николай Слепнев) немного потусовались между собой, выпили слегка водки, и пошли спать.

На следующий день была запланирована встреча с главой областной администрации Белых. Заходим, рассаживаемся. Иванов, а именно он возглавляет комиссию, показывает приказ. и не спеша, обстоятельно, начинает рассказывать о целях и задачах проверки. Глава администрации, его заместители и сотрудники из аппарата молча слушают и понимающе кивают головами. Получив от региональных начальников заверения во всяческой поддержке и предоставлении всех запрашиваемых материалов Иванов, уже было собирается уходить. Но перед самым уходом, он как бы между прочим бросает короткую ремарку в адрес находящегося здесь же управляющего делами, главного человека по хозяйственной части. «Вчера в номере я взял из холодильника несколько бутербродов (а холодильник, понятное дело, был затарен по полной программе), но было уже поздно и тревожить никого не стал, поэтому прошу, принесите мне сегодня счет...». Сразу же после этих слов я с умеренным любопытством взглянул на управляющего делами и находившихся здесь же работников областного аппарата. Лица их выражали полное недоумение и смутение. Мне даже на секундочку стало жаль их, в присутствии начальника, самого губернатора, да такое...! Но одновременно где-то в глубине души испытал чувство близкое к восторгу: «Вот так удивили мы местных бюрократов! Вон он, настоящий ревизор, человек с огромным опытом работника Комитета партийного контроля. Верен себе даже в мелочах. Знай наших!»

Вспоминается, еще один забавный эпизод, имевший место во время нашей саратовской командировки. Слепнев Николай имел в Саратове каких-то дальних родственников (то ли дядя, то ли еще кто), которых он, пользуясь оказией, вознамерился навестить. А родственники жили где-то на окраинах города. И раньше он у них никогда не бывал. Поэтому нашел нужный дом не сразу. Но, когда он ехал туда, еще был день и найти было как-то можно, спросить хотя бы у прохожих. Естественно, встреча была теплой, одним чаем не ограничилась. И когда Николай, уже поздно вечером, скорее даже ночью, вышел от дяди, чтобы добраться до гостиницы, где расположилась проверочная бригада, нет ничего удивительного, что он слегка заблудился. По его последующему рассказу, он долго плутал, ища автобусную остановку или хотя бы кого-то из местных жителей, кто мог бы подсказать, в каком направлении ему двигаться, но на его беду в столь позднее время на плохо освещенных улицах спальных окраин областного центра никого уже не было. И тут, как он нам с Мишей Медведевым поведал на следующий день за завтраком, он видит, что ему навстречу едет милицейская патрульная машина.

Газик останавливается рядом с ним, из него выходят пара грузных саратовских милиционеров и серьезным тоном просят предъявить документы. А дальше происходит следующее. Николай бросается им навстречу, протягивает красную корочку и облегченно, почти радостно, вопрошает: «А как вы меня нашли?». Наш коллега был убежден, что хозяева города специально послали представителей правопорядка, чтобы разыскать его и доставить в гостиничный номер. Наивная, светлая душа! Уж не знаю есть ли сейчас вообще такие, особенно в контрольно-надзорных органах. Я тогда на секундочку представил себе выражение лиц тех саратовских милиционеров, когда они, изучив удостоверение, неожиданно для себя узнали, что перед ними стоит сотрудник Контрольного управления Администрации Президента Российской Федерации, загадочный московский чиновник с таинственной красной корочкой и непонятными полномочиями, и всем своим, хотя и не очень трезвым видом, дает понять, что они обязаны доставить его в то место, которое он укажет. Вот дела! У них то в отношении этого подвыпившего гражданина были совсем иные планы. Но в конце концов они так и сделали. Привезли Николая в гостиницу и вежливо сопроводили до номера. А куда было деваться? Когда еще встретишь ночью, зимой, на отшибах областного города, почти в чистом поле ответственного сотрудника президентского аппарата из самой Москвы?

Саратовская проверка была тяжелая, длилась она долго, имела свой непростой сюжет и интригу, и закончилась снятием губернатора Белых и назначением на его место Аяцкова, который накануне энергично и эффективно суетился в высоких кабинетах Старой площади, а также самоубийством тогдашнего мэра Саратова Юрия Китова. Но это отдельная печальная страница. Такая экзистенциальная притча. Ее хорошо знают в старожилах в Саратове, но уже мало кто помнит в Москве. Эпизод из локального политического краеведения. Хочу лишь заметить, что назначение Дмитрия Федоровича Аяцкова главой Саратовской области было фатальной ошибкой. Его губернаторство оказалось вполне предсказуемо бездарным, в духе феодального наместничества, – все своим и под себя. Никакого толчка развития Саратовская область, естественно, не получила. Если Аяцков и войдет в историю, то исключительно парой своих экзотических высказываний. В ходе разбирательства знаменитого скандала вокруг отношений Билла Клинтона со стажеркой американского Белого дома Моникой Левински, Аяцков публично оценил Клинтона как «настоящего мужика». Достаточно случайно, не по им придуманному поводу, а будучи просто одним из приглашенных лиц, он оказался на встрече с тогдашним американским президентом Биллом Клинтон. Выходя с этой встречи, Дмитрий Федорович в присутствии корреспондентов, видимо, желая сделать лидеру США

своеобразный и комплимент (не сомневаюсь, что по-своему понимаемый) публично заявил буквально следующее: «Завидую Монике Левински...». Как говорится, слов нет, одни буквы и тех несколько.

В 2005 году, после отмены выборов глав регионов, нынешний президент не стал предлагать кандидатуру Аяцкова для переназначения губернатором области. Взамен ему подыскали место посла России в Белоруссии. Однако Дмитрий Федорович и тут сумел отличиться. В июле 2005 года, на пресс-конференции в Саратове, которую он уже давал как без пяти минут посол, после получения агремана, Аяцков предложил белорусскому президенту Лукашенко «перестать дуть щеки». Градус глумления при этом был неосмотрительно высок. Естественно, «батька» такого простить не мог. Высказывание Аяцкова вызвало скандал в российско-белорусских отношениях, и назначение его послом так и не состоялось. Где он теперь, этот Аяцков, сейчас и чем занимается – мало кому известно. Видимо, как отыгранная фигура ельцинской эпохи, тихо доживает век в качестве почетного отставника, какого-нибудь советника или консультанта.

Возвращаясь к периоду становления Контрольного управления, хотел бы заметить, что суть кураторства как некоего процесса с собственным внутренним содержательным функционалом, никто из начальства толком объяснить не мог, какие-либо должностные инструкции, методические указания или рекомендации в этом вопросе абсолютно отсутствовали. Каждый куратор (а нас таких на момент формирования управления было совсем немного – пять-шесть человек) ощущал стоящие перед ним задачи по-разному, исключительно в силу собственных представлений, как модно тогда было говорить – «в меру своей испорченности». Отсутствие идущих сверху жесткой охранительной регуляции и гиперопеки, возможность личного маневра и даже некой робкой импровизации на первом этапе весьма привлекало меня. Слышал где-то, что человек по-иному ощущает время, когда импровизирует. Наверное, в этом что-то есть. Время тогда звучало поисками новых смыслов и их наполнением. И смыслы тогда были в приоритете, они были важнее чувств и эмоций. Через четверть века все стало происходить ровно наоборот.

Более полутора века назад русский историк, коллекционер, публицист, родоначальник теории официальной народности, Михаил Петрович Погодин так писал: «Все наши начальники суть чиновники, делопроизводители, бумажники. Жизнью им некогда заниматься, подмечать ее явления, проникать в ее причины, предугадывать следствия, прокладывать пути, облегчать сообщения, да и вообще делать добро, кроме бумажного, – у них вечно связаны руки.»

Нынешние же «государевы люди» – это отнюдь не делопроизводители и вовсе не те «бумажные суслики», которые на заре советской эпохи пытались, как остро заметил писатель Платонов, строить «бумажный социализм». Это клерки нового типа. Они знают, пусть и поверхностно, но обо всем, не стесняются гудеть о себе в разных местах и по любому поводу, и позиционируют себя как знайки. Они – в тренде всего, от дресс-кода до смартфона. Они хотят казаться, самим себе в первую очередь, передовыми, эффектными, и даже, черт возьми, «эффективными». Насколько получается и как все выглядит на самом деле – это их по большей части не волнует. Боковое зрение у этого клана, как правило отсутствует, глазами других они на себя не смотрят.

Соарременная версия чиновника, такова, что ему, как это ни прискорбно, по большому счету не до чего нет дела, кроме собственного статуса и денег на личном счету, что является вещами тесно между собой связанными. Причем второе является неизбежным производным от первого. Все остальное является фоном и служат лишь прикрытием определенного набором инструментов для реализации озвученных ранее конечных целей. Вовлеченность верноподаннейшего аппаратчика в содержательный процесс предписанной ему функции минимальна. Конечно, попадаются и исключения. Многие зависит от индивидуального характера и склада личности. Но даже люди, с изначальной позитивной мотивацией, пришедшие в министерские кабинеты с искренним желанием, поработать на «общее благо», глядя вокруг, быстро остывают и становятся такими же или почти такими же, как и преобладающая, пронизанная скепсисом и «здоровым цинизмом» чиновничья масса. Это расширенная ложная конструкция, которую пытаешься применять к другим, всегда делая исключения для себя.

Не относящаяся к делу информация зачастую рушит представления о мире и вносит дисгармонию, а в иных случаях и хаос, в прочно сложившиеся, почти окостеневшие поведенческие стереотипы. «Слуга народа», способный хоть к какой-либо маломальской эмпатии, – в наше время это звучит как абсурд.

Зачем ненужный альтруизм?

Он выглядит как атавизм.

Гражданин, наделенный такими интересными качествами как преданность и принципиальность, брезгующий угодничеством и низкопоклонством, по определению не может стать хорошим чиновником. Но попробуем пофантазировать, и на мгновение представим, что чудо произошло,

и совестливый человек все же назначен мелким, ну, совсем мелким чиновником.

Однако даже вклинившись в этот статус, сделавшись начинающим «слугой народа», пусть и случайно, чисто гипотетически, по нелепой ошибке, долго он в этом качестве не протянет... В отечественных условиях организм быстро и легко вырабатывает привязанность к чиновничеству, переходящую в зависимость. В дальнейшем практически невозможно избавиться от этой аддикции. При этом, произнося слово «чиновник», я имею в виду исключительно представителей сильного пола. Почему? Само слово «мужчина» как семантическая конструкция соединяет в себе два важных понятия – муж и чин. Муж – это безусловно хорошо и важно, как в бытовом, так и политическом плане. Значение мужа как такового и в государственной и в семейной истории трудно переоценить. Достаточно хотя бы спросить у лучшей половины человечества: что для них значит слово «муж». Но что такое муж, если у него нет надлежащего чина? Вечный источник неудовлетворенности, обид и раздражения. Гораздо лучше, надежнее, стабильнее и перспективнее, если к мужу добавляется еще и чин. И тогда получается: ну да, конечно, – «настоящий мужчина». О представительницах прекрасного пола в данном поп-психологическом контексте предпочитаю в принципе не упоминать.

Давно и не нами замечено, что самое главное для слуг народа – отнюдь не решить вопрос в государственных интересах, а любой ценой продержаться на поверхности как можно дольше. Всей нашей грешной жизнью доказано: благосостояние и процветание чиновника автоматически зависит от должностного статуса и только от него. Отнюдь не от способностей, знаний или высоких управленческих компетенций. Так было всегда, со времен еще оных. Но, впрочем, и в закостеневшем мире отечественного чиновничества не все так безнадежно. И там периодически зреют, и проклевываются ростки перемен.

Фиксация собственной доминирующей позиции в структурной иерархии должностей – вот абсолютной приоритет современного медианного, общетрендового госслужащего. Не всем, разумеется, начинающим бюрократам везет в карьерном росте, не у всех есть нужные и нудные связи, а также важные, богатые и статусные по нашим отечественным меркам родственники. Вот только сейчас обратил внимание, что в сове «богатый» корень – бог, а в слове «бедный» – бег. Но ведь и иерархия, нынешняя табеля о рангах – тоже не для всех. Она только для тех мальчиков и девочек, которым повезло родиться в высокопоставленных и статусных семьях и по легкому мановению волшебной палочки оказавшихся в нужном месте в нужное время. А ведь еще не так давно, каких-то лет пятнадцать - двадцать назад встречались на

государственной службе люди, которые проявляли искренний интерес к своим функциональным обязанностям, причем даже в условиях отсутствия должностных инструкций. Клянусь, я видел таких собственными глазами, а с некоторыми удалось и проработать. Надо признать, что, как правило, это были люди, сформировавшиеся как государственные служащие и еще в тот период, когда советским людям были «чужды излишки капиталистического общества», когда человек со всеми грехами его непредсказуемого поведения, был, действительно цель, а не повод. Смею утверждать, что ответственные и бескорыстные чиновники еще встречались в начале 90-х. Не поверите, но это так. И трудились они не только за материальное вознаграждение и перспективные должности, но, простите за старомодность фразы, трудились «за идею» и на совесть. Им стыдно было делать свою работу абы как, спустя рукава, непрофессионально. Они отлично понимали, что любая оплачиваемая независимо от результата деятельность неизбежно ведет к деградации мозгов. Тогда еще не произошла революция имитации заботы о «человеке с улицы». Чиновники этого типа вымерли, но так и не превратились в «слуг народа».

Осваивая эмпирическим путем понятия «кураторства», я для себя выработал примерно следующую схему: регулярно созванивался с территориями, причем зачастую просто так, чтобы напомнить о себе, чтобы представителями президента и их небольшой аппарат чувствовали внимание к себе, понимали, что в центре про них не забывают, что они нужны и востребованы. Читал по возможности все, что можно прочесть о доверенном мне регионе. Тогда, в начале 90-х интернет был еще развит слабо, но все, что было с помощью его узнать о скрытой аппаратной жизни региональных элит, - всенепременно старался узнать. Много, конечно, давали командировки. В период 1992-1996 гг. налетался я по России от души. Причем – в основном дальним боем, от Тюмени до Хабаровска. Единственное место, до которого не добрался, это Владивосток. До сих пор жалею, что не побывал в этом славном городе. Но все еще не теряю надежды.

Махарадзе

В том, что известно, пользы нет,

Одно неведомое нужно.

И. Гете

В первое время, осень 1991 – зима 1992, Начальник Контрольного управления одновременно являлся и Главным государственным инспектором,

и согласно предписанному функционалу, он отвечал, как за проверки, так и за расстановку кадров в регионах. Обеспечивал, так сказать, их лояльность в отношении федерального центра. Понятно, что в таком формате полномочия Главного государственного инспектора-Начальника Контрольного управления были весьма обильны и широки, а сама должность весома и влиятельна. От должности этой зависели многие чиновничьи карьеры, и всем хотелось дружить с главным контролером страны.

Первым Главным государственным инспектором – Начальником Контрольного управления стал Валерий Антонович Махарадзе, личность достаточно интересная. Сейчас мало кто помнит это имя. Из каких-то провинциальных глубин он стремительно взлетел на самый верх пирамиды российской власти, побыл там, честно сказать, совсем недолго, в сущности, чуть больше года, а затем неожиданно свалился вниз и затерялся где-то за рубежом, в многослойном и многоступенчатом внешнеполитическом аппарате. Это был тучный, немногословный человек с одутловатым лицом и тонкой щеточкой седеющих усиков.

Как следует из биографических справок, Валерий Махарадзе родился в 1940 году в Махачкале. Служил в армии на Камчатке, где и начал карьерное продвижение, будучи избранным секретарем комсомольской организации. В начале 70-ых годов работал редактором молодежных и спортивных программ на дагестанском телевидении. С середины 70-ых годов он – уже в промышленности, но вовсе не крупной, а всего лишь пищевой. Махарадзе становится заместителем директора стекольного завода «Дагестанские огни». Дальше, двигаясь по той же пищевой цепочке, – директором Иргинского стекольного завода в Удмуртии, далее – директором стекольного, а затем кранового заводов, но уже в городе Камышин Волгоградской области. В 1990 году Махарадзе избирается председателем Волгоградского областного совета.

И тут фантастический взлет. В августе 1991 года Махарадзе назначается Главным государственным инспектором – начальником Контрольного управления Президента России. Кто вывел, в общем-то вполне рядового нестоличного функционера средней руки на эту космическую федеральную орбиту для меня, как и для многих интересовавшихся, остается загадкой. Предполагается, что Геннадий Бурбулис. Именно он формировал в кадровом плане правительство «младореформаторов». По общепризнанной легенде, именно Бурбулис привел Гайдара за руку к Ельцину. А затем уже Гайдар из своих коллег «завлабов» скреативил «правительство камикадзе». Но, так или иначе, Махарадзе, неожиданно, может быть и для него самого, на волне ликования победы над «проклятыми коммуналками» вступив в узкую когорту федеральных либералов, стал фигурой с огромным административным ресурсом.

Я попал в тот блок Контрольного управления, который занимался взаимодействием с представителями президента, которые напрямую замыкались на Главного государственного инспектора

В отделе по работе с представителями президента, людей было совсем немного, человек 7-8. До нас с Захаровым туда пришли записные «демократы» с площади: Андрей Репников, Юрий Скоринов, Михаил Иванков, Галина Русских, Федор Кулаков, Борис Кудашкин. В смежном отделе трудились Дмитрий Малахов, Ольга Кокурина. Чуть позже пришел Виталий Гулий. Возможно, был кто-то еще, но имен и фамилий сейчас, увы, уже не вспомню. Саша Захаров как потомственный «камчадал», его отец до переезда в Москву работал немаленьким начальником по партийной линии на Камчатке, явочным порядком взял на себя кураторства Дальнего Востока, а мне естественным образом по остаточному принципу досталась Сибирь. Причем почти вся: от Тюмени до Иркутской области. Неожиданность и неопознанность вдруг обрушившегося «счастья» познания чего-то совершенно нового, ранее недоступного бодрила и притягивала. Быстренько, в первые же месяцы работы «на Старой», слетал в несколько командировок, познакомился с президентскими представителями из сибирских регионов (Геннадием Щербаковым из Тюменской области, Юрием Ширококовым из Иркутской, Юрием Москвичом из Красноярского края и некоторыми другими). Готов был летать и дальше.

Мы с Захаровым сидели в огромной комнате на 3 этаже, прямо над третьим подъездом. В советское время комната эта было приемной зала коллегии Комитета партийного контроля ЦК КПСС. И в наступившие «демократические» времена зал коллегии продолжал использоваться как место проведения совещаний и их участники проходили туда через наш «кабинет».

Кроме того, предполагалось, что находящиеся в Москве в служебной командировке представители президента должны иметь место, где можно было бы «поработать», в том смысле, чтобы на коротки переговорить с коллегами, представители президента из других регионов, позвонить по «вертушке» федеральным чиновникам, провести заседание очередной рабочей группы, может быть, даже написать какой-то текст. Поэтому нам одним из первых в Контрольном управлении и почти сразу же после переезда из «Белого дома» на Старую площадь в декабре 1991 года установили аппараты ВЧ и АТС.

В нашу просторную «залу» помимо самих представителей периодически заходили наши сослуживцы – Артур Белюстов, Эдуард Карапетян, Юрий Скоринов, Михаил Иванков, Гаджи Гаджимагомедов. Так, поболтать, поделиться свежим анекдотом, обсудить текущий момент, посплетничать.

Иногда позвонить «по делу» с АТС-2, но чаще просто потреться, оценить текущий политический момент. С удовольствием также совершал вылазки на 4 этаж, где сидели наши коллеги из контрольной инспекции. Там любил заходить к Ольге Севастьяновой и Елене Тарасенко. С ними можно всегда было поговорить в спокойном ключе, без напряжения. Действительно, сидели мы с Захаровым в нашей «парадной зале» за пределами хорошо, но, как это часто бывает, совсем недолго.

Буквально через пару месяцев после прихода в Контрольное управление, в феврале 1992 года, меня неожиданно, по рекомендации Корешкова, и, думаю, не без подачи Саши Захарова, назначают помощником Махарадзе. Подумать дали только один день. А, собственно, что тут особенно было думать. Все новое и непредсказуемое всегда привлекает. Правда, не тем помощником, который ходит за шефом и носит его портфель (такой, допущенный к телу помощник по фамилии Егоров, впрочем, уже был), а «почтовом» помощником, то есть человеком, разбирающим и фильтрующим поступающую начальнику почту. В обязанности мои входило просматривать весь объем поступающих материалов и делать предварительную селекцию: наиболее важные шли дальше к руководителю, менее значимые разбрасывались по замам или другим структурным подразделениям, большая часть отправлялась в Управление по работе с обращениями граждан.

Много приходило писем от людей, потерпевших и пострадавших в первые месяцы приватизации, лицом к лицу столкнувшихся с оглушающей несправедливостью, корыстной властью, продажными чиновниками и судьями, от тех, кто, столкнувшись с правдой жизни на собственной шкуре, быстро разочаровался в обильно декларируемых ценностях новой «демократической» России. Люди эти, в основном из провинции, из районных городков и далеких поселков, традиционно искали поддержки у доброго царя. Навалившаяся на них черная несправедливость, требовала хотя бы сочувствия. Приходилось быстро, часто «по диагонали» прочитывать эти кричащие и стонущие строки, взывания к «высшему суду». Но понять из многочисленных, зачастую сумбурных фраз, со всей спецификой орфографии и пунктуации, где здесь, правда, а где вымысел и фантазии, из кабинета на Старой площади, было, конечно же, невозможно. Любая жалоба по-хорошему требовала расследования, а сделать это силами немногочисленной инспекции Контрольного управления было откровенно нереально. Поэтому большая часть этих писем, хочешь-не хочешь, отправлялась обратно на места, с поручением местным властям «разобраться» и «применять меры».

Немалая часть писем, представлявшая собой плод воображения прямо скажем не очень здоровых в психосоматическом плане людей, сразу шла, откровенно скажу, в мусорную корзину. Как правило, это были опусы

многочисленных профессиональных жалобщиков, утративших в силу разных причин восприятие реальности, а зачастую и стандарты адекватности. Сидя на этом месте, я быстро догадался, что в каждом уважающем себе населенном пункте есть местный «городской сумасшедший», и о горе, если он еще окажется человеком, не равнодушным к процессу мараения бумаги и сочинению ненаучной доморощенной фантастики. Были профессиональные жалобщики, которые регулярно и системно, с упорством, достойным лучшего применения, атаковали все возможные инстанции, не исключая, безусловно, и администрацию президента. Каким-то образом им даже удавалось иногда раздобыть телефоны работников управления, и они подкрепляли свои письменные атаки назойливыми и требовательными звонками. Как-то я по аппаратной еще неопытности совершил серьезную ошибку, посоветовав одному такому «профессионалу» перезвонить мне попозже, чтобы узнать о результатах рассмотрения его обращения. Потом он несколько месяцев чуть ли не ежедневно бомбардировал меня своими звонками, и, наконец, когда понял, что его бредовыми идеями, заниматься ни я, никто другой не будут, перешел на угрозы.

Он грозился, что будет жаловаться во все возможные инстанции, и добьется, чтобы меня уволили и еще как-то, видимо, административно, наказали. Терпение мое было на пределе. В конце концов после резкого разговора на повышенных тонах и с использованием нелитературных лексических оборотов, не выдержав, угрожающих словесных потоков, в открытой и ненавязчивой форме я предложил собеседнику пойти сходить в хорошо известное всем русским людям и весьма популярное в народной среде, эротическое путешествие. А после этого жаловаться на меня кому угодно, хоть черту лысому, хоть Господу Богу, но больше мне не звонить, иначе мне тоже придется обратиться за поддержкой в Небесную канцелярию. И добавил, что не уверен на чьей стороне окажется длань божья. Только после упоминания столь высокой инстанции товарищ этот оставил меня в покое и его вызывающие тоску и ежедневную зубную ноющую боль звонки со скрытыми угрозами, наконец, прекратились.

Но были и письма, действительно написанные кровью сердца, как правило, из глубинки, где люди еще оставались с советской ментальностью и абсолютном верой в высшую справедливость и, наивные, были убеждены, что, пожалившись «батюшке-царю», они наконец-то обретут желанную правду и восстановят поправленную справедливость. Но процесс восстановления справедливости забирает столько сил, сегодняшних, драгоценных нужных для чего-то другого, возможно, более важного. Зряшное, безнадежное это дело – восстановление справедливости. Читая эти письма – мольбы, вопли о помощи и придавленные крики негодования я, возможно, впервые ощутил общее

внутреннее нездоровье страны. Уже через короткое время я не даже не пробовал притвориться, что в «новой» системе административного управления кто-то на самом деле будет прислушиваться к мнению рядовых граждан и таким образом будет реализовываться запрос на социальную справедливость.

Существовало в управлении общее правило: если из бумаги не видно какого-то федерального, главным образом, политического интереса, то такие обращения следует переправлять ровно туда, откуда они пришли. Пусть на местах разбираются. Сейчас, по прошествии стольких лет я рефлексирую: а верно ли это было? И не нахожу ответа. Склоняюсь к тому, что нет. Не очевидно. Жестко? Жестоко? Возможно. Но, с другой стороны, всем в Контрольном управлении было очевидно, что разобраться в море мелких фактов, в сплетении интриг и скрытой борьбе отдельных фигур и целых кланов, по одному письму совершенно невозможно, какую бы симпатию к его автору не испытывал. На тебя выплескивается целое море негатива, изнанки жизни. И как на это реагировать, как с этим существовать? Чтобы не скатиться с катушек, читая все эти жалобы, вселенские стоны и призывы к «высшему суду» и божьей справедливости необходимо было в определенной степени убить в себе чувствительность, придавить до нуля природную эмпатию. Закаменеть... Заматереть... Задубеть. Стать бронтозавром. Натянуть на себя несколько панцирей, чтобы чужие беды отскакивали от тебя как стрелы от доспехов средневекового воина, никак не проникая внутрь. Даже робкие попытки восстановить баланс справедливости на основании одного прочитанного письма были обречены. Нечем мне было тогда измерять бездонную низость и беспробудное жлобство сильных мира сего. Да и до настоящего времени я так не нашел, чем же все это мерить.... Не было у меня в руках никогда такого волшебного инструмента. Увы.

Единственное, что я мог сделать – набрать по аппарату ВЧ местную администрацию и попросить взять вопрос на контроль, поспособствовать его положительному решению в пользу заявителя. Именно попросить. Ну, как бы по-дружески войти в положение. Естественно, на том конце трубки все соглашались и поддакивали, но что затем происходило и происходило ли вообще я знать не мог. Контрольные полномочия, даже минимальные, не входили в мои весьма скромные полномочия. Поскольку эта была лишь устная просьба клерка средней руки, а не письменное поручение Начальника Контрольного управления главе региона, никто на местах такие просьбы не обязан был выполнять. Хотя мне и тогда хотелось и до сих пор хочется верить, что хоть что-то сдвинулось с мертвой точки после этих звонков, и мой труд «пропал не даром». Наркотизированное примитивным потребительством постсоветское, постинформационное общество тем не менее могучей силой

своего глубинного подсознательного всегда жаждало базовой справедливости, но государственный аппарат никогда не понимал, что это такое или умело делал вид, что не понимал, по-своему трактуя это постоянно расплывающееся понятие. Аппарат делал все возможное, чтобы попавший в него (не важно каким способом) чрезвычайно быстро ощутил бы себя хоть и ржавой, и скрипучей, но крайне полезной, да что там – полезной, просто необходимой шестерней в этом отлаженном механизме сословно-корпоративных «единомышленников». Известно же еще с времен «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, что «всякий администратор охотно прибегает к эволюциям, дабы поразить воображение обывателей».

В 1992 году Махарадзе неожиданно был назначен вице-премьером в гайдаровском правительстве, где должен был заниматься вопросами оперативного управления. Но в правительстве «реформаторов» он продержался совсем недолго, всего несколько месяцев. Что там произошло между ним и тогдашним председателем правительства Гайдаром неизвестно, но, понятно, что, попав во властную обойму, просто так и столь быстро из нее добровольно не вылетают. И куда? И кем? Торгпредом в Канаду. Всего лишь. Такой взлет и такое жесткое приземление! Иные скажут: так у нас не бывает. Оказывается, бывает. По глухо озвучиваемой в посвященных кругах версии, уход Махарадзе был неким образом связан с уходом из правительства Бурбулиса. Патрон Махарадзе покинул ближнее ельцинское окружение, а иных покровителей, у него, видимо, не нашлось. Плохо, когда у тебя всего лишь единственный покровитель. Вот и у Махарадзе, скорее всего, других влиятельных персон в ельцинском окружении, кроме Бурбулиса, не оказалось. По своему складу, воспитанию, поведению Махарадзе был далек от профессиональных экономистов – младореформаторов типа Гайдара, Авеля, Нечаева, от «завлабов» как уничижительно и умышленно презрительно именовала тогда прокоммунистическая пресса. Он был, безусловно, всего лишь исполнителем чужой вышестоящей воли, функция креативности ему была чужда. Люди принципа «книгу не читал, но осуждаю», «ничего не понял, но исполняю» – были не редки в те времена. Хотя не редки они в любые времена. Как помощник по разбору почты виделся я с Махарадзе крайне редко. Нас с Володей Зуйковым он никогда к себе не вызывал. Для доверительных поручений у него был Егоров. Внешне Валерий Антонович почему-то напоминал мне советского деятеля середины XX века, председателя Президиума Верховного Совета СССР, а впоследствии руководителя отечественных профсоюзов Николая Шверника.

В 1993 году Махарадзе уехал торгпредом России в Канаду, где и проработал беспрерывно 11 лет до выхода в 2003 году на пенсию. Характерно, что в Россию он так и не вернулся, остался жить в Канаде. По некоторой

дошедшей до меня случайной информации, в Канаде он пытался создать, и даже вроде как небезуспешно, свой бизнес на базе активов Российского информационного агентства (РИА), которые, пользуясь служебным положением, вместе с женой несколько поддербанил в собственных интересах. Грех для чиновника такого уровня совсем небольшой. Потому что странно не попользоваться тем, что как бесхозная собственность бывшего государства где-то лежит себе и ждет, кто же первый решится всем этим заняться. У кого смелости хватит? Или так: у кого моральные тормоза отсутствуют?

Добрые учителя в начальной школе и жутко религиозная бабушка учили меня в детстве, что нехорошо брать чужое, тебе не принадлежащее, даже если оно плохо лежит, достаточно лишь нагнуться. Но не у всех были такие учителя и такая бабушка. Не всем так повезло. Вот поэтому эти «небезучие» люди, не проникшие основополагающими заповедями и лишенные каких-либо нравственных обременений, хватали и тащили себе в норку все, что можно было утащить у ослабевшего государства. Тащили многие, даже те, кто по своему положению призван был охранять государеву собственность. Но ведь в России и для России сказано: что охраняю, то и имею. Не всем эти куски собственности пришлось ко двору, немало тех, кому они встали поперек горла, кого погубили. Список жертв первых лет приватизации столь велик, что трудно его даже как-то оценить. Но если, например, взять подшивку «Коммерсанта» за 1992-1993 гг., и читать там хронику криминальных происшествий, то кое-какое представление составить вполне себе можно. А у тех, кто махал серпом и молотом на производстве просто опустили руки. От недоумения и обиды. Но стоп, стоп, стоп... Меня уже, вижу, опять несет не в ту степь. Оставляю нынешним и будущим историкам эту благодарную тему – кто, как и, почему забрал чужое в начале 90-х и залакировав темные дела, бесконечной, приторной «Санта-Барбарой»... Возвращаюсь к своему нарративу.

Возможно, увлекшись за границей, все в той же Канаде, собственным бизнесом Махарадзе и, в самом деле, не жалел о бывших высоких должностях в России и не жаждал возвращения на историческую Родину. А может быть, там ему было спокойней и безопасней. Не знаю... О Махарадзе быстро забыли. На поверхность всплывали свежие фигуры, толкаясь и топча ногами тех, кто ослаб и уже не имел сил держаться на плаву.

Скончался Валерий Махарадзе в Оттаве, в ноябре 2008 года на 69-ом году. Я случайно недавно увидел его фотографию последних лет жизни. Он сильно изменился. Худой, с седой бородой на фотографии он был похож на древнегреческого философа-отшельника.

Приход Болдырева

Нет лучше средства отдалить цель, чем борьба за нее

Махарадзе сменил Юрий Юрьевич Болдырев. Болдырев к тому времени был хорошо известным и раскрученным политиком. Раскрутка его происходила в конце 80-х, быстро шла по нарастающей и в период неуправляемого, быстротекущего распада СССР горбачевских времен достигла кульминационного момента. Видимо, за прошлые заслуги по расшатыванию партийно-советского аппарата и активное выдергивания направляющего руля из дряхлеющих рук кремлевских старцев Юрий Юрьевич и получил этот пост.

Заняв самый главный кабинет на 3 этаже 3 подъезда Старой площади, Болдырев сразу дал нам с Володей Зуйковым понять (еще один помощник Махарадзе, по фамилии Егоров, имя уже не вспомню, исчез на следующий день после ухода Махарадзе), что у него должны быть «свои» люди и нам, видимо, придется идти туда, откуда мы и пришли. И действительно, где-то через месяц из Питера приехали две незнакомые нам женщины и стали не спеша, но вполне деловито обустраиваться в прилегающем к приемной Главного государственного инспектора пространстве. Какое-то время мы с Володей сосуществовали бок о бок с этими питерскими дамами. Нельзя сказать, что это сосуществование было столь уж мирным. Нас постепенно, мягко, но неуклонно оттесняли от почты и других бумаг. Но, к тому моменту, мы с Володей, уже достаточно хорошо представляя себе по каким собственным неписанным законам существует бюрократический аппарат, знали про правило не ссать против ветра, и не особо сопротивлялись этому аккуратному выдавливанию с орбиты обеспечения функционального бумагопотока. Нам по очереди с Зуйковым доверяли срочные задания типа сбегать в Кремль или в 20 й подъезд и быстренько – как обычно, всегда все горит – получить нужную визу. Один раз я из-за срочности вопроса я даже поехал домой к Болдыреву. Он как раз только-только получил от управления делами квартиру в недавно построенном кирпичном, как раньше говорили «цековском», доме на Олимпийском проспекте. Я застал его у подъезда, наблюдавшего за разгрузкой мебели. Поскольку ситуация была крайне важная, не терпящая отлагательств Юрий Юрьевич моментально тут же все подписал.

Но чтобы окончательно задвинуть нас, нужен был какой-то формальный повод. И вскоре он, несомненно, нашелся. Повод, как ни странно, был связан с великим русским языком, а точнее – с его грамматикой. Я еще продолжал по

инерции просматривать письма и другие бумаги перед тем, как отдать их Болдыреву на подпись, но уже параллельно со мной эта делала одна из питерских помощниц, звали которую, если ничего не путаю, Галина Константиновна Арсентьева. Это была женщина астенического типа, высокая, худощавая, с тонкими чертами несколько вытянутого лица. Какое-то недолгое время мы вместе готовили бумаги для главного госинспектора. Отношения между нами были ровными и прохладными. Вполне корректными до определенного момента.

Ну, так вот. Как-то в одном тексте, подготовленный ей для подписания Болдыревым (его готовила Галина Константиновна), я заметил, что употребленный деепричастной оборот не выделен запятой, и поставил карандашом закорючку, чтобы в машбюро девочки могли поправить ошибку. Через кое-то время Галина Константиновна, которая была втиснута как еще одно звено между нами и Болдыревым и приглядывала за бумагами после нас с Володей, встречает меня и говорит, что все написано правильно, и моя правка совершенно лишняя.

У меня есть один определенно явный, и мною, безусловно признанный недостаток. Когда меня что-то глубоко заденет, я становлюсь упертым... ну, иногда как баран. К сожалению, увы! Причем это «что-то» может быть совершенной мелочью, бытовым моментом и по прошествии определенного времени мне самому становится смешно, что этот второстепенный, завершающий мотив повлиял на поведенческую линию, на решения и результаты, которые оказались отнюдь не второстепенными. Но, как говорил еще не до конца вышедший из моды Фрейд, такова уж психопатология обыденной жизни. Такое упрямство случается со мной не часто, совсем нечасто, но все же случается. И когда происходит, то вопреки житейской логики, игнорируя рациональные подходы и подчиняясь генетическим инстинктам, делаю лишь то, что субъективно считаю правильным – что бы это ни было. Читал где-то, что при принятии импульсивных решений у тинэйджеров меньше, чем у взрослых активизируется префронтальная зона и, как следствие они хуже оценивают риски. Вполне допускаю, что, когда меня охватывал справедливый или несправедливый) гнев, зачастую поступал необдуманно, как подросток. Тещу себя мыслью, что за столько лет работы в государственных органах и иных вертикально построенных структурах как-то постепенно овладел умением сохранять самоконтроль и быть лояльным. Однако природное желание в обстановке внешнего давления сохранить свой разум и свое представление о природе вещей неподвластными чуждому внешнему влиянию и иметь право на собственную оценку осталось неизменным. Ну, почти как базисный инстинкт. Как представление всем другим лучшей версии себя в повседневной жизни.

И тогда именно такой случай со мной и произошёл: я неожиданно уперся. Уверенный в своей правоте, осознанно пошел на обострение отношений с доверенным человеком начальника. Несомненно, с точки зрения бюрократической практики, это было непростительной ошибкой. У каждого начальника, а тем более большего, есть свои доверенные люди. Им совсем не обязательно быть умными, способными, знающими. Скорее наоборот. Эти качества будут им только мешать. Главное то, что они – доверенные. Им проститься любой грех, любой косяк, за что иного, необремененного любовью начальника работника, призовут к ответу. Они имеют доступ к телу босса и формируют его взгляд на вещи, в том числе и на подчиненных. А в отечественной традиции подчиненные всегда и были «вещами» или «дровами». Сейчас принято говорить – «новая нефть». Ссориться с доверенными людьми начальства крайне опасно. Согласно неписанным правилам аппаратной логики, им нужно угождать, проявляя чудеса угодничества и конформизма. Хотя бы из-за инстинкта самосохранения.

За годы работы на Старой площади у меня сложилось представление, что свод правил поведения типичного современного российского бюрократа можно условно разделить на две части: правила выживания и правила карьерного роста. Пакет правил выживания, проработав энное количество лет на Старой площади, я усвоил относительно неплохо. Но второй и главный пакет – правила карьерного роста – оказался мне откровенно не по зубам. Проработав почти десять лет, в президентской администрации, умения пролезать наверх, я почему-то так и не приобрел. Чего-то в этом плане мне явно не хватало, то ли настойчивости, то ли терпения, а скорее того и другого. Тут в отношении себя я как раз никогда не заблуждался. Наверное, это связано с наследственностью, какой-то генный сбой. У чудака непонятный набор ДНК. Лена в подобных ситуациях, постоянно, хотя и мягко, укоряет меня за несдержанность и желание внести своих «три копейки» в дискуссии и споры разного рода начальников, что для меня означало восстановление баланса попорченной справедливости в небесном процессе. При этом она всегда вспоминает знаменитый монолог раннего Хазанова про посаженного в клетку и режущего правду-матку попугая: «А я и здесь молчать не буду! Товарищи! В зоопарке тигру не докладывают мяса! Пока не поздно, спасайте хищника!». Да, неумение «лезть без мыла» – э то, с точки зрения классического бюрократа, несомненный недостаток. Но, тещу себя мыслю, что не грех и не порок. Отнюдь не порок. Даже если мерить градусником со шкалой не столь этически однозначной.

В том пустяковом, наверное, глупо выглядевшем со стороны споре с новоприбывшей помощницей Болдырева я упорно, как будто шлея под хвост попала, отказывался менять свое мнение о необходимости правки текста и

настаивал, что именно такого написания и таких знаков препинания требуют правила великого и могучего. Но ставя под сомнение управленческую компетенцию питерской помощницы главного государственного инспектора Российской Федерации, я тем самым вольно или невольно посягал и на его начальствующую волю и полномочия. Такие деяния в бюрократическом аппарате, независимо от того каков он – старый ли партийный или только-только формирующийся, юный, демократический, не могли пройти незамеченными и остаться, как модно было говорить в то время, остаться безнаказанными. Не удивительно, что буквально на следующий день Болдырев вызвал меня в свой кабинет и в мягкой, деликатной форме, как он это умел, но весьма настойчиво предложил мне вернуться на предыдущее место, по сути освободить место помощника начальника Контрольного управления, на что я, впрочем, охотно согласился. Существовать с двумя незнакомыми мне женщинами, слепо влюбленными в своего начальника и полностью лишенными способности критического восприятия его действий, я все равно бы не смог.

Надо сказать, что обычно Юрий Юрьевич избегал проводить беседы с сотрудниками наедине. Как правило, он приглашал к себе начальника правового отдела. Фамилия его, если не ошибаюсь, была Шестак. Запомнился мне он тем, что рассуждал о конкретных вещах крайне престранно и в такой расплывчатой манере, словно его мозг тяготел к андрогинности. Позже, после Контрольного управления, он, как я узнал, еще какое-то время работал в аппарате Госдумы. Потом следы его затерялись. Для меня, естественно.

В присутствии начальника юридической службы Болдырев разговаривал не только с подчиненными, но и с гостями. По началу этот стиль общения с подчиненными, в присутствии третьих лиц, приводил меня в изумление, но затем до меня дошло, да и коллеги подсказали, что таким образом Главный государственный инспектор боится от возможных искажений его слов, словно боится дальнейших последующих обвинений и разборок, в том числе и судебных. За Махарадзе таких трюков не водилось. Тот был человек простых нравов, грубоватый, из глубинки, по воле случая заброшенный в высокое московское кресло, и привыкший с мужиками говорить по-мужицки, на доступном и понятном каждому исконно русском, не обязательно литературном, языке, без вывертов и нарочитой напыщенности. Болдырев же был прямой ему противоположность: рафинированный питерский интеллигентный молодой человек, из хорошей семьи, безукоризненно выглядящий, гладко говорящий и красиво выражающийся. На тех, кто видел его с экрана телевизора, он, безусловно, производил чарующий эффект, и мне он также был по началу симпатичен, пока не столкнулся с ним близко, можно сказать, на бытовой почве. Прямой контакт и ежедневное общение в

будничной обстановке все расставили по своим местам. Обыденная сторона его личности оказалась не только менее привлекательная, чем трибунная или экранная. В моем представлении она оказалась совершенно иной. Вне всякого сомнения, он обладал высоким интеллектом, но этот интеллект был сухой и холодный. Совершенно эмоционально безучастный. Общечеловеческой симпатии он не вызывал. Ничего такого, это обычная картина. Для людей из ближнего окружения великих, их боссы выглядят совсем по-другому, чем для всех остальных граждан, знающих вождей лишь по упоминаниям в СМИ или мельканиям в телеящике... Красивая пилюля с агрессивной начинкой, впрочем, это, возможно, уже просто низовые рефлексии.

Уход Болдырева

Все по-другому, но ничего не изменилось

Начальником Контрольного управления Болдырева проработал ровно год. Он был снят Указом Ельцина от 4 марта 1993 года. Официально – в связи с упразднением должности Главного государственного инспектора РФ, а фактически – в результате подкованных интриг и активного противостояния, которое устроили ему видные политические фигуры, и, прежде всего мэры Москвы Лужков. Болдырев неоднократно пытался организовать масштабную комплексную проверку московской мэрии. Но Лужков всякий раз выходил на первое лицо государства и отводил готовящиеся на него атаки, прекрасно понимая, что опытные государственные контролеры могут немало нарыть у него в закромах. Даже Минобороны с явной неохотой, но все же позволил провести масштабную проверку состояние государственного имущества при выводе войск из Восточной Германии (тоже ведь еще та тема!), но Лужков, настолько, видимо, не переваривал даже самой мысли о какой-то там проверке, что шел ва-банк. Но и Болдырев упорно стоял на своем. В конечном счете, действительно, следует признать: Лужков оказался Болдыреву не по зубам. Добро на масштабную проверку мэрии Москвы силами Контрольного управления Ельцин так и не дал. Слухи о том, что Юрий Юревич замахнулся туда, куда, учитывая реалии ранних 90-х, замахиваться даже ему явно не стоило, и что теперь вряд ли устоит, накатывались периодическими волнами. Мы как сотрудники Контрольного управления к концу 1992 года отчетливо ощущали, что Болдырев превратился для коалиции влиятельных фигур во главе с Лужковым, чьи интересы он, так или иначе, задевал, в главную внутривластную мишень, и ему вряд ли с этими фигурами, с этой

стремительно богатеющей камарильей, справиться. Так и получилось. В марте Болдырева «ушли».

Запомнился простой бытовой эпизод. Уже поздно вечером того самого дня, как вышел ельцинский указ о снятии Болдырева, проходя по коридору третьего этажа, где расположен кабинет начальника Контрольного управления, я заметил некую суету у входа в приемную. Оказалось, что это наш главный хозяйственник Леня Савин с помощью вызванного рабочего пытается отвинтить табличку с фамилией Болдырева. Сначала хваткий Леня взялся за это важное дело сам, причем с редко присущем для него рвением. Но латунная табличка была прикручена на славу, болты никак не поддавались. Леня кричал, пыхтел, потел, но сам, понятное дело, отвинтить ее не смог и в конце концов доверил эту ответственную миссию срочно вызванному из подвальной подсобки слесарю-профессионалу. Профессионал-работяга справился быстро.

Меня всегда удивляло страстное желание всякого рода хозяйственников стремглав броситься отвинчивать таблички своих бывших начальников буквально в тот же момент, как они узнавали об их падении. Откуда это похабное влечение стремительно зачищать следы людей, перед которыми еще вчера стояли на вытяжку и кому масляно подобострастно улыбались? Видимо, они относятся к той немалочисленной ветви *homo sapiens*, представители которой испытывают чувство блаженства, когда им неожиданно предоставляется возможность лягнуть мертвого льва. Почему? Может быть, потому что обычно, в повседневной круговерти, их не видно и не слышно. А в моменты кадровых революций и пертурбаций, когда прежних героев свергают с пьедестала, а бывших начальников выносят вместе с креслом, представители этой боковой бюрократической ветви сразу оказываются на виду. Они возникают ниоткуда и с важным видом на фоне присмиривших и тихо шепчущихся между собой сотрудников, начинают отдирать таблички, как будто ставят жирную точку в процессе увольнения своих еще вчерашних хозяев, стирая их последние вещие следы. Допускаю, что, скорее всего, они не испытывают личной неприязни к бывшим начальникам, но безудержное желание услужить новым, чуть раньше других успеть перед ними прогнуться инстинктивно двигает хозяйственниками – бюрократами этого типа. И с собой они ничего поделаться не могут! Это вшито в них изначально. Ниспровергатели основ!

На следующее утро, встретившись с Болдыревым у дверей его бывшей приемной, куда он собирался зайти за вещами, я заметил легкое замешательство на его умеющим держать маску вежливости лице. Степень трагедийности события была не слишком высока – подумаешь, открутили табличку с твоим именем у дверей приемной. Но судя по промелькнувшему по

его лицу недоуменному вопросу, Юрий Юрьевич, наверняка, в глубине души уязвлен был этим стремлением вчерашних подчиненных, почти уже вошедших, как ему, видимо, казалось в круг доверенных лиц, мелкими укусами и недружественными жестами унизить, уязвить его, их вчерашнего руководителя. Но Лене Савину это было, как сейчас модно выражаться, «фиолетово». Леня был третьим калачом, выходцем из проверенных и проветренных комсомольских кругов, и хорошо знал, где подпрыгнуть, где нагнуться, где присесть, а где прогнуться. Говорить ему какие-то слова о ценностях, да еще моральных, о достоинстве, о необходимости оставаться человеком в любой ситуации было абсолютно бесполезно. Прислуживаться рад – вот девиз и кредо таких как он расчетливых современных хозяйственников, вышедших из комсомольских «роговиков».

Недолго же длился «болдыревский период» в Контрольном управлении. Пришел как миссия, а через год вещи выносили. Затем Юрий Юрьевич какое-то время работал в Счетной палате, был сенатором, но пребывание в роли Главного государственного инспектора – Начальника Контрольного управления, видимо, было высшей точкой его политической карьеры. Хотя у нас рабочие отношения в общем не сложились, и Болдырев меня, собственно, хотя и деликатно, но все же подвинул вниз и в сторону, по-интеллигентному мягко и ненавязчиво попросив освободить место помощника для своего доверенного человека. Тем не менее в целом восприятие того короткого периода, когда он руководил управлением, осталось у меня безусловно позитивным. Ведь попросил же, не приказал, причем самолично. Не передал через посредников, спрятавшись за их спины, как это нынче принято делать, нашел время для личного, пусть и короткого, разговора. Это абсолютно не стиль типичного аппаратного бюрократа. Не замечалось за ним и такого, как попытки превратить подчиненных в челядь. Не взрывался он и «справедливым» гневом по всякому поводу, не кричал, не матерился, не унижал людей. И лесть подчиненных ему была не нужна, не требовалось совсем, ни под каким видом, ни в каких формах, ни даже в форме подобострастной нелепости, ни в форме наигранного восхищения начальством. Может быть, и хорошо, что «продержался» Болдырев недолго, а то бы втянулся в аппаратные игры, овладел приемами – человек он не бесталаный – статусного выживания и со временем превратился бы в типичного индифферентного ко всему, кроме собственных валютных счетов, российского высокопоставленного политика-демагога.

Общаясь с Болдыревым по разным поводам, по рабочим моментам я не ощущал никакого давления. Обычно начальники, которых знавал и до, и после работы с Юрием Юрьевичем, пытаются давить и доминировать, причем зачастую в отвратительно примитивной форме. Для вертикальной

директивной коммуникации, на которой зиждется отечественная бюрократическая система – это базисное правило. В конечном счете: что такое бюрократия? Власть стола, господство канцелярии. После общения с такими начальниками выходишь как будто оплеванный. Но стыдно не столько за себя (что молча выслушиваешь всякие благоглупости, хотя и за себя тоже), сколько за них самих, этих, с позволения сказать, начальников. Всегда, входя в руководящие кабинеты, решаешь для себя нравственную задачу: сможешь ли после этой встречи остаться самим собой. В нашей неестественной реальности это нелегко, ох, как нелегко. Но с Болдыревым это почему-то удавалось. Работая достаточно близко с тогдашним Главным государственным инспектором Российской Федерации, хотя и недолго, я не сделал ничего такого, за что мне было бы потом стыдно. Не поменял свои взгляды. Ни на кого не жаловался, не стучал и ничего не просил. Созданная при нем внутренняя атмосфера в управлении к этому не просто располагала. Хотя, возможно, эта моя оценка и не столь объективная. В отношении некоторых вопросов, в том числе кадровых, Болдырев мог быть жесток. Из-за конфликта с ним вынужден был покинуть Контрольное управление Вольдемар Корешков. Уход Вольдемара Максимовича был неожиданный для многих. К стыду своему, я не смог по-хорошему с ним попрощаться, сказать нужные в таких случаях ободряющие слова. Через пару лет Корешкова не стало. Только много позже я узнал, что он бы не только аппаратчик, но и поэт и неплохой, автор двух поэтических сборников с лирическими интонациями.

Возвращаясь к фигуре Болдырева, сейчас, по прошествии стольких лет, могу сказать: он, по моему мнению, был одним из немногих известных мне больших руководителей, которому, несмотря ни на что, были присущи представления о человеческом достоинстве, в том числе и подчиненных.

Слышал я и даже где-то читал, что в нулевые годы Юрий Юрьевич Болдырев сильно изменился. От ярого либерала и стихийного демократа конца 80-х – начала 90-х он эволюционировал в твердого государственника и критика системы, в том числе ее контрольно-надзорных институтов, откровенно называя их публичной симуляцией независимого контроля.

А на последних президентских выборах он даже выступал в роли доверенного лица кандидата от КПРФ Грудина. Саша Захаров мне как-то говорил, что несколько лет назад, когда он неожиданно столкнулся с Болдыревым, то на удивление Саши Юрий Юрьевич узнал его, вспомнил его имя и даже как-то тепло, коротко с ним поговорил. У меня в Питере была возможность встретиться с Юрием Юрьевичем, когда он в популярном книжном магазине «Под глобусом», на углу Невского и канала Грибоедова – знаменитом особняке компании «Зингер», презентовал свою очередную книжку, разумеется, разоблачительного характера, традиционно срывающую

маски с высокопоставленных коррупционеров всех видов и мастей. Если бы я пришел на эту встречу и идентифицировал себя, возможно, Болдырев меня бы и вспомнил. При этом не исключаю, что мы нашли бы с ним немало общих тем для обсуждения, примеры чиновничьей коррупции мне известны не хуже, чем ему, может быть, с другого, менее статусного ракурса, но, уверяю, не менее красочные, заслуживающие того, чтобы быть введенными в публичную плоскость для оценки с точки зрения исторической справедливости. Но что-то сидящее глубоко внутри и трудно объяснимое, сдерживало меня. Я подумал-подумал и... не пошел, объяснив самому себе эту сдержанность тем, что мы все же по-разному смотрим на одни и те же вещи, и события. У нас был разный горизонт обзора, обусловленный статусной и должностной высотой. В конце концов тот, кто хочет поделиться своими мыслями и смыслами с другими людьми, должен представлять их красиво и грамотно. По крайней мере...

Думал, что с Болдыревым мы уже никогда не встретимся. Но справедливо говорят: Москва – маленький город. Как-то весной 2018 года (это был, пожалуй, май, да, точно, май) неожиданно лицом к лицу столкнулся с Юрием Юрьевичем Болдыревым на Большой Ордынке. Я торопился от Софийской набережной в сторону метро «Третьяковская» и на уровне «ахматовского дома» заметил идущего мне навстречу бывшего начальника Контрольного управления. Было тепло. Болдырев был в светлой рубашке без галстука, в светлых бежевых брюках. Конечно, я мог бы легко пройти мимо, но, поравнявшись с ним, я внезапно для самого себя громко произнес: «Юрий Юрьевич?!». Болдырев резко остановился и внимательно посмотрел на меня. По его взгляду заметно было, что у него в голове возникли некие смутные ассоциации, но целевым образом сфокусировать их и идентифицировать личность стоящего перед ним человека ему было все еще сложно. Пришел ему на помощь, назвав свои имя и фамилию и указав, где и когда мы вместе работали. Глаза Юрия Юрьевича несколько оживились, и по этому знаку я догадался, что он, хотя и в общих чертах, вспомнил точки нашего пересечения. И сразу несколько вопросов

- А где Вы сейчас, что делаете?
- Вообще-то на пенсии, но работаю.
- И какая же у Вас пенсия?
- Семнадцать тысяч твердых российских рублей... Где-то так.
- А что, у Вас разве не пенсия госслужащего.? Вы вроде все время были на госслужбе, разве нет?

- С госслужбы я ушел еще в 1999 году, и до получения пенсии госслужащего, как затем оказалось, мне не хватило два года. Во всяком случае мне так сказали в местном отделении Пенсионного фонда в прошлом году.

- У Вас есть дети, внуки?

- Да, и те, и эти: двое детей и двое внуков... Надеюсь со временем расширить число последних.

- Собственно, а почему нет?

Болдырев явно был настроен весьма доброжелательно, проявляя высшую форму политкорректности и подчеркивая интерес к собеседнику. На фоне тотального безразличия к окружающим, которое я наблюдал последние годы, работая в крупной нефтяной компании, поведение Болдырева выглядело для меня необычным, непривычным и не могло не вызывать встречной эмпатии. Задав еще ради вежливости несколько вопросов общего характера, Юрий Юрьевич произнес;

- У меня намечена встреча, извините, я должен идти...

- Если позволите, я немного провожу Вас, – мне хотелось задать ему еще пару вопросов и продлить на несколько минут наше незапланированное спонтанное общение.

Болдырев, не возражал, и мы прошли с ним еще пару сотен метров, по пути вспомнив Вольдемара Корешкова, Николая Постового, Володю Зубкова и юриста Шестака, а также его помощницу из Питера Галину Арсеньеву и еще несколько других имен, и фамилий работников Контрольного управления периода 1992 года, чьи образы, так или иначе, сохранились у каждого из нас в памяти.

- Я видел вас в марте на телеэкранах в качестве доверенного лица Грудинина...

- Да, было дело – коротко ответил Юрий Юрьевич.

Но дальше мы эту тему развивать не стали, было заметно, что ему этого не хотелось. Наступило время попрощаться. К Юрию Юрьевичу подошел как раз тот человек, с кем он должен был встретиться и, стоя чуть в стороне, терпеливо ждал, когда мы закончим наш импровизированный разговор. Прощались мы неожиданно тепло с надеждой еще, возможно, встретиться. Хотя телефонами не обменялись. Он не предложил, а я не попросил. Так бывает между начальником и подчиненным. Даже если оба они бывшие. Даже если после их совместной деятельности минуло двадцать пять лет.

Управление по работе с территориями

Рыбы как люди: они с удовольствием, сожрут малых и слабых, если знают, что им за это ничего не будет (Про рыб)

На смену Болдыреву на должность Начальника Контрольного управления пришел мало кому до этого известный Алексей Ильюшенко из Генеральной прокуратуры. Он, конечно, уже не мог занять должность Главного государственного инспектора России, по той простой причине, что указом Президента Российской Федерации №330 от 5 марта 1993 года должность эта была упразднена, что, собственно, и являлось формальным причиной отставки самого Болдырева. Других весомых оснований, чтобы сместить Юрия Юрьевича со столь важного и административно весомого поста, у его оппонентов в окружении Ельцина (прежде всего Лужкова со компанией), видимо, не нашлось. Преемник Болдырева резко и однозначно сменил акценты в деятельности Контрольного управления. Его не интересовали масштабные комплексные проверки региональных администраций с перспективой серьезных кадровых подвижек и стратегических перетрясок, и перестановок. Ильюшенко сосредоточился на том, чтобы по указанию свыше «мочить» уже достаточно окрепшую к тому моменту антиельцинскую фронду внутри формирующегося правящего класса (модное ныне слово «элита» не вошло еще тогда в общепринятый лексикон). Группировалась эта фронда, как хорошо ныне знает любой не ленивый школьник, вокруг Хасбулатова и Руцкого, наиболее пассионарных деятелей быстро раскалывающегося на два враждебных лагеря российского политического руководства. Были у них, безусловно, сторонники и среди региональных боссов. Явно свои чувства добрые к «антиельцинистам» в силу понятных причин они не проявляли, но то, что такие симпатии во многих провинциальных городах и областных столицах имели место – это несомненно. С приходом Ильюшенко за очень короткий срок Контрольное управление превратилось из органа относительно независимого административного контроля в откровенно политический инструмент. При этом главной целью стал сбор компромата на ельцинских оппонентов. Что касается непосредственно института государственного контроля (подлинного, а не имитационного) Ильюшенко как новый начальник Контрольного управления довел энергию бездействия до совершенства, и не удивительно, что она в конечном счете восторжествовала.

Стремительное возвышение Ильюшенко и столь же быстрое и громкое скандальное падение, закончившиеся приговорам и сроком – это отдельная история. Она достаточно хорошо известна и любой, кто найдет время погуглить фамилию «Ильюшенко» и посидеть в поисковиках, сможет с ней без труда ознакомиться. У меня нет никаких ассоциаций, воспоминаний, эпизодов, хоть как-то резонирующих с этой фигурой. «Чемоданы компромата» на Руцкого, откровенное втягивание контрольных институтов в политику, межклановые разборки – вот наиболее яркие признаки пребывания у руля Контрольного управления Алексея Ильюшенко. Но к тому времени, когда стал разворачиваться скандал с Ильюшенко, я уже относительно благополучно простился с Контрольным управлением и перешел в другое подразделение администрации – вновь созданное Управление Администрации президента РФ по работе с территориями, представителями президента РФ, связям с Верховным советом РФ. По началу управление было весьма компактно (что-то около десяти человек по штатному расписанию). Начальником назначен был Николай Медведев, о нем скажу чуть ниже. Функционал кураторов нового управления был весьма размытый и неопределенный. Должностных инструкций как таковых еще не существовало. И все, кто пришел в новую структуру в апреле 1993 года, воспринимали спускаемые сверху весьма размытые установки в «силу собственной испорченности». Главное, что от нас тогда требовалось – быть готовым в любую минуту «по заданию партии», по руководящему свистку сорваться с места и сломя голову лететь в любой уголок нашей необъятной, чтобы встретиться, увидеть и доложить. Хотя уж, если предельно честно, по районным городкам, по глубинным российским весям мы, конечно, не ездили. Если и летали в командировки, то в основном в областные центры, где сидели региональные администрации и где крутилась и вершилась провинциальная политическая жизнь. Собираясь в новое, незнакомое место, где меня абсолютно не знали, я обычно руководствовался следующим правилом: давай двигай, но веди себя естественно, без столичного гонора, без капризов и амбиций. Не следует начинать знакомиться с местными кадрами, разговаривая через губу. Ставшее впоследствии модным выражение – «Будь проще и люди к тебе потянутся» – тогда только-только появилось и еще не вошло в моду, но в моем случае как раз соответствовало потребностям дня. Если я и переигрывал, то только в сторону простачка. Но такая линия поведения себя в целом оправдывала.

Да и на местах кураторов принимали «по-человечески», такими, какие они есть, как вполне живых людей, с их пороками и недостатками. Слава богу, не надо было по крайней мере ломаться, кого-то из себя изображать, думать о том, какое произвести впечатление. Поскольку никаких должностных инструкций для такого вида деятельности, как вести себя в командировках,

написано не было (не знаю, есть ли они сейчас, впрочем, вполне допускаю что есть, учитывая общий тренд к повсеместной регламентации), каждый в управлении воспринимал и трактовал свои служебные обязанности на выезде как ему было удобно, в силу неправильных особенностей личного характера. Ну, иногда, допускаю, в силу школьного или домашнего персонального воспитания. Хотя это скорее исключение. Для себя, например, я видел задачи куратора не в том, чтобы что-то там выискивать, вынюхивать, стучать и обличать, а попытаться понять и описать процесс или явление доступными словами для себя и для начальства словами. И возможно, если повезет, нащупать решение кризисной ситуации.

Поводов для выездов было не мало: назначение главы администрации (инаугурация как обязательный вариант), снятие главы администрации, день рождения главы администрации (если юбилей – это святое), годовщины оснований (круглые, как правило) областных столиц или известных исторических городов (800 лет Томску, 1000-летие Казани, например), иные торжественные события, годовщины, локальные празднования и т.д. Командировки были, как правило, недолгие, 3-4 дня, но этого было вполне достаточно, чтобы составить представление о проблемных точках региона, плюсах и минусах функционирования аппарата, этнопсихологических особенностях характера отдельных влиятельных (формально – неформально) местных бизнес-фигур и политически ориентированных личностей. Иногда удавалось посмотреть и окрестности. Главным образом во время движения из аэропорта в гостиницу.

Поскольку ареалом моего кураторства являлись регионы Западной Сибири, то достаточно часто, прилетев в один город, например, в Новосибирск, далее ехал в Кемерово или Томск – 4 часа на машине, что туда, что туда. И достаточно часто крутился в этом сибирском треугольнике. В период 1994-1996 годов моя жизнь превратилась, по сути, в процесс постоянного перемещения между несколькими географическими точками. И надо признаться, мне нравился такой уклад, когда быт был полностью подчинен циклическому движению по постоянно меняющемуся в деталях, но принципиально однородному периметру. Как-то ненавязчиво, без приложения специальных усилий удалось расширить личностную локализацию и превратить ее из точки в некую вибрирующую сеть.

При всех несомненных достоинствах такой работы, были и издержки, связанные, прежде всего с традиционным российским, а в моем случае – сибирским гостеприимством. Хозяева считали своим почетным долгом достойно встретить человек из центра и не менее достойно его проводить.

Часто даже нескольких часов полета до Москвы не хватало, чтобы оклематься от их хлебосольного радушия. К счастью, возвращались мы из

служебных командировок как правила в пятницу, ну, иногда в субботу, и еще был день-два выходных, чтобы восстановить подорванные силы. Справедливости ради следует сказать, что трезвенников в нашем управлении в принципе не было, почему-то они не приживались. Ну, если и попадался случайно один-другой, то долго они все равно не удерживались, поскольку не могли наладить контакт с курируемым регионом и принимавшими их в ходе частых командировок местными аппаратчиками.

Исключение составляли дамы. Было ведь у нас тогда пара «кураторш». Особенно тепло вспоминаю Людмилу Положкову, человека особого душевного склада, «девушку с Урала», поставленную в силу этого обстоятельства, на Челябинскую и Свердловскую области, и искренне переживающую за постоянные ссоры, и скандалы между тогдашними губернатором Росселем и главой Екатеринбурга Чернецким. Уральские внутриэлитные склоки на самом деле часто выводили ее из душевного равновесия. На ней многие подшучивали, советовали: мол, не следует принимать служебные дела столь близко к сердцу. Но Положкова, как человек от природы искренний и неравнодушный, не владела искусством холодной отстраненности, столь свойственным аппаратным работникам. Людмила вызывала у меня искреннюю симпатию именно в силу некоторой своей «недотепистости». Нравилось в ней еще и то, что в отличие от большинства работающих в аппарате женщин она не умела прикидываться, делать фальшивые комплименты собеседнику, а всегда в глаза резала правду-матку. За что и страдала.

По утрам часто встречал Людмилу в нашем длинном коридоре на 4 этаже 3 подъезда, уже озабоченно спешащую с какими-то бумажками на доклад к начальнику управления Сергею Самойлову. Но мои традиционные приветствия она отвечала скороговоркой, из которой можно было лишь уловить, что речь идет об очередной вспышке противостояния между уральским губернатором и главой областного центра и быстро-быстро семенящей походкой спешила дальше. Ее уже нет на этом свете. Но воспоминания о ней, ее образ прочно хранятся в моей памяти. Он не должен и не будет вероломно забыт. Светлая ей память!

Зачастую в командировках приходилось вести неофициальные задушевные и проникновенные беседы на самые разные темы. А как ты их будешь вести, если нет к тебе доверия и расположения? А разве может в России, хоть и постсоветской, трезвенник вызывать хоть малейшую симпатию среди настоящих мужиков, представителей глубинного народа? Смешной вопрос. Нет, конечно. Только подозрение. Несколько лет назад Всероссийский центр изучения общественного мнения опубликовал данные, согласно которым трезвенников в России всего лишь четверть среди взрослого

населения (почему-то запомнил эту пропорцию). Нам же приходилось общаться исключительно с взрослым, ответственным, серьезным, хорошо образованным народом, причем его мужской, боевой частью. Ведь выпивать всегда дешевле, чем закусывать. А сибиряки при этом как истинные патриоты своего края употребляли только местные сорта и марки. Причем выпивать и даже хмелеть было можно, но пьянеть ни в коем случае. Неумение пить и правильно вести себя в выпившим положении рассматривались как профессиональные издержки. Люди, как говорится, приходят и уходят, но кто-то может всегда остаться крайний. Главное, чтобы им оказался не ты.

Не буду скрывать, что такая сторона моей работы как политические консультации и душевные разговоры под бодрый перезвон стаканчиков – вызывала в отдельных ситуациях непонимание в семье. И со стороны своей второй половины через годик таких насыщенных во всех отношениях командировок последовало несколько ненавязчиво мягких намеков в плане внесения содержательных корректив в мое столь легкомысленное, импульсивное поведение. Нейромедиаторов, видимо, не хватало, гормонов там всяких, меланин-концентрирующих. Используемые мной защитные аргументы в том плане, что на фоне «профессионализма» иных моих коллег, я – почти что агнец, не убеждали мою милую. В наших очных, а больше заочных с ней дискуссиях о правильности выбранного пути развития нашей семейной ячейки, к сожалению, я не мог в качестве наиболее весомого и убедительного аргумента привести ставшее классикой известное высказывание Хемингуэя о том, что «интеллигентный человек вынужден иногда напиваться, чтобы вынести общение с дураками». Поэтому волею-неволей пришлось несколько сбавить обороты, но, понятное дело, без ущерба для качества анализа информационного потока.

Конечно, люди в управлении по работе с территориями подобрались разные – от школьных преподавателей до отставных военных. Были и «засланцы» от бизнеса, сидевшие на «второй зарплате». Были и те, использовал должность, чтобы нарастить личный административный ресурс на будущее, обрасти полезными связями, максимально раздуть записную книжку, а затем при подвернувшейся возможности, удачно нырнуть в бизнес. Разумеется, в силу элементарной логики аппаратного выживания я пытался строить симбиотические отношения с каждым из новых коллег, ну, почти с каждым. Однако при попытках сближения и плотного взаимодействия с этими ребятами, не представлялось возможным понять, кто же они есть на самом деле. Некоторые жили своей отдельной жизнью, предпочитая не замечать остальных. Некоторые так и не овладели способностью к самовыражению. Значительная часть сотрудников, повинуясь то ли природным, то ли нажитым инстинктам и навыкам, боялась хоть как-то проявить себя, предпочитая

отсиживаться серой мышкой в пыльной щели. Не просто было наладить даже простейшие, общепринятые в любой социальной среде традиционные коммуникации. Меня приводило в недоумение, что многие предпочитают выражать себя не через доверительность или хотя бы лояльность, а через лукавство, обман, хуже того – через притворство. Воспринимая это как норму. О какой-то спаянности, совместном времяпрепровождении вне работы не могло быть и речи.

Но у тех и у других не было главного – умения анализировать реальное положение дел в регионе и сообщать правду, в любой обстановке, в любом состоянии. К сожалению, докладывали только то, что начальство желало слышать. Бюрократическое правило не новое, и хорошо проверенное на практике. Умение видеть внутренние процессы и не бояться их анализировать, даже если они не в пользу того, что хочет видеть начальство – вот тот оселок, по которому проходила основная линия раздела между аппаратными кураторами территорий.

Что касается политических воззрений или предпочтений, то даже если они у кого-то и были, то внешне никак не проявлялись. На начальном этапе вроде как существовала определенная группа лиц, чье мировоззрение с определенной натяжкой можно было охарактеризовать как либертарианское. Но за короткое время, буквально в течение года, эта группа рассеялась, растворилась, исчезла в среде на глазах, матереющих и, казалось бы, аполитичных бюрократов. Впрочем, как мне теперь кажется, был некий глубинный смысл в сохранении разрозненности и атомарности служебного существования моих новых коллег. Это уберегло от «друзей до первой беды», от будущих разочарований и потрясений.

В начале 90-х в стране, на пике тотального консюмеризма, развернулась лихорадочная гонка за бытовым комфортом. Гедоническая модель существования – жизнь как удовольствие – одержала наконец полную и безоговорочную победу в умах сограждан. В том числе и в первую очередь – в сознании федерального чиновничества, мощнейшего и влиятельнейшего социального слоя с давно сложившейся клановой корпоративной субкультурой.

Приоритет абсолютный – не просто сохранить, но и обязательно преумножить (даже не важно, что и во имя чего). А поскольку неизвестно, сколько тебе отведено времени сидеть на хлебном месте, надо было действовать быстро и решительно. Не у всех, понятное дело, этой смелости и решительности хватало. Но это другой вопрос. Чиновник всегда пребывает в блуждающем состоянии неопределенности и беспокоящего выбора между желанием схватить и риском попасться. Так тренируются и поддерживаются базовые функции аппаратного выживания. Если мозгу не надо тратить

энергию на запоминание, то он и тренироваться не будет, раньше времени расслабится и начнет хиреть. Используй регулярно - иначе потеряешь! Вот необходимые слагаемые успеха борьбы за твердый ум и надежную память. Чтобы установить различия в черепных коробках «слуг народа» крупного и мелкого калибра, нужно прежде согласовать, что и как мерить, а этого как не было, так и нет.

В управлении по работе с территориями сотрудники были отнюдь не однородны и совсем не гомогенны. Никого нельзя было обвинить в коллективистском мышлении. Встречались весьма и весьма экзотические фигуры. В самый начальный период существования управления регионы Дальнего Востока, в том числе Камчатку и Сахалин, курировал человек по фамилии Гордиенко. Звали его Владимир, если не ошибаюсь.

Фигура достаточно своеобразная и заслуживающая краткого описания. Разговаривать с ним было тяжело. Говорил он невнятно. Порой казалось, что не удерживает мысль. Помимо наличия врожденных дефектов, выраженных в шепелявости и присвистывании, его речь существовала как бы сама по себе, вне логического пространства. Несколько раз пытался с ним что-то обсуждать по текущей служебной повестке. Но быстро понял, что это бессмысленно. На лице Гордиенко моментально появлялась маска глуповатой сосредоточенности и он замолкал. Все что не касалось личных карманных интересов этого товарища, было ему откровенно параллельно. Совершенно пассивный, ненапористый, а если точнее – тусклый и вялый стиль его кураторства заключался главным образом в том, что его по большей части никогда не было на рабочем месте. Человек отсутствовал неделями. И никто, включая его непосредственного начальника, точно не знал, где же он. Хотя скорее всего знал, но делал соответствующий вид. Конечно, Перерабатывать и тогда было не модно, трудоголиков не уважали и скрыто высмеивали. Но чтобы вот так – неделями не появляется на рабочем месте?

За два года работы с ним в одном управлении и пребывания на одном этаже, я его вживую видел всего-то несколько раз. Когда пытался любопытства ради задавать наводящие вопросы его соседям по кабинету, получал лишь невнятные, неопределенные ответы, что он вроде как на больничном. Проходил месяц, а то и два и в силу природного любопытства интересовался – выздоровел ли, наконец, Володя. Получал регулярно ответ: нет, все еще болеет. Тогда мне это казалось странным. Еще не представлял всей изощренности чиновничьих мозгов, особенно когда они пересекались с голым материальным интересом. Как оказалось, куратор Гордиенко придумал достаточно простую административную бизнес-схему. Уезжая в командировку на Камчатку, он там регулярно резко и неожиданно заболел, оформлял на месте больничный, а затем неделями, если не месяцами, сидел вместе с

работниками областной администрации, лоббируя интересы отдельных рыбопромышленных компании при дележе рыболовецких квот. Кто-то даже мне сказал, что заинтересованные рыбопромышленники «подарили» ему судно, оформленное на третьих лиц, но приносящее ему хороший куш. Когда все это вскрылось, Гордиенко как-то тихо слился (говорили, что он получил квартиру и дальше сидеть в Администрации при таких плотных коммерческих связях с дальневосточными рыбаками смысла для него уже не имело). Но, думаю, уходя он ничуть не жалел о содеянном, наоборот, был убежден, что все делал правильно, так и только так надо поступать: выжимать из своего служебного положения по максимуму. По логике его и таких как он, полные дураки и законченные идиоты те, кто, сидя на Старой площади, не пытаются извлечь из своего должностного статуса личный материальный интерес. Понятие «коррупционной ренты» в ежедневном обыденном лексиконе тогда, в середины 90-х, только-только начало появляться. В семантическом плане оно еще, и не устоялось, но на практике уже проявлялось всюду.

В отечественной бюрократической практике общепризнано, что люди не так важны, как процедуры и процессы. Сначала расписываются функции, а уже под них подбирают работников. Но энергичных граждан это не может удовлетворить. Они не переставая ищут ниши. При этом в силу традиционной расщепленности национальной ментальности, и ситуативного применения той или иной модели ценностных ориентиров в зависимости от конкретной ситуации, статусные аппаратчики говорят одно, подразумевают другое, а делают вообще третье, совершенно отличное как от первого, так и от второго. По природе своей Гордиенко, возможно, был неплохим человеком, но жажда внезапно возникшей быстрой чиновничьей наживы была выше понимания границ приличия. Страсть к легкому обогащению мгновенно взяла верх над этим интуитивным интровертом, подавив все остальные качества, свидетельствующие о степени достоинства человека, о его готовности к нравственным вызовам. Он думал о легких шальных откатных деньгах так много и так настойчиво, что ему было не до работы и даже не до отпуска. Очень быстро несправедным путем полученные, грязные деньги не просто сломали его, но, унизив, полностью подчинили себе. Тут и грех, и слабость, и несчастье. В нашей стране вообще деньги – это наказание. Даже если без преступления.

Скоро Гордиенко совсем исчез. Причем как-то по-тихому, без шума, без скандала, хотя о его проделках с рыбными квотами на Камчатке было уже известно многим. Я попытался было аккуратно узнать у коллег, что же с ним стало. Но никто ничего внятного сказать не мог. По одной версии, он получил квартиру и посчитал свое дальнейшее пребывание в данном месте излишним. По другой, ему рекомендовали завязывать с рыбным бизнесом, а он не

пожелал отказаться от привычных этических практик. Больше я о нем ничего никогда не слышал. Но типаж почему-то запомнил и хорошо помню по сей день. Владимир Гордиенко относился к типу чиновника-гедониста, работа для которого или проведенное на рабочем месте время, что ближе к истине, сопряжены с получением исключительно удовольствий – материальных, в первую очередь. У этого типа чинуш нет ни идеологической зауми, ни сопутствующих не нужных предрассудков, а тем более рефлексий. Они привыкли выражаться проверенными и отштампованными, спущенными сверху лозунгами. Идея элементарной ответственности за порученный участок (какое уж там самопожертвование!), напряжение сил ради осуществления несобственных, пусть и государственных интересов – это нечто для него абсолютно недоступное, чуждое для понимания. Нечто ужасное. «ка обло, озорно, огрбно, стозевно и лаяй». Тип хордовые... Класс лучеперые...

С начала 90-х годов в российской чиновничьей касте усиленно развилась господствует межличностная конкуренция, определяемая аппетитами искусственно раздуваемого консюмеризма, когда страна была занята поиском эффективных собственников для оставшегося вдруг на какое-то время бесхозным поизносившегося государственного имущества. Счастье умышленно и настойчиво отождествлялось с повышением благосостояния. Новое постсоветское чиновничество, замкнувшись само в себе, превратившись в закрытую касту, параллельно конкурировало между своими отдельными внутренними кланами за каждый свежий атрибут привилегированности, и потому. Лихорадочно, поскольку как бы с опозданием, осваивалась в нашем государстве заимствованная с проклятого прогнившего Запада немудреная модель пресловутого «тотального потребления». С жадностью поглощались вдруг дарованные блага. В первой половине 90 х, в эти ранние капромантические годы, в России господствовала межличностная конкуренция, определяемая экономическими реалиями. Она была определяющим трендом и доминирующим вектором. Состязаться, возвышаться, подавлять – это было не просто актуально. Это было модно. И вот русские люди, замкнувшись только на себя, следуя витальным инстинктам, конкурируют между собой за каждый атрибут модели «общества потребления» в обновленном его отечественном издании. Но наслаждение вновь приобретенным благом не длится долго. К нему быстро привыкаешь, наступает «гедонистическая адаптация», и в результате – снова «нечего больше желать». Каждый знает, что счастье не может длиться долго. У него нет биологической основы, нет естественных причин, по которым это состояние должно быть постоянным. Ощущение, что у себя все замечательно и так будет и в будущем не поощряется природой, так как оно вредно для выживания и мешает распознавать угрозы.

Как я заметил, наблюдая искоса, со стороны, за Владимиром Гордиенко, вся прелесть получения удовольствия для такого типа бюрократа, каким он являлся, заключается не в самом факте обретения этого самого удовольствия как такового, а в том, что он получает его только один и только для себя. Само допущение возможности того, что такое же удовольствие может получить кто-то еще, кроме него, делает этот тип чиновника моментально несчастным.

Среди встречаемых мной в то время многочисленных государственных гражданских служащих разного калибра легко можно было выделить еще один интересный тип. Я бы назвал его чиновником с повышенной петушинностью или, как вариант, чиновником-звездоболом (на бытовом уровне, в обиходе последнее слово звучало несколько по-иному). Природная политкорректность – шучу, конечно, – и правила приличия не позволяет мне употребить здесь это слово в его реальном звучании, с тем же конечным смыслом, но более содержательно и эмоционально насыщенное. Наверняка, каждый из нас встречал таких людей, не только, кстати, из отряда российского чиновничества, не только из аппарата, а из разных иных бытовых и общественных сфер. Это как раз те, которые знают всех и вся, знакомы со всем светом, знакомы с сильными мира сего, а в разговорах к месту и не к месту сыплют знаменитыми именами. Километры откровенного словоблудия. Тонны перемалываемой пустоты. Болезнь хлестаковщины – «с Пушкиными на дружеской ноге» – неуместного, необузданного, эгоцентричного хвастовства поразила их раз и навсегда и начав, вроде бы с самых невинных вещей, они уже не могут остановиться. Желание при любых обстоятельствах показать свою значимость, их несет и уносит. А где есть желание, найдется и способ. Но увлекшись разрисовыванием себя, любимых, бедняги не замечают, что выглядят смешно и нелепо. В первые дни работы в территориальном управлении я как раз и столкнулся с таким типом тотального балабола-конформиста, олицетворением показного простачества и стилистического недоумства. Звали его Владимир Феодосиевич Трофимов. Ничего подобного я ранее не встречал. И позднее, впрочем, тоже. Средний рост, темные усики, бегающие глаза, широкие, размашистые жесты. Ограниченно-казенный, бесцветный вокабуляр. Эмоциональная монотонность, приклатенный жаргон. Ранее с этим человеком я не был знаком. Мне было абсолютно неизвестно, где он до того работал, чем занимался и как здесь, на Старой площади, оказался.

В момент создания Управления Администрации президента РФ по работе с территориями, представителями президента РФ, связям с Верховным советом РФ весной 1993 года (с марта 1994 г. – по работе с территориями), нас, работников, за кем закрепляясь все российские регионы, всего-то было человек пять-шесть. Кому-то достался Урал, кому-то юг (Северный Кавказ),

кому-то Северо-Запад, Центр, а мне – вся Сибирь. Постепенно по мере наполнения новыми людьми, наш функционал в плане охвата территорий постепенно урезался и, в конечном счете, я остался с Новосибирской, Томской и Кемеровской областями (о том, как и почему это произошло, я расскажу дальше).

Так получилось, что с Трофимовым нас посадили вместе, почему – абсолютно непонятно. Регионы нашего кураторства располагались далеко друг от друга и никак не пересекались. Трудно найти более разных людей по характеру, темпераменту, ценностным установкам. Да, нет. Не так. Не корректно выразился. Никто нас специально, естественно, не сажал. Но почему же мы, антиподы, оказались вместе в апреле 1993 года в комнате № 301 на третьем этаже 3 подъезда? В самой первой комнате по коридору, если налево от лифта, сразу после мужского туалета. Почему персоны, столь разные во всем, этические антагонисты, неким незамысловатым, необъяснимым и непостижимым образом были выбраны для ежедневного томительного пребывания в одном замкнутом пространстве? И кем? И для чего? Чтобы эмоционально мучить друг друга? Просто какая-то насмешка судьбы.

Если всех аппаратных работников условно разделить на две группы: «смысловиков» и «имитаторов», то Трофимов был ярчайшим представителем последних. Безусловно, он был знаком с некими поверхностными деталями, но сути порученного дела не понимал. С первого мгновения, как только я оказался с ним в одном управлении, в одной компании, а затем и в одном кабинете, я осознал, что передо мной человек двойного, а скорее – тройного назначения со смятой оригинальностью и кривомыслием, но не без артистических способностей. Несомненно, мне и раньше приходилось видеть нарциссов, которые, будучи не в состоянии с удовлетворить собственные нереализованные амбиции постоянно ввали в попытке чем-то казаться.

Но Владимир Феодосиевич оказался особым случаем. Такого позерства не встречал ни до, ни после. Каждое утро Володя начинал с обзвона вверенных ему как куратору территорий. Чувствовал он себя при этом не больше не меньше, как полководец, осматривающий вверенные войска. Причем говорить он неизменно намеревался исключительно, с первыми лицами региона, с губернатором или, на худой конец, с главой местного правительства. Видимо, это был ключевой и, пожалуй, единственный фактор поддержания собственной неадекватно завышенной самооценки. С утра пораньше, начиная накручивать диск на аппарате ВЧ, Трофимов моментально наполнялся важностью и собственной значимостью, надувался прямо на глазах, и в момент соединения с абонентом, а оно шло через оператора и занимало некоторое время, он уже, судя по его внешнему напыщенному виду,

готов был решать судьбы мира. Говорил Володя с провинциальными начальниками как с давними приятелями, с шуточками, с похабными прибауточками, как бы похлопывая их заочно по плечу: мол, знаем мы вас, хитрецов, но мы тоже не пальцем деланы, и нас не проведешь... Особенно, нравилось Трофимову, как продукту аппаратной случайности, разговаривать с тогдашним главой Орловской области Егором Строевым, одним из влиятельнейших на тот момент представителем российского губернаторского корпуса. Предмет разговора не имел значения, важным был исключительно процесс, который Володя Трофимов превратил в ритуал. При этом он умышленно выбирал сугубо фамильярную манеру общения, употребляя в разговоре весьма специфические и неоднозначные словечки типа «старый лис». Подобный стиль общения позволял Володе расти в собственных глазах до заоблачного уровня.

Мне было странно все это наблюдать. Невольно задавался вопросом: почему же тот же Строев, другие губернаторы, видя пустоту и никчемность их эпатажного аппаратного куратора, не пошлют его по известному адресу или пожалуются начальнику управления на неадекватный стиль кураторства.

Проведя в обществе Владимира Феодосиевича где-то около полугода я пришел к простому выводу: есть люди слабо общительные, есть фатально некоммуникабельные, а есть такие, не дай бог, конечно, прямо наоборот – общительные, аж чересчур. Таким как раз был Володя Трофимов. Фонтан неисчерпаемый, который никому никогда не удавалось, не удастся и не удастся заткнуть.

Поначалу от всей этой договорной игры на публику, от всех этих смехотворных ужимок Володи Трофимова меня некоторым образом корбило, но затем я более-менее свыкся с его доморощенными понтами, хотя каждый день с утра слушать, как на глазах раздувается этот пузырь – вот-вот лопнет – было не очень-то приятно. Врожденное пустопорожнее балобольство нельзя считать серьезной врожденной стигмой. Но и терпеть его восемь часов кряду человеку с ординарными психосоматическими регуляциями становилось неважно. Помогала мне моя вредная рано приобретенная привычка. Когда становилось совсем уж невозможно выслушать Володины словесные фантазии, откровенные бредни и потоки словоблудия, я выходил из кабинета покурить. Курил смачно, медленно, обратно не торопился. Тогда борьба с курением в государственных учреждениях так яростно, как в настоящее время не велась, не до того было – лихие девяностые на дворе, и курить в органах власти и управления можно было прямо в помещениях, не выходя на улицу. Применительно к 3 подъезду Старой площади делать это можно было на просторных предлифтовых площадках на каждом из пяти этажей. Идти было

недалеко. Наш с Трофимовым кабинет был первым по коридору, если на право от лифта.

Обычно я стоял в углу у урны, медленно смолил и размышлял: неужели человеку не стыдно? Ведь по таким как он на периферии будут судить, а работниках теруравления в целом. Меня тогда это еще заботило. Серьезно. Господи, какой же я был наивный! Проблема: что сильнее – стыд или страх – для Володи Трофимова и таких как он в принципе не существовало. Они не ведали ни того, ни другого. Манера поведения Володи Трофимова казалась мне комичной, его ужимки – окарικатурируем реальной административной работы, ее дискредитацией и профанацией. Само его пребывание в столь ответственной и по своему уважаемой структуре подспудно создавало сатирический эффект и неизбежно вело к ее невольной дискредитации.

Я был чужд его подходам и представлениям, чувствовал окружающий мир совершенно по-другому, но вынужден был разделять с ним рабочее время, значительную часть собственной жизни.

Справедливости ради следует отметить, что Трофимов Владимир Феодосиевич, своеобразное воплощение номенклатурного балласта, долго в управлении не задержался. Исчез от как-то незаметно, но с горизонта не пропал. До конца 90-х, пока работал в администрации, я периодически встречал его то в Государственной Думе, то в Совете Федерации, то в иных публичных местах. Он ни капли не изменился: при разговоре все так же надувал щеки, бил себя в грудь, норовил фамильярно похлопать по плечу, даже приобнять. Все такие же обильные, пустые словоизлияния, надувание щек. Все те же невыносимые банальности. Все также усердно при каждом удобном и не очень случае подчеркивал свою близость к властям предержавшим, утверждал, что легко «решает все вопросы», ну и т. д. Слушать это было невыносимо. Через пару минут становилось тошно и хотелось бежать со всех ног.

К концу 90-х Володя Трофимов совсем исчез с моего горизонта. Хотя до меня периодически доходили слухи, что он вроде как устроился руководителем представительства Вологодской области при Правительстве. Но и там при его попытке чего-то там нахимичить, поучаствовать в неких мутных проектах с ним произошел очередной конфуз, и дабы избежать назревавшего скандала его по-тихому из представительства «ушли». Вроде как он пытался организовать какой-то бизнес в Вологде, даже зарегистрировал на себя некие юридические лица в строительной сфере, но чем все закончилось, пошли ли дела у него – мне неизвестно. Предполагаю, что нет. Прошлые служебные коммуникационные связи уже не работали. Удивил, а затем глубоко разочаровал уровень блефа. Слишком велик и очевиден для

всех был разрыв между потоками слов и практическими делами. Да и дел-то никаких, в сущности, не оказалось, вся энергия уходила в гудок.

В заключение могу лишь отметить: просидев почти год в одной комнате, напротив друг друга, что называется «лицом к лицу» остались мы с Владимиром Феодосиевичем Трофимовым такими же чужими, сказал бы даже, чуждыми людьми, какими и встретились. Впрочем, это не удивительно. Мы вышли из разной среды, с разными установочными ориентирами. К моменту нашей неожиданной встречи на 3 этаже 3 подъезда Старой площади у каждого из нас сложился абсолютно разный опыт позиционирования себя в этом мире. У нас не было ничего общего, ну ничегошеньки. Никаких точек пересечения, совместных ценностей и приоритетов: ни культурных, ни профессиональных, ни бытовых, никаких....

Будь никем и уцелеешь.

Ни о чем не пожалеешь.

Если кем-то хочешь стать,

Знай, тебе несдобровать...

За год работы в территориальном управлении я пришел к предварительному выводу, что команды «единомышленников» из надерганых непонятно по каким признакам (да, о чем это я? – вполне понятным как раз) людей сколотить было изначально невозможно. Никаких так называемых «единомышленников» тут не было и быть не могло по определению. Эмоциональная изолированность – ключевой принцип существования в подобных коллективах. Каждый был сам по себе и сам за себя. Не могу утверждать, что работники специально подбирались под низкий калибр, по принципу «чтоб не умнее начальника», но что-то с критериями выбора и расстановкой кадров на этом направлении явно было не так. Хотя, как показывал в том числе и мой опыт, при достаточном скудоумии, но решительности и целеустремленности можно было получить прекрасный результат. В общем Владимиром Феодосиевичем Трофимовым мы расстались как-то невнятно, но без малейшей грусти и сожаления с моей стороны.

Следующим моим соседом по кабинету оказался Владимир Иванович Вьюницкий. Он занимался, как куратор, как раз национальными республиками. В начале 90-х наиболее крупные и влиятельные из них (Татарстан, Башкортостан) активно как раз подняли тему договоров между национальными образованиями и федеральным центром. Татарстан провел референдум о суверенитете в марте 1992 года. Еще раньше это сделал Башкортостан. Как известно, Ельцин и Шаймиев подписали договор о разграничении полномочий между Россией и Татарстаном в 1994 году. Но уже

через десять лет, в начале нулевых, при Путине, в администрации провозгласили и стали реализовывать курс на ликвидацию договорных отношений с крупными национальными образованиями, способных, согласно пылкому воображению державных аппаратчиков, представлять вовсе даже не гипотетическую, а вполне конкретно-прозаическую угрозу политической гомогенности России.

Договор между Российской Федерацией и Татарстаном Шаймиев пока он был при силе, пользуясь своей «тяжеловесностью», сумел на некоторое время отстоять и его обновленный вариант был подписан 24 июля 2007 г. сроком на 10 лет. Согласно договору, Татарстан остался единственной республикой в Российской Федерации, руководитель которой именовался «президентом», а не «главой», как в остальных республиках.

Сейчас, данная тема перестала быть публично острой и фактически закрыта. Хотя еще не выветрились из памяти времена парада суверенитетов начала 90 -х годов. Ныне один только Татарстан как субъект Федерации все еще сопротивляется центростремительным внутривнутриполитическим трендам, настаивая на пролонгации договора, а также на сохранении для республики наименования высшей государственной должности – «президент», но уже как-то вяло, по инерции. Кремль готов сохранить должность президента Татарстана до 2020 года, до истечения срока полномочий нынешнего главы республики Рустама. Что будет дальше – надо подождать. В России, как уже все знают, надо жить долго, а ждать терпеливо и настойчиво.

В отличие от большинства, которые пользовались услугами машбюро, Вьюницкий любил работать над текстами самостоятельно. Он был одним из первых, если не первый человек в управлении, который настоял и установил у себя принтер. Аппарат был так себе, не новый, достаточно изношенный, и его постоянно заедало. Владимир бегал вокруг него злился, резким движением, с треском вырывал лоток для бумаги, лихорадочно вставлял его обратно и даже тихо ругался, хотя в быту, как я смог заметить, человек он исключительно вежливый, воспитанный и в высшей степени политкорректный. А характер его достаточно ровный, не был подвержен резким перепадам настроения.

Как лицо, с рождения скептически относящееся ко всяким техническим нововведениям, особенно в сфере информационных дайджестов, я также по началу полностью игнорировал возможности заполучить в собственное распоряжение казенный принтер, предпочитая по старинке носить рукописные тексты в машбюро. Но сейчас по прошествии немалого куска времени, – да уж четверть века будет, – вынужден признать, что Владимир смотрел дальше и чувствовал ситуацию тоньше. Вообще я не люблю перфекционизм и его носителей. Как правило, они достаточно агрессивны и требуют совершенства и от других. В глубине души мне жалко времени, которое уходит у этих людей

на оттачивание мелких деталей жизненных конструкций, срок существования которых – мгновения. Ну, ладно, в конце концов занимайтесь этим сами, но зачем же другим навязывать. Мне всегда казалось, что отпущенное нам природой время можно употребить с большей пользой. Но Владимир Иванович составлял в этом ряду счастливое исключение. Мысленно возвращаясь к недолгому периоду нашей совместной работы, перед ним я снимаю шляпу.

Правильно говорят, что о характере человека можно судить по тому, как он ведет себя с теми, кто ничем не может быть ему полезен, а также с теми, кто не может дать ему сдачи. Мы хорошо ладили с Вьюницким, между нами не было отторжения, вызванного культурной сегментацией. В отличие от Трофимова Вьюницкий не пытался изобразить из себя нечто иное, чем был на самом деле, не суетился, не давал публичных оценок другим по каждому поводу, нужному и не нужному, умел гибко управлять складывающейся по мимо его воли внешней канвой событий. Был исключительно корректен и уважителен в общении с окружающими. В моем восприятии Владимир Иванович остался скромным, доброжелательным, порядочным человеком, который не пытался эксплуатировать свои добродетели ради карьеры, имиджа и социального статуса.

Проработали мы с ним, к сожалению, недолго, менее года. Владимир Иванович как-то неожиданно уволился и на какое-то время полностью пропал. Однако через пару лет я случайно узнал, что он трудится помощником у руководителя Пенсионного фонда Российской Федерации Михаила Зурабова. Насколько я знаю, сейчас он, где – то в руководстве Партии Пенсионеров. Вот как пенсионная тема глубоко затянула человека!

К Вьюницкому часто заходил Доку Завгаев, проживающий в Москве бывший первый секретарь Чечено-Ингушского республиканского комитета КПСС. Вскоре Завгаев получил должность заведующего отделом в Управлении по работе с территориями Администрации Президента РФ, и уже в силу своих должностных обязанностей мог общаться с любым из нас, работников управления. Но держался он как-то особняком и общаться предпочитал исключительно с Владимиром Ивановичем. Причем, используя показавшимся мне интересными и потому запомнившимися приемами. Завгаев не вызывал к себе звонком, а сам лично заходил за Владимиром Ивановичем. Как только он слегка приоткрывал дверь, Вьюницкий без слов моментально вставал и выходил в коридор, где они о чем-то многозначительно шептались. Минут через десять – пятнадцать Владимиром Ивановичем возвращался, но один, без Завгаева. О чем они там, в коридоре говорили, что обсуждали, я никогда не спрашивал, да, по правде, меня это и не интересовало. Доку Завгаев был в советское время руководителем кавказских

республик. Да каких! А Кавказ, как и весь Восток, как известно, – дело тонкое. А я в чужие тонкости не лез, тут бы в более грубых собственных вещах разобраться.

Вскоре в служебной биографии Завгаева произошли резкие, можно сказать, судьбоносные изменения. В марте 1995 года он вошел в состав Комитета национального согласия Чечни, в октябре того же года возглавил Правительство национального возрождения, а уже в ноябре утвержден бывшим Верховным Советом упраздненной Чечено-Ингушетии в должности премьер-министра – главы Чечни. В декабре 1995 года был избран на пост главы Чеченской Республики. Однако уже летом 1996 года после захвата боевиками Грозного (кульминация первой чеченской войны) покинул Чечню. Из администрации Завгаев ушел в МИД, захватив с собой (с их горячего одобрения) сотрудников организационного отдела Бориса Шарымова и Наталью Кузнецову.

В дальнейшая карьера Завгаева развивалась по дипломатической линии. С 2009 года Доку Гапурович Завгаев трудился Чрезвычайным и полномочным послом Российской Федерации в Республике Словения, затем в аппарате МИДа, в дальнейшем, когда я окончательно оставил госслужбу, трудясь в совершенно разных местах, включая Томск и Сахалин, Завгаев, как, впрочем, и многие другие соратники по 3 подъезду Старой площади, совсем выпал из моего поля зрения.

Тут я пытался вспомнить тех, с кем сталкивался наиболее близко, ежедневно, «нос к носу» за время работы в территориальном управлении. Но это далеко не все его работники. Были, конечно, люди, которые работая в том же управлении были где-то далеко, на периферии моего круга, с которыми имел дело лишь эпизодически, урывками, и к которым у меня не сформировались какого-либо более-менее устойчивого отношения. Особенно много появилось новых имен и фамилий после 1996 года, после окончания президентских выборов. Но это как раз понятно. Новый глава администрации привел своих людей, тех привели своих. Все как обычно. Я не был интересен им, они – мне. Я был проходным моментом в их жизнях. Они – в моей.

Казаков

Мы познаем человека не по тому, что он знает, а по тому, чему он радуется
Рабиндранат Тагор

Начальником Управления по работе с территориями Администрации Президента Российской Федерации с 1994 года по 1996 год был Александр Иванович Казаков. Ох, золотое было при нем времечко! Жалко, что короткое. Любой вопрос решался оперативно и как-то легко, без внутреннего напряжения. Не было штурмовщины, не было и особых скандалов. Наверняка они имели место, но все проходило так аккуратно, что до нас, рядовых работников управления, они практически не доходили. Командировка согласовывалась и подписывалась в лет. Придя из Госимущества, где он отвечал за территориальные управления, Казаков считался и вполне справедливо одним из ведущих на тот момент и к тому же обличенным полномочиями экспертом в области российской региональной политики, знатоком скрытых пружин в каждом значащем для центра субъекте федерации. Будучи человеком крайне энергичным, Казаков сам много передвигался, летал по городам и весям, и поощрял командировки подчиненных «территориальщиков». Наблюдая за ним, я пришел к следующему кросс-культурному консенсусу: Казаков не пытался притворяться, что прислушивается к руководителям краев, областей, республик, он действительно к ним прислушивался.

Казаков был, по моему мнению, одним из немногих тогдашних руководителей администрации, обладающих помимо несомненных интеллектуальных способностей, еще и личной харизмой (пусть и несколько холодноватой), человеком с вполне определенным креативным аппаратным воображением. Всегда элегантно, с иголочки одет. Вдумчивые глаза и легкая ироническая улыбка на лице, когда он слушал собеседника, придавали его образу несомненный шарм и легкое очарование. Как человеку, вникающему и анализирующему ему по определению, было чуждо упрощенное понимание и толкование внутренней региональной политики как некой командной вертикали армейского типа. Он, на мой взгляд рассматривал ее как особую управленческую сферу. А за внешне простой, иногда выглядевшей почти как панибратская манерой общения, что в общем-то присуще среднестатистическому русскому человеку, скрывалась тонкая, совсем не искусственная, а вполне земная природная интуиция. Александр Иванович не только производил впечатление чрезвычайно структурной личности, но и

являлся таковой. Нельзя было не восторгаться его способностям достигать цели в широком диапазоне различных обстоятельств.

У Казакова, насколько помню, были прекрасные отношения почти со всеми губернаторами. Он умел их налаживать, причем с самыми, казалось бы, одиозными фигурами. Он спокойно, несмотря на скрытое недовольство ближайшего окружения Ельцина, встречался с Александром Руцким, задумавшим после амнистии по событиям октября 1993 года поучаствовать в региональных выборах в Курске. Насколько я мог понять из обрывков некоторых разговоров в высоких кабинетах, именно Казаков убедил кремлевское начальство, что не следует блокировать выдвижение опального после осени 1993 года Руцкого на выборы губернатора Курской области в октябре 1996 году. Несмотря на плохо скрываемое раздражение ЕБН и его ближнего круга, бывший вице-президент, опальный и отсидевший политик Руцкой смело двинулся в бой, и вполне уверенно выиграл губернаторские выборы, причем в первом туре.

В лице Казакова я впервые столкнулся с руководителем-управленцем такого масштаба. Казаков, признаюсь прямо, казался мне тогда всемогущим, богоподобным существом, чуть ли не всемогущим волшебником, способным на любые подвиги и чудеса. Разговаривал Александр Иванович всегда спокойно, размеренно, казалось, даже флегматично, растягивая слова и фразы. Говорил исключительно вежливо, но при необходимости мог перейти и на жесткие тона, обценной лексики не стеснялся и за словом в карман не лез. Тому, кто видел его первый раз, он мог показаться вальяжным, позиционируемым барином, но, если только начать с ним плотно работать, это впечатление быстро проходило. Он мог и отказать просящему, мог поставить его на место, но делал это как-то весьма деликатно, обходительно и по-своему талантливо.

О Казакове тепло написал Виталий Гулий в своей относительно недавно вышедшей и безвинно пострадавшей книжке «Подножие российского Олимпа. Штрихи к портрету современного чиновника». Гулий как тогдашний начальник профильного управления по работе с представителями президента, регулярно контактировал с Казаковым напрямую, и знал его, несомненно, лучше меня. С Виталием мы какое-то время жили в одном доме в Митино, и он иногда подвозил меня до Старой площади (ему по должности была положена машина с закрепленным водителем). По дороге мы травили разного рода байки и от Гулия я много узнал о характере Казакова. Виталий им окровенно восхищался и говорил о нем всегда в эмоционально-восторженном тоне. Язык его при этом был насыщен специфической отечественной лексикой, которую профессионалы всегда сумеют отличить от нецензурной брани.

Однако и я, помнится, несколько раз персонально вызывался к Казакову по каким-то оперативным вопросам и собственное представление сумел составить. Александр Иванович, в отличие от других больших начальников со Старой площади, не чуждался и не брезговал общаться с рядовыми сотрудниками уровня специалиста-эксперта или консультанта. Помню, он вызвал меня, чтобы дать какую-то бумагу с поручением лететь в соответствующий субъект и разобраться на месте. А когда я открыл было, рот, чтобы запросить разъяснений и дополнительных инструкций, устало махнул рукой: мол, иди, иди, некогда мне, сам разберешься по дороге, не дурак чай. Казаков не имел привычки строить подчиненных. Он изначально, по определению доверял им, верил в их компетентность и способность самостоятельно принимать, тактические решения, избегал мелочной раздражающей опеки. Иногда, конечно, и он ошибался, не без этого. Но, что, собственно, и важно, даже при этом не отступал от своих управленческих принципов. Эти его подходы, на мой взгляд, резко контрастируют с нынешней системой принятия управленческих решений, где подчиненные, боясь минимальной ответственности (одна ошибка, и, если нет родственной лапы, тебя быстро вышибут, а то и «замуруют») обрушивают на утомленное начальство множество ненужных, мелких вопросов, перемалывая пустопорожнюю пыль. Казаков разрешал подчиненным многое, но себе, разумеется, – еще больше.

Общим местом стало то, что чиновники боятся брать на себя хоть что-то, хоть самую малость, стремятся до бесконечности расширить круг задействованных в принятии решения лиц, размыть ответственность, чтобы при неудачном развитии событий выскочить сухими из воды: мы, мол, тут ни при чем, нас тут не стояло. Поэтому все принимаемые начальством решения, даже изначально никудышные и проигрышные, предаются безмерному, безудержному восхвалению. Умышленно затуманиваются, размываются критерии определения результативности управленческого решения. Единственный признающийся верным подход: если МЫ решили, то и правильно. Скажите: примитивно, не солидно, не серьезно, в конце концов не удобно. А вам возразят адепты упрощенческой управляемости: неудобно спать на потолке – одеяло спадает. И что хочешь, то и делай с этим.

Когда Казаков, бывший на хорошем счету у Черномырдина, после президентских выборов 1996 года ушел из президентской администрации в правительство, все, кто с ним работал на Старой площади, моментально это ощутили. После него все стало совсем по-другому. Пусто и грустно.

В конце 1997 года в стране разразилось, если кто помнит, так называемое «дело писателей» о получении ведущими «реформаторами» из правительства и администрации авансом крупных сумм за ненаписанную

книгу, определенно не здорово отразившиеся на дальнейших карьерах людей из ближнего круга Чубайса (Коха, Мостового, Казакова, Бойко). Наличие фамилии Казакова в этом списке меня поразило. Как-то не вязался сложившийся у меня в голове образ вот со всем этим. Почему и Казаков оказался среди «писателей» мне сказать сложно. Да и не мое это дело. Никогда не идеализировал начальников. Бессмысленно искать в них святых. Полнейший самообман – нет божества без убожества.

Версий о том, кто был заинтересован в подобном скандале и, кто его инициировал (используя определенным образом известного журналиста «Московского комсомольца» Александра Минкина), было множество. Мне больше всего импонирует вариант, что этот яркий эпизод олигархических войн середины 90-х явился своеобразной мстью одного клана высшего чиновничества другому за «неправильно» осуществленную приватизацию «Связьинвеста».

Наверное, еще не подошло время, чтобы дать более или менее амбивалентную оценку тем уже все удаляющимся событиям новейшей российской истории. Или подошло? Но что-то не встречались мне пока взвешенные оценки. Или историки все еще опасаются касаться этого периода? Нечего сказать, или еще множество нитей связывают его с настоящим временем, и эти нити боязно трогать? Слишком много заинтересованности, за ангажированности и субъективизма, личного интереса. Еще при власти и при деньгах те, кто сыграл на «правильной», победившей стороне в одной из главных войн российского бизнеса середины 90-х». Пыль еще не улеглась. В любом случае даже скандальное «дело писателей» никак не отразилось на моем восприятии Казакова как внешне спокойного, но серьезного и «сущностного» руководителя-управленца. Я позволяю себе не иметь мнения по поводу объективности «дела писателей». Об Александре Ивановиче у меня остались наиболее приятнейшие впечатления и воспоминания.

Не могу не сказать несколько слов и о начальнике нашего отдела еще того недолгого «казаковского» периода – Серякове Владимире Ефимовиче. Хороший, простой, в глубине души добрый дядька. В советский период у него была по тогдашним стандартам просто блестящая карьера. В своем национальном образовании он дорос до председателя Совета министров Тувинской АССР. В начале 90-х трудился заместителем председателя Государственного комитета по национальной политике. Потом попал вдруг на Старую площадь в территориальное управление. Во Владимире Ефимовиче мне прежде всего симпатично было то, что он не был ни «технократом», ни менеджером, претендующим на так называемую «эффективность». И славу богу! Серяков периодически собирал нас, кураторов, и доступным, «человеческим языком» доводил поручения и указания высшего руководства,

никак их, не интерпретируя и даже не комментируя. В текущую деятельность своих подчиненных он не вмещался. Получаемые им от начальства и тут же доводимые до нас установки, чего скрывать, зачастую выглядели нелепо, а иногда откровенно смешно, но задавать уточняющие, наводящие вопросы Владимиру Ефимовичу было бесполезно. Он по-хитрецки включал режим непонимания и прятался за ним. Несколько раз мы с Сергеем Андреевым пытались растормозить его, вытянуть уточняющие детали, но «Ефимыч» тоскливо мялся, что-то невнятно мычал про себя, играл в такого своеобразного простачка, но от любых ответов и комментариев умело уклонялся. Спущенные сверху указания он воспринимал как перст небес и в принципе отказывался их как-то толковать или обсуждать. Ну что сказать? Управленец старой школы! Можно только поаплодировать.

За время не такого уж долгого общения с Владимиром Ефимовичем у меня сложилось впечатление, что он проявляет ко мне определенную скрытую симпатию. Судить об этом могу по одному обстоятельству. Как-то в короткой беседе на общую тему Серяков обронил фразу о том, что в отделе Сибири и Дальнего востока возникла вакансия заместителя начальника отдела и намекнул, что у меня неплохие шансы. Однако для достижения даже этой вроде бы ничтожной цели надо было проделать определенную, достаточно тонкую, аппаратную работу. Поскольку я не относился к кругу людей, приближенных к начальнику управления Сергею Николаевичу Самойлову (до 1991 года мы с ним были абсолютно не знакомы), то мне следовало стучаться выше, по возможности лоббировать себя среди окружения Руководителя Администрации Президента Филатова. Саша Захаров, который к тому времени стал одним из его помощников (по хозяйственной части) был готов, на словах во всяком случае, оказать мне в этом посильную поддержку. Но для этого мне надо было активно вложиться в саморекламу, обивать пороги и прикидываться тем, кем ты на самом деле не являешься. Честно признаться – мне никогда этого не удавалось. Даже временная утрата целостности, раздвоение личности плохо отражалось на внутреннем равновесии и адекватном восприятии картины мира. В подобных ситуациях я не узнавал себя, был себе неприятен.

Саша предлагал действовать через Вячеслава Волкова, который как заместитель Руководителя Администрации Президента (назначен президентским указом в феврале 1993 года) плотно взаимодействовал с управлением по работе с территориями. Несколько раз мне довелось пересечься с ним достаточно близко во время служебных командировок и на выездных совещаниях по государственному устройству или местному самоуправлению. Волков оказался вполне доступным и даже, как мне показалось, легким в обращении человеком. Во всяком случае впечатления

грозного начальника он не производил. Может быть, для кого-то это был минус, но для меня определено плюс. Волков был хорошо знаком с Самойловым еще по Верховному Совету, они входили в одну фракцию – «Демократическая Россия». Помимо прочего их объединяла общая увлеченность теннисом, который, если кто не знает, был самым популярным видом спорта в администрации во времена Ельцина. Теннисом повально увлеклись – уж не знаю по доброй воли или как – почти все VIP-персоны Кремля и Старой площади. Сформировались даже спортивные пары, которые вместе тренировались и выступали на внутренних непубличных турнирах. Волков с Самойловым как раз и представляли такой спарринг.

Кстати, еще немного о теннисе. По моим наблюдениям, почти все чиновники со Старой площади, желающие хоть немного продвинуться вверх по карьерной лестнице, взяли в руки ракетку. Был набран состав тренеров, которые хоть и бюджетные, но недурные зарплаты, должны были заниматься с соответствующим контингентом. Под тренировки был приспособлен зал на минус первом этаже 20-го подъезда. Саша Коцоев, который уже во всю играл, сагитировал меня пойти поучиться. А, собственно, чего в этом плохого? Какая-никакая, а физическая нагрузка, да еще с захватом рабочего времени. И я действительно пошел. И за полтора года даже кое-чему научился. Конечно, исключительно на любительском уровне. Но через пару лет, играя на кортах при МГУ, мячи отбивал вполне достойно и даже делал эйси.

Но вернемся к Серякову Владимиру Ефимовичу...

Поразмыслив некоторое время над его предложением касательно вакансии заместителя начальника отдела, я в результате пришел к риторическому вопросу и одновременно сакраментальному выводу: а оно того стоит? Попросить для меня в то время означало одно – унизиться. Зачем я буду ломать себя, топтать собственную природу, ради чего? Ради мизерной денежной надбавки или ради так называемого статуса...? По большому счету мне из этого ничего не нужно. Командовать людьми я не умею и в общем то не хочу. Даже маленький начальствующий пост, наверняка ограничит меня в свободе оценок и суждений. В этом случае придется огромное количество времени проводить на совещаниях, где ничего никогда не решается, слушать сказки о потерянном времени. Потратить столько времени на пустое в общем то занятие: втюхивания себя, любимого, завернутого в яркую подарочную упаковку. В конечном счете для того чтобы подняться вверх, надо сперва стать на колени, а делать этого я и тогда не мог и до сих пор не научился.

Не стал я ни с кем встречаться, ни о чем разговаривать. А Саша Захаров, который знал меня гораздо дольше чем Самойлов, и не настаивал. Вскоре заместителем начальника отдела был назначен другой человек.

Но Владимиру Ефимовичу Серякову тем не менее я благодарен до сих пор. Такие вещи не забываются.

Кстати, что касается дальнейшей судьбы Волкова, то после президентских выборов 1996 года и прихода к власти в администрации Чубайса с его командой Вячеслав как-то незаметно пропал с провластного горизонта. Он попытался напомнить о себе в 2001 году, когда на учредительном съезде «Конституционной партии» был избран ее лидером. Член оргкомитета того съезда и бывший помощник Волкова Игорь Харичев заявил тогда, что Конституционная партия находится на правом центре политической жизни страны и назвал возможными союзниками Демократическую партию России и «Союз правых сил». По его словам, учредителями партии стали общественно-политические движения «Партия защиты женщин», «Стабильность и прогресс», «Выбор России» и «Живое кольцо». Поскольку я был знаком и с Волковым, и с Харичевым, работавшим с в президентской администрации в начале 90-х, то достаточно неожиданно получил приглашение на учредительский съезд, который провели в Президент-отеле на Якиманке в декабре 2001 года.

Но новая партия как-то не пошла. Выстрел оказался холостым. В дальнейшем партия эта никак себя не проявила. У меня такое ощущение, что через пару лет ее уже в принципе не было. Возможно Минюст не зарегистрировал, возможно сама партия добровольно самоликвидировалась. Не знаю, ничего не могу утверждать, только догадываться. Да и как в нашей последующей реальности могла проявить себя партия, провозглашавшая своей целью (пусть и декларативной) «консолидацию общества вокруг идеи поддержки Конституции». И вообще таких трепетных и чувствительных слов в названиях партий, любых социальных структур лучше избегать. Абы чего не вышло. Как только начинают такие слова трепать – не жди ничего хорошего. Что через пару десятков лет случилось с российской Конституцией мы все хорошо знаем.

Сибирь. Кураторство

Спорить – это так вульгарно. Ведь в приличном обществе всегда придерживаются одного и того же мнения.

О.Уальд

20 апреля 1843 года Министерство государственных имуществ издало указ об организации переселения в связи с освоением Сибири, регламентировавший переселение государственных крестьян европейских губерний за Урал. Согласно данному указу переселенцам выдавалась безвозвратная ссуда деньгами, земледельческими орудиями и скотом, предоставлялась восьмилетняя льгота от податей и повинностей, с них даже слагали недоимки по прежнему местожительству. Также переселенцам отводились в местах водворения земельные наделы по 15 десятин на душу, предоставлялись пособия и освобождение от рекрутской повинности на три очередных призыва.

В кабинетах 3 этажа 3 подъезда Старой площади творилась новейшая история взаимоотношений федерального центра с национальными республиками и российскими областями, я воспринимал это только краем глаза, на бегу, по касательной и с размытым контуром, поскольку как куратор-неофит был увлечен и поглощен увлекательным знакомством с Сибирью.

Самым первым и, возможно, наиболее интересным событием моего знакомства с сибирскими регионами было участие в съезде сибирских депутатов весной 1992 года. Тогда я еще работал в Контрольном управлении. По мере нарастания в стране напряженности, сразу после гайдаровской либерализации цен, сибирская тема стала звучать все громче и все самостоятельней. Брошенный Ельциным на митинге в Казани 6 августа 1990 года лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», с энтузиазмом подхваченный в республиках, постепенно стал выходить за рамки национальных образований и перекинулся на исконно русские территории, находя отзвуки, а то и откровенную поддержку среди интеллигенции Новосибирска, Томска, Красноярска. Системный кризис в центре, в столицах, породил смутные чувства у многих карьерно заточенных и политически заангажированных молодых людей из сибирских территорий, что без Москвы им будет легче, проще и сытнее. Наиболее заметной в этом плане была «Партия независимости Сибири», созданная группой молодых ребят академического плана из Томска, который привык себя позиционировать как самый студенческий город Сибири, кузница научных кадров. Никаких

реальных перспектив, понятное дело, эта партия не имела, но привлечь к себе внимание, немного эпатировать публику и напугать Москву – с этими задачами «сепаратисты» справились достаточно умело.

В марте 1992 в Красноярске состоялся съезд народных депутатов Сибири, куда был направлен в качестве наблюдателя. На съезде присутствовал, и новоявленный неформальный лидер «Партия независимости Сибири» Борис Перов из Томска с небольшой группой своих сторонников. Естественно, что абсолютное большинство, 136 депутатов Сибири не поддержали идею «сепаратистов» о провозглашении независимой сибирской республики, но выступить Перову на съезде с его тезисами все же дали. Времена то были весьма либеральные по нынешним меркам. Как помнится, после его выступления 15 делегатов приняли решение о вступлении в «Партию независимости Сибири». Сторонники новообразованной партии развернули флаг Сибири – полотнище белого и зеленого цветов. Как потом уточнял, формат и цвета этого «сибирского» флага были утверждены еще в августе 1917 года на Конференции общественных организаций Сибири.

Во время командировки в Красноярск основным местом нашей дислокации стал офис представителя президента в крае Юрия Москвича. На почве «пресечения» малейших проявлений «сепаратизма» Юрий Николаевич развил бешенную активность, зачастую становясь предметом иронии и легких шуток со стороны своих статусных земляков. Вместе со мной на съезде работали журналисты нескольких центральных изданий. Мы как-то сошлись с Владимиром Тодресом, представляющем в то момент газету «Сегодня» Дмитрия Остальского. Позднее он перешел в «Независимую газету» Третьякова, а затем в Bloomberg. Сейчас, насколько мне известно, живет в США. Работники офиса Москвич как могли помогали нам с информацией. По теме съезда «сибирских сепаратистов» с группой московских товарищей работала начинающий журналист Ирина, хрупкая и миловидная девушка с лицом подростка, но глазами взрослой женщины. Глаза эти жили отдельной самостоятельной жизнью, образуя полную дисгармонию с пухлыми наивными, почти детскими губками. От нее мы с Тодресом получали комментарии, касающейся красноярской специфики и характеристики красноярских политрегуляторов.

Во время прохождения съезда народных депутатов Сибири внутривнутриполитическая ситуация в стране была далека от стабильной. После либерализации цен на энергоносители летом 1992 года аналитики предсказывали новый взрыв недовольства в регионах и как следствие вероятность проведения второго, возможно, более решительного «сибирского съезда», на котором бы, безусловно, главенствовала бы идея создания «сибирского государства». В местных медиа возник интерес к идейному

наследству одного из лидеров «областничества» начала XX века Григория Николаевича Потанина, путешественника, писателя и общественного деятеля. По его инициативе в октябре 1917 года в Томске собрался Первый Сибирский областной съезд, который избрал Сибирский областной совет и принял решение о том, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. После октябрьского переворота в декабре 1917 года созывается в Томске «чрезвычайный сибирский съезд», на котором Потанин был избран председателем Сибирской областной думы, провозгласившей курс на автономию огромной территории. Областники вместе с эсерами выступили против захвата власти большевиками.

Г.Н. Потанин потребовал немедленного разрыва с большевиками и развертывания борьбы с ними, после чего Сибирский областной совет стал бороться не за автономию, а против большевиков. Однако уже меньше, чем через месяц восьмидесятилетний Григорий Николаевич Потанин сложил с себя полномочия.

Но больше никаких съездов не было. Тем не менее идея сибирской государственности плавно трансформировалась в новое условно экономическое образование – межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение» (МАСС). Поначалу, помню, эту новую и не очень понятную организацию восприняли в Москве несколько настороженно. Кому-то в кабинетах на Старой площади, очень хотелось показать свою значимость и бдительность и попытаться с ходу приписать сибирским деятелям сепаратистскую крамолу, и в случае чего – сделать из них внутренних врагов. Прием хорошо известный. Как же в российском политическом процессе без врагов и скрытых вредителей?

Но, как ни странно, за короткое время первоначальный ледок недоверия Москвы в отношении экономической активизации сибирских элит вскоре растаял. Губернаторам крупных сибирских субъектов за короткое время удалось убедить Москву, что их экономическое сплочение и интеграция – это не во вред, а исключительно всем на пользу: и центру, и отдаленным территориям. О какой-то там политике нет ни слова! Ни-ни! Упаси, Хосподи! Сугубо об экономике, укреплению хозяйственных связей соседних субъектов с развитым промышленным потенциалом. И все это в интересах прежде всего Москвы как «центра жизненных интересов» всей нашей Федерации. По сути же речь шла об упорядоченном корпоративного этатизма. Ключевой посыл заключался в том, чтобы земли сибирские, где сидят и руководят крепкие, полные достоинства прошедшие хозяйственную закалку мужики, все в большей степени становились самодостаточными, с полноценными бюджетами, а не бегали с протянутой рукой по коридорам Минфина,

вымаливая новые субсидии или бюджетные кредиты. В «Сибирском соглашении» никаких врагов политической целостности российского государства, естественно, не было и быть не могло. А когда в начале 90-х возникла Партия регионов (ее возглавили Александр Шохин и Сергей Шахрай) такие межрегиональные ассоциации, как «Сибирское соглашение» очень удачно легли в установочную нишу этой новой партии. Можно сказать, стали ее базисом. По примеру «Сибирского соглашения» были созданы экономические ассоциации на Дальнем Востоке, на Урале, на Северо-Западе, на Северном Кавказе и, само собой разумеется, в центре. Всего таких ассоциаций было создано восемь. Причем «Сибирское соглашение» представляло собой наиболее из них крупную и влиятельную.

У меня сложилось твердое убеждение, что ассоциация «Сибирское соглашение» каким-то образом оказалось больше всех ответственным за смысловое наполнение региональной политики и потому более любимым высоким московским чиновниками по сравнению с другими семьёю. Вроде бы неявно и неакцентированно, но «Сибирское соглашение» как ассоциацию федеральные власти заметно выделяли на общем фоне. Может быть, потому что она организационно, структурно достаточно быстро оформилась и раньше других стала поднимать серьезные экономические вопросы межрегиональной кооперации. Другое дело – смогла ли она все эти вопросы решить. По моей оценке, – не смогла. И не потому, что не пыталась. Как раз, наоборот. За работу в «Сибирском соглашении» всегда брались очень активно и отработывали поставленные задачи по всем выбранным направлениям вполне ответственно. А потому, что, в конечном счете, все принимаемые ассоциацией решения игнорировались федеральным центром. То есть была какая-то протокольная имитация, что к этим решениям прислушиваются, что они имеют значения, а на деле они практически никак не влияли на внутриполитические приоритеты. Зато всегда можно было сказать: смотрите, у нас идет межрегиональная кооперация. А вы говорите, что нет региональной политики как самостоятельного явления!

А если задать себе смелый вопрос: а была ли действительно в администрации какая-либо содержательная, продуманная и структурированная региональная политика, то в соответствии с взятым курсом на внутреннюю раскрепощенность, следует коротко, но откровенно ответить – нет, не было. Увы, политика эта, как внутренне гармоничный, ингерентный самостоятельный предмет с укомплектованным понятийным аппаратом, как самостоятельная сущность, увы, не имела места быть. Она даже не являлась механической суммой отношений центра с каждым из 87 субъектов Российской Федерации.

До октября 1917 в Российской империи было 78 губерний, 21 область на правах губерний и 2 округа. Сложно даже представить, как это все тогда управлялось.

И в отсутствии единой, иерархически и логически выстроенной и однозначной воспринимаемой концепции региональной политики, существовало множество интерпретаций. Причем зачастую субъективных и вкусовых.

На самом деле в то время активно трудились, в том числе и на Старой площади, идеологи и теоретики этого направления (Леонид Смирнягин, Марк Урнов, Эмиль Паин, Александр Райков и другие). Группировались они первоначально в Аналитическом управлении президентской администрации. Да, да. В первой половине 90-х было там было и такое структурное подразделение. Но после президентских выборов 1996 года Аналитическое управление приказало долго жить, а на его месте возникло сразу несколько (по-моему, три) подразделения со схожими задачами. Но это было уже не то. Стал заметно меняться кадровый состав. Кто-то, разочаровавшись, уходил снова в академическую науку, кто-то в бизнес, – банковский, прежде всего. Дольше всех, по-моему, продержался Александр Николаевич Райков, который покинул администрацию в конце 90-х, уйдя в самостоятельное плавание. Насколько мне известно, никакого аналитического центра как самостоятельного подразделения в администрации с тех пор больше не было. Не стало в нем, видимо, необходимости. Нет его, насколько мне известно, и сейчас. Действительно, а зачем? Чего там вообще анализировать? Не рассуждать надо, а выполнять команды.

Относительно недавно, на заседании одного из комитетов РСПП, я заметил постаревшего, но тем не менее вполне узнаваемого Эмиля Паина. Значит, понадобился теперь и бизнесу. В период 1995-1996 годов Паин работал заместителем начальника Аналитического управления. Параллельно выходили его научные работы. Но они, также, как и труды Смирнягина, описывали лишь с разной степенью достоверности уже сложившиеся приемы и методы, с помощью которых центр пытается управлять широко раскинувшиеся и так непохожими друг на друга многочисленными российскими регионами. Мобилизованные в президентскую администрацию ученые-социологи искренне пытались придать этим методам определенное научное обоснование, и в какой-то степени оправдать, если хотите, их не всегда разумное и уместное применение. В поисках эффективных управленческих решений предпринимались мозговые штурмы, но соответствующей отдачи не ощущалось. Впрочем, я всегда подозревал, что чиновничьи когнитивные натиски для решения креативных задач по определению бесполезны.

Работая непосредственно с территориями, общаясь с администрациями краев и областей, я, откровенно признаюсь, не чувствовал ни сверху, ни сзади за собой какую-либо направляющую волю и систематизирующую руку. Нет-нет, поручения падали, но они были столь расплывчаты, что уклониться или имитационно отрапортовать для галочки, не составляло никакого труда.

Коллеги-ученые из Аналитического управления, несколько поспешно, на мой взгляд, пытались экстраполировать зафиксированные ими тренды на непредсказуемое и потому не предсказанное будущее российских территорий. Ощущалась некая компилятивность их концептуальных построений, некая подгонка под заданный сверху результат.

На практике же наше взаимодействие с регионами никак не было связано с какими-либо подразделениями внутри администрации, претендующими на то, чтобы называть себя аналитическими которые вроде бы, согласно управленческой логике, должны были формировать концептуальные подходы в сфере федерализма и региональной политики. Сужу исключительно по собственной шкуре. Как кураторы мы были практически предоставлены сами себе, действуя в силу субъективно-личностного понимания ежедневно меняющейся обстановки. Но поскольку личности были разные, зачастую прямо противоположные по своему воспитанию, жизненному опыту, по своим убеждениям, моральным ценностям, наконец, то и характер взаимосвязи с вверенными нам регионами у каждого куратора был абсолютно своеобразно-специфическим, да и в целом картина получалась весьма пестрая. Большинство из нас, включая автора, действовало ситуативно и локально. Жажда философского познания мира этому большинству не была ему присуща.

Объединяло нас, пожалуй, только одно: все мечтали работать и дружить с сильными региональными лидерами. Со слабыми или казавшимися на тот момент слабыми – никто не хотел. Железный подход – *Quid pro quo*. Отношения, неизбежно возникающие в процессе кураторства, большинством рассматривались также как специфические инвестиции в собственное карьерное будущее. Поэтому негласно действовало аппаратное правило: нет смысла вкладывать свои временные и человеческие ресурсы в того, от кого не сможешь в будущем получить соответствующую отдачу. Подразумевалось, что быстро разбогатеть и «подняться» на государственной службе легче, чем где-либо еще. Запредельно прагматичное время определяло соответствующие подходы.

Несколько раз по собственной инициативе я пытался встретиться с заведующим отделом региональных проблем в Аналитическом управлении, хорошо известным в академических кругах географом-страноведом Леонидом Смирнягиным, чтобы из первых уст услышать его понимание и толкование

региональной политики и сверить их с собственными представлениями. Очень мне этого хотелось и в конце концов удалось. Мы неплохо поговорили, мне было интересно, но, уходя с этой встречи, я отчетливо понимал, насколько далеко его возможно правильные, научно обоснованные взгляды на федерализм и от происходящей за окном реальности.

Фактическое содержание региональной политики на протяжении всего ельцинского правления сводился к поиску выгодного Москве соотношения экономических и властных полномочий между центром и субъектом Федерации. Но если в начале 90-х на волне провозглашенного парада суверенитетов преобладал тренд натягивания регионами полномочий на себя, естественно, с разной интенсивностью в зависимости от экономического потенциала субъекта, его налогооблагаемой базы, то уже с середины 90-х регионы перешли к тактике защиты, удержания того, что им удалось добиться ранее. Понятно, что дотационные субъекты вынуждены были принимать те правила игры, которые диктовал центр. Однако достаточно мощные в экономическом плане субъекты Федерации во главе с лидерами «тяжеловесами», такие как Татарстан с Шаймиевым, Башкортостан с Рахимовым, еще достаточно долго противились поползновениям федерального центра на их финансовые и фискальные полномочия, пока уже в начале «нулевых» из резистентности не была окончательно сломлена. Из всех национальных республик наименование первого лица «президентом» по «многочисленным просьбам трудящихся» была оставлена только Татарстану, да и то в чисто декоративно-символическом плане.

Первое «демократическое» правительство понимало и признавало значимость этой темы – работа с регионами. В команде Гайдара ответственным за этот участок в ранге заместителя председателя Правительства РСФСР был назначен Шахрай Сергей Михайлович. С октября 1992 года, оставаясь вице-премьером, он параллельно возглавил Государственный комитет Российской Федерации по национальной политике.

Будучи единомышленниками в оценке необходимости плотной работы с регионами и их лидерами, в важности опоры на регионы, Шахрай вместе с тогдашним вице-премьером по социальным вопросам Александром Шохиним создали Партию российского единства и согласия (ПРЕС). Ее еще называли «партией регионов» и первоначально даже оценивали, как «вторую ногу» партии власти. Примечательно, что на выборах в Государственную Думу в декабре 1993 года ПРЕС даже получила 22 мандата.

Одно время я был неплохо знаком с первым и многолетним председателем Исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС) Владимиром Ивановичем Иванковым и мог

наблюдать его титанические организационные усилия по привлечению внимания центра к проблемам сибирских регионов.

Курирующие в начале 90-х в правительстве внутреннюю политику вице-премьеры Сергей Шахрай и Александр Шохин, по приглашению МАСС часто и с удовольствием летали в областные центры и крупные города, где проводились многочисленные встречи московских министров с региональными лидерами, причем как с экономической, так и политической повесткой. Параллельно велась и соответствующая партийная работа по линии ПРЕС.

Если уж начал свое повествование о Сибири и сибиряках с командировки 1992 года в Красноярск на съезд народных депутатов Сибири, то хочу сказать несколько слов о тогдашнем главе администрации Красноярского края (должность руководителя субъекта Федерации Красноярского края стала именоваться «губернатор» лишь с апреля 1996 года) – Зубове Валерии Михайловиче. Он пришел во власть с совсем неожиданной стороны, из науки. До начала 90-х Валерий Михайлович имел достаточно успешную академическую карьеру, до 1992 года был деканом экономического факультета Красноярского университета. В 1992 году тогдашний глава администрации края Аркадий Филимонович Вепрев неожиданно для многих назначает его заместителем главы администрации Красноярского края – начальником главного управления экономики. Главой края Валерий Михайлович был назначен по рекомендации именно Вепрева, который в январе 1993 года подает в отставку. Самому Вепреву в стремлении отстоять кандидатуру Зубова пришлось преодолевать неслабое сопротивление местной промышленной элиты. Желавших было много. В деловых кругах края задавались вопросом: как же так? Такой могучий и сложно-построенный промышленный регион, а руководителем назначают какого-то узкого академического плана экономиста с кафедры, без опыта хозяйственника, без сложившихся связей среди директорского корпуса. В то время велящие красноярские промышленники и политики делали ставку на Валерия Сергиенко, фигуру в регионе хорошо известную. Но все же Вепрев сумел убедить начальников высоких московских кабинетов в целесообразности поставить Зубова.

Одна из первых, если реально не первая, моих служебных командировок была на Алтай летом 1992 года. А точнее – в республику Горный Алтай, хотя и через Барнаул. Связана она была с каким-то историческим юбилеем этой маленькой сибирской республики. В состав московской делегации входил и, собственно, возглавлял ее один из заместителей тогдашнего министра культуры Евгения Сидорова. Делегацию, естественно, неплохо встретили, напоили – накормили, вывезли на Катунь, завели в пропахшие прокисшем

конным молоком войлочные юрты, представили весь национально-этнический антураж. Все шло прекрасно, четко по заранее составленной и согласованной программе. И вот куда-то мы полетели вертолетом. Летим себе, посматриваем по сторонам, любуемся горными пейзажами. Машина не новая. В салоне шумно и душно. Но настроение бодрое, все слегка навеселе. И вдруг вертолет разворачивается и резко идет на посадку. В пассажирскую кабину машины какие-то люди заносят на носилках одетого в грязную, заношенную, почти рваную одежду одного местного жителя, судя по всему, пастуха. Видно, что человеку плохо, его бьет судорога, лицо перекошено. Носилки размещают между наших ног и вертолет вновь взмывает. Летим где-то полчаса. Человек у моих ног продолжает дрожать, на лице его гримаса боли... Никто ничего не объясняет, но я догадываюсь, что на борту тяжело больной, и вертолет обязан доставить его в ближайшую больницу. Так оно и оказалось. Вертолет, получив срочный сигнал, согласно устоявшимся скорее неофициальным правилам и традициям резко изменил маршрут, забрал заболевшего пастуха, и доставил его в то место, где его могли бы осмотреть врачи. Затем мы продолжили свой маршрут, но настроение было совсем не то. Зато из разговоров с местными сопровождающими я узнал много интересного для себя. Например, что средняя продолжительность жизни мужского населения республики, составляет чуть более сорока лет.

- Почему так мало? – спрашиваю представителя администрации Горно-Алтайска.

- Три причины, – отвечает. Первая – тяжелая, однообразная, утомительная работа. Отгонное овцеводство. Полгода в горах, на ногах, в снег, в дождь. Вторая – неправильное питание. Мясо, мясо, мясо. Сплошное жирное мясо, ни зелени тебе, ни витаминов. Такое питание плохо для сердца.

- А третья? – продолжаю интересоваться.

- Третья, и главная, — это, конечно, водка. Тут как раз все понятно. Пьют безбожно. Ящики с водкой забрасываются весной вертолетом в горы вместе с продуктами почти на полгода, с весны до осени, когда местные пастухи уходят вверх, в горы.

- Почему так? – спрашиваю.

- Отгонное овцеводство...

В ходе той командировки я познакомился с Владимиром Рыжковым, он тогда занимал пост заместителя главы администрации Алтайского края, хотя должность его называлась почему-то государственный секретарь. И это мне поначалу показалось несколько странным. На федеральном уровне действительно тогда была должность государственный секретарь и занимал ее Геннадий Бурбулис. Просуществовала эта должность недолго – с июня 1991 по ноябрь 1992 года, а Бурбулис остался единственным в России ее

обладателем. Но на это на федеральном. А тут в краевой администрации, не самого в общем крупного края. И на тебе – государственный секретарь. Но выяснять причины и задавать вопросы по этому поводу я, разумеется, не стал. Главой Алтайского края тогда был Владимир Райфикешт, один из немногих по-настоящему демократически настроенных региональных лидеров, ориентированный на правительство Гайдара и Чубайса. Но и продержался Райфикешт в общем то недолго (с октября 1991 до января 1994). Владимир Рыжков мне много поведал про Алтайский край и, можно сказать, раскрыл глаза на это регион, за что ему до сих пор благодарен. Впоследствии несколько раз я пересекался с Рыжковым в Государственной Думе, когда он стал уже большим начальником, одним из лидеров фракции «Наш дом – России». Но он уже крутился во властной карусели, всегда был по горло занят и при случайных встречах ограничивались короткими приветствиями, в лучшем случае несколькими общими фразами.

Несколько раз мне удалось попасть на борт самолета тогдашнего вице-премьера, ответственного в том числе и за региональную политику, и одного из основателей партии ПРЕС Шахрая. Сергей Михайлович Шахрай был достаточно коммуникативным и открытым руководителем. Он с удовольствием брал на борт правительственного Як-24 журналистов и чиновников рангом поменьше, составляющего своего рода рабочее звено его визитов. Со многими представителями медийной сферы, подвизавшимися в номенклатурной и около номенклатурной среде, он был лично знаком, общался на равных, по-своему заботился и никогда не забывал про них, чтобы те в определенных ситуациях не забыли про его шефа. А журналисты, будучи преисполнены обычной человеческой благодарностью, подсвечивали в таких поездках его личный имидж. Помощником Шахрая в то время был Гаджимагомедов Гаджи Алиевич, мой старый добрый приятель, с которым я подружился еще в Контрольном управлении. Гаджи – замечательный человек и отнюдь не типичный чиновник, хотя в органах государственной власти работает всю жизнь, начиная еще с аппарата Верховного Совета СССР, куда пришел молодым человеком сразу после окончания исторического факультета Московского университета в 1985 году. Ему, сколько знаю его, всегда было присуще искреннее представление о преданности, о товариществе, о понятии команды. Хотя, если говорить серьезно, Старая площадь не то место, где можно культивировать, даже просто поддерживать такой сложно структурируемый процесс, как дружба. Не упуская суть вещей, Гаджи в то же время видит в каждом собеседнике человека, достойного уважения. Помню, как он в 1992 году принес на работу, тогда как раз мы работали с ним в Контрольном управлении, замечательный кинжал кубачинской работы и ходил, всем нам показывал это по-своему уникальное отделанное тонким

серебром оружие горцев, почти по-детски радуясь тому волнительному впечатлению, которое сей предмет, производит на окружающих.

Гаджи попал в Контрольное управление после роспуска в 1991 году Верховного совета СССР, в аппарате которого он работал с середины 80-х. Брал его на работу не кто иной как Валерий Махарадзе. Как рассказывал позднее Гаджи, диалог его с потенциальным работодателем выглядел примерно так:

- Приводят меня к Махарадзе. Сидит барин, нога на ногу, на меня почти не смотрит.

- Чего умеешь? – спрашивает.

- Окончил МГУ, работал в аппарате Верховного Совета СССР... готовил проекты нормативных актов.

- Э-э, этого сейчас не нужно...

- А что требуется – так и не сказал, – подытожил Гаджи.

В общем взяли его с испытательным сроком в три месяца. Но как раз по окончании этого срока Махарадзе оставил пост Главного государственного инспектора – Начальника Контрольного управления, уйдя в Правительство. А Гаджи остался продолжать работать и пошел, и пошел.

Конечно, за прошедшие годы Гаджи возмужал как аппаратчик, заматерел, но в то же время, и это важно отметить, не стал ледяным и равнодушным как, увы, большинство достаточно высокопоставленных чиновников. Он уже почти ветеран правительственного аппарата, работает в Белом доме больше двадцати пяти лет и пользуется безусловным авторитетом и уважением. Я бы даже взял на себя смелость сказать, что он является и легендой и даже своего рода символом аппарата Белого дома. Уже стало традицией, что на его день рождения 19 декабря, к нему с самого утра съезжаются его многочисленные друзья и коллеги, разбросанные по самым разным органам власти и бизнесам и для всех, он находит пару минут для разговора, для добрых человеческих слов. Дай Бог ему здоровья и удачи!

В 1993-1995 годах командировки были особенно часты. Как правило, носили они краткосрочный характер: 2-3 дня и обратно. Вылетаешь из Москвы, допустим, поздно вечером, а утром ты уже в Новосибирске, или в Кемерово, или в Томске. И перед тобой целый полный день радостного и плодотворного общения. Пообщаешься с профильным (отвечающим за выборный процесс) заместителем губернатора, с представителем президента, посетишь заседание местного законодательного органа. Вечером гостеприимные хозяева обязательно пригласят в баню (в театр приглашали лишь один раз, в Новосибирске). Поскольку русскую баню я всегда любил и люблю до сих пор, никогда от такого предложения не отказывался. И тогда несколько слов про баню.

В нашей жизни редко бывают моменты, когда все хорошо, надежно и стабильно. Преобладает ощущение постоянной тревожности. Но когда чувствуешь, что все хорошо, то, действительно, – все хорошо. И когда эти моменты наступают, мы не можем прожить их молча. Мы эмоционально смакуем их криками, возгласами, разными междометиями, зачастую на грани, а то и за гранью. Вот баня – это как раз тот случай. Голые мужики, когда лупят себя вениками, крикают, гукают, гукают и орут... Ух, здорово!.. Ах, хорошо!.. Добавляя по традиции для завершения словесной конструкции несколько крепких словечек.

Выйти абсолютно трезвым из бани, особенно в Сибири и особенно зимой – задача невозможная. Даже пытаться бесполезно. Главное тут – не переусердствовать. Пару раз на первых порах я совершал такие промахи. И, естественно, следующий день, прежде всего первая его половина, уже не мог считаться полноценно рабочим. Спать в зале, а тем более в президиуме, куда хозяева так и норовят засадить приезжих москвичей, никак нельзя. Репутационные риски. Имидж федеральной власти... И все такое... Хотя несколько раз у меня все же получилось. Но сон был не здоровый и тревожный. А в целом приходилось крепиться, стаканами пить кофе, но и это не всегда помогало. Один раз в Новосибирске, хозяева, видя мои мучения, предложили поехать в гостиницу и просто два часика поспать, заверив, что за время моего отсутствия ничего не случится, его просто не заметят. Последовал этому мудрому совету и через несколько часов сполна оценил с благодарностью их заботливость и практические знания административно-организационной сфере.

Во время путешествий по Сибири было немало забавных случаев и эпизодов бытового характера. Вот как-то прилетаем на какое-то мероприятие в Салехард, столицу Ямало-Ненецкого автономного округа. Мероприятие как-то быстро, дежурным образом, состоялось, а командировке надо еще длиться по меньшей мере пару дней. И вот хозяева предлагают съездить в один из близлежащих районов, познакомиться, что называется, с бытом малочисленных коренных народов. Ну, от чего ж не познакомиться. Приезжаем, смотрим на чумы, разговариваем с представителями этих самых малых народов. Затем – на беседу с главой муниципального образования... И вот в ходе этой чиной беседы чувствую, что – то неладное творится с желудком. А накануне угостили строганиной, то есть только что выловленной рыбой, и тут же замороженной. Закуска прелестная. Хозяева не обманули. Но московскому организму, видимо, не так просто было справиться с традиционной пищей северных народов и чувствую, не досижу я до конца увлекательной беседы. Деликатно интересуюсь, где здесь удобства и получаю развернутой ответ, что на первом этаже. Соответственно оперативно

спускаюсь до первого этажа, захожу в соответствующим образом отмеченное помещение и вижу на деревянном помосте несколько традиционных не очень эстетических отверстий, которые я, помнится, встречал в далеком уже детстве в пионерском лагере «Дружба» в подмосковном Тучково, а в последний раз, на сборах и в военном гарнизоне на Волге в 1976 году, где мужская часть факультета МЭО, проходили соответствующую подготовку для принятия военной присяги. И вроде все хорошо, да одно нехорошо. Не вижу нигде туалетной бумаги, да что там бумаги, даже газетки никакой нет. Как-то негуманно, думаю, не по-людски. Не варвары же они, не дикари, хотя и живут в тяжелых климатических условиях за полярным кругом. И тут мне на глаза попадает где-то ранее виданная, до боли знакомая книжка в багровом переплете. И какое-то щемящее, словами не определяемое, чувство пронзает меня, проходит насквозь. Стопроцентный имплицитный ассоциативный ряд! Хватаю книжку. Ба...! На темно-красной обложке золотым теснением – «Материалы партийных конференций КПСС, том 14». Вот в какой ситуации, в каком месте пригодились материалы КПСС! Непроизвольно из глубин подсознания выплыл глуповатый, дурацкий анекдот нашего детства про неожиданную встречу и Горького и спешащего Ленина, отметившего на бегу крайнюю своевременность романа «Мать».

Нет, если серьезно, нельзя было не оценить рачительность безымянного хозяйственника далекого ямальского муниципального образования. Вместо того, чтобы выбросить материалы партийных конференций КПСС, как списанный из библиотек невостребованный бумажный хлам, он в условиях скудного муниципального бюджета нашел ему практическое приложение... Цепкий, по-своему изворотливый ум! Но чтоб вот так!! Да, мне нравится экстравагантность в ее разных проявлениях, но не настолько же!

А вот еще забавный эпизод. На этот раз с баней. Летом 1993 года проводили мы комплексную проверку администрации Читинской области. Мы – это группа специалистов из разных ведомств, собранных специально с этой целью. В группу входили представители налоговой службы, службы финансового контроля, силовых структур. Длительность проверки – две недели, а руководителем бригады проверяющих почему-то назначили меня, хотя там были и люди из Контрольного управления, чей компетенции – это больше бы соответствовало. В Чите мы собираемся в полном составе, и федеральные чиновники и привлеченные из территориальных управлений федеральных ведомств (МВД, ФСК и другие). Запрашиваем необходимые для проверки материалы и начинаем «проверять». Работаем так день, два, неделю... а лето, жара стоит... Коллеги активно намекают на выходные в формате пикника на природе. А поскольку за нами хозяева осторожно, но внимательно наблюдают, готовые по первому слову все организовать, делаю

вид, что их намеков не понимаю и стараюсь все перевести в шутку. Но вот уже пролетело десять дней, скоро закругляться, а ребята не только на природу не выехали, но даже в бане ни разу за это время не помылись. И это с сибирским-то гостеприимством. Ну, ладно, что мы не люди, что ли. ОК, идем в баню...!

Понятное дело, что за нами быстро прислали транспорт, города-то мы совсем не знали, и отвезли куда надо, то есть в баню, принадлежащую, как потом выяснилось, какому-то местному бизнесмену, видимо, плотно аффилированному с городской властью. Ну, и что такого? Баня – как баня. Ничего особенного. Совсем даже не презентабельная. Видал и покруче, в той же Тюмени, например. Попарились, помылись, затем вкусили. Все как обычно. Но, естественно, вкусили все по-разному, в зависимости от личностных особенностей, от чувств, характера, страстей и воспитания. И тут работнику Контрольного управления стало плохо. Он, будучи уже в хорошей форме, попытался встать из-за стола, покачнулся и упал. Упал и лежит... Е... твою мать! Пронеслось в голове... А если с ним что-то серьезное? А если, не приведи господь, он того? Кровь отхлынула от головы... Гоню от себя жуткие мысли... Если с членом московской комиссии, что-нибудь, случится, тут уж на тебя как главу комиссии всех собак повесят, так замажут, что потом вовеки не отмоешься. Миссия наша достаточно деликатная. Как там потом и кому объяснять? Не буду скрывать, я испугался... Моментально сработал базовый иррациональный инстинкт страха. Мы и так не в комфортной обстановке, словно во враждебном окружении, под лучами прожекторов, крайне заинтересованных в нужных им результатах проверки и не очень доброжелательных, но влиятельных лиц, а тут еще вот такие «подарки». И преодолеть направленную в нашу сторону предубежденность только с помощью когнитивно-поведенческой терапии никак не удастся. Потом оправдывайся, что «вас тут не стояло».

Но, слава Богу, «коллега-контролер» оклемался, приподнялся, более-менее пришел в себя. Чтобы дать ему проветрить голову, мы еще посидели за столом какое-то время, попили чайку и затем двинулись в гостиницу.

Через пару дней, закончив проверку, мы улетали в Москву. Погода была нелетная. Почти сутки сидели в аэропорту, измучились. Тут следует отметить, что от нашей комиссии местные «силовики» ждали неких результатов, которые однозначно подводили бы к выводам о необходимости кадровых решений, вплоть до снятия главы областной администрации. А выводов у нас таких как раз и не было, не находилось для них серьезных оснований. Да, были определенные нарушения, в том числе в торговой и экспортной деятельности, но серьезных, определенно заранее мотивированных действий коррупционного характера с личной заинтересованностью мы, как комиссия: в действиях главы Читинской области Бориса Иванова не обнаружили. Не

исключаю, что они могли и быть. Кто из начальников такого уровня у нас в России безгрешен? Господь со своих высот видит все. Ну тогда ему и судить, не нам грешным. А мы то, мелкие, безликие чиновнички, копошащиеся в миазмах этого несовершенного, но по-своему веселого мира, мы ничего трагичного или явно криминального по документам не обнаружили. Тем не менее еще наша группа не покинула Читку, а я буквально кожей почувствовал, что какие-то, тайные и очень влиятельные силы нами крайне недовольны, и над членами комиссии медленно сгущаются тучи. По представлениям этих загадочных сил выходило, что специально присланная из Москвы и инициированная ими комиссия вроде как не исполнила предназначаемой ей скрытой миссии, не поняла, не захотела понять посланный ей сигнал – «нарыть» убийственный компромат на действующего главу региона с тем, чтобы иметь возможность в любой момент убрать его. Предварительных выводов я и мои коллеги по комиссии в общем-то и не скрывали, все обсуждали между собой открыто, не таясь. Ну, информация и утекала. Каждый из членов проверочной бригады примерно догадывался, что последует в отчете и заключении, какие будут окончательные выводы. Тем не менее ощущение, что мы стали жертвами некоего сложно построенного эксперимента, не проходило.

Вернувшись в Москву, комиссия, как и положено, сдала в установленном порядке подписанный всеми ее членами отчет о проделанной работе. В нем с избытком были перечислены обнаруженные недостатки и упущения, но выводы не тянули на необходимость принятия принципиального кадрового решения. Почти сразу неким шестым чувством ощутил, что над комиссией и персонально надо мной как ее руководителем нависает нечто тягучее и неопределенное.

Через неделю после того, как мы вернулись в Москву, звонит мне коллега из аппарата Правительства, участник читинской комиссии, и говорит:

- Слушай, тут бумага пришла на Сосковца (Олег Сосковец – в то время вице-премьер), – в его голосе звучали тоскливые нотки.

- О чем бумага? – спрашиваю.

- Ну, о нас. О тебе, обо мне, о проверке...

- И что? Чего-то наклепали? – тут я сразу вспоминаю историю с баней.

- Не без этого, – глухой выдавливает голос на том конце трубки.

- И какие наши действия? – скрывая волнение, задаю бодряческим тоном сей сакраментальный вопрос.

- Буду сейчас записку Сосковцу писать...

- Давай-давай, пиши... Пиши, как есть, где были, что пили... – говорю и тихо опускаю трубку.

На душе было муторно и неопределенно. Немного грустно, но больше смешно. Внутренне я был готов к чему-то подобному, но, когда это наконец стало происходить – было ужасно неприятно. Мягко говоря.

И в этот момент мне все окончательно стало ясно. Тогда, во время командировки за плечами постоянно чувствовалось чье-то чужое, недоброе дыхание. Кто-то вроде тяжело, с придыханием, дышит тебе в спину. Оборачиваешься – нет никого. Смотришь вперед – опять придыхание. А тут все сошлось как в пасьянсе, все одно к одному. Заинтересованные лица в эшелонах местной читинской власти (а скорее всего не только местной) не смогли использовать результаты читинской проверки для снятия действующего губернатора. И теперь эти мастера интриги пытаются, если не наказать, то каким-то образом зацепить, «замазать» тех, кто эту проверку осуществлял и «не справился с задачей» или просто не понял ее далеко идущих целей. Еще в Чите я зримо ощутил, что у действующего главы областной администрации есть влиятельные недоброжелатели. Но недооценил масштаб их одержимости и заряженности на намеченный результат. Некоторое время, не скрою, я серьезно переживал по поводу возникшей ситуации, а потом подумал: пусть будет, как будет. Отработали мы, как могли, ничего ни у кого не украли, ни на кого не настучали, ничего не сочинили, не приписали. В отчете мы не написали ничего лишнего, ничего того, что невозможно подтвердить документально. К рукам нашим ничего не прилипло, и чувство вины не колотило изнутри. По большому счету я себя устраивал и до этих приключений, и после них – не стал хуже.

Через пару дней снова звонит коллега из Правительства:

-Привет!

-Привет! Какие новости? – с некоторой опаской задаю вопрос.

- Ты знаешь, – говорит голос на другом конце трубки – в отношении главы администрации решение принято, готовится указ о его снятии...

- Понятно, а что там по нам – продолжают гнуть тему?

- А по нам, думаю, все обойдется...

- А что, могло бы не обойтись? – оживился я.

- Да сам все понимаешь...

Как достаточно поднаторевшие аппаратчики, мы, безусловно, понимали, что поиски стрелочника – это одно из редких умений, в совершенстве освоенным отечественной бюрократией. Можно сказать, что это даже любимое ее занятие. В то же время мы знали, что могли быть не одни на линии и говорили коротко, полунамеками, хотя нам все было предельно понятно. Действительно вскоре появился указ о снятии с поста главы администрации Читинской области Бориса Иванова и назначение на его место Равиля Гениатулина, до этого работавшего мэром областной центра. Тем

самым окончательно подтвердилась моя версия о том, что негласной целью этой проверки явилось именно поиск материалов и документов для формализации и легализации уже сложившегося в чьих-то головах решения о замене одного руководителя региона на другого, видимо по каким-то причинам более устраивающего высокостоящих операторов процесса. Но в глубине души я был рад тому, что ставка на то, чтобы использовать нас «втемную», как инструмент, не оправдала себя. Что не удалось заместить личный выбор навязанным. Ни с кем из членов комиссии я этой мыслью не делился, но свою маленькую порцию дофамина все же получил.

Позже я неоднократно встречал снятого главу администрации Читинской области, Иванова Бориса Петровича, в коридорах Государственной Думы, где он работал помощником депутата. Всего лишь...! Мне казалось неким несоответствием, даже диссонансом, что глава региона, пусть даже бывший, согласился на такую скромную, можно сказать, низовую по меркам бюрократической иерархии должность. Как-то на бегу, в досужем разговоре, он видимо, прочитав в моих глазах этот незаданный вопрос или уловив интонацию, коротко сказал: «Видишь ли, не хватает стажа государственной службы для оформления пенсии». Всего лишь. Простой житейский вопрос. Никогда ранее я не был знаком с Борисом Петровичем Ивановым, всего лишь несколько раз виделся с ним в ходе той судьбоносной для него проверки, приведшей к такому трудно предсказуемому и неприятному для него результату. Ничем ни я ему, ни он мне, не были обязаны... Но все же как-то в глубине шевельнулось чувство симпатии к этому человеку, вся вина которого заключалась в том, что когда должность стала предметом интереса влиятельных силовых групп, у него не нашлось мощного, авторитетного защитника в высоких московских коридорах власти, который стал, по сути, заложником внешних для него сил. Больше мы с Борисом Петровичем Ивановым никогда не встречались. Кстати, когда летом этого года оформлял пенсию и мне не хватило двух лет для того, чтобы претендовать на пенсию государственного служащего, почему-то вспомнил этот эпизод с Ивановым.

Очень мне нравилось бывать в Ханты-Мансийске, прежде всего из-за личности тогдашнего губернатора Югры – Александра Васильевича Филипенко. Он как-то сразу к себе располагал, открытый, понятный, с юмором, с четкими представлениями о предмете, лаконичными формулировками, видимыми и понятными ценностями. До сих пор я отлично помню, как вовремя первого нашего приезда в Ханты-Мансийск, после недолгой ознакомительной беседы за «чаем с печеньицем», глава огромного нефтяного региона сам сел за руль потрепанного, выдавшего виды, но везде проходимого и незаменимого на болотистой местности «Козла» (классическая модель – Газ69), и поехал показывать нам, двум московским

командированным чиновникам город и окрестности. И не только показывать, но рассказывать. Вот здесь будет дорога, здесь – лыжная трасса, здесь стрельбище, здесь – база высочайшего уровня для соревнований по биатлону, соревнований мирового калибра. Глядя на Филипенко в эти минуты, я видел какое наслаждение ему доставляет процесс делиться планами обустройства этого совсем маленького на тот момент деревянного городка. С каким энтузиазмом, с какой искренней гордостью и почти юношеским задором рассказывал Александр Васильевич о будущем столицы Югры! Казалось бы, пошли заместителя, еще какого-нибудь чиновника средней руки, ведь ты же губернатор, первое лицо в регионе, да в каком!.. Но Александру Васильевичу, как подлинному патриоту Югры именно самому хотелось все показывать и обо всем рассказать. От первого лица. Видно было, как ему это дико нравится – вербовать союзников своих грандиозных планов обустройства округа и его столицы. Но вот прошло время. Совсем немного. Лет двадцать. И все получилось. И город изменился – не узнать, и соревнования по биатлону проходят... Но была тогда одна проблема и называлась она: три в одном.

Матрешечный субъект

*Вечным окажется то, что казалось мгновенным –
Кратким окажется то, что, казалось, навек.*

Согласно статье 5 российской Конституции образца 1993 года «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – **равноправных** субъектов Российской Федерации.» Но также всем хорошо известно, что наша бюджетная кормилица – Тюменская область включает в себя два автономных округа: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий, самые нефтегазовые регионы России.

Однако такая конструкция рано или поздно приходит в противоречие со здравым смыслом: получается, что часть целого равна этому целому. Какой-то логический нонсенс...! Многие это заметили и многие об этом говорили, как в политических, так и юридических кругах. Но разрешить этот парадокс в правовой плоскости на протяжении 90-х долго никому не удавалось, ни центру, ни самим регионам. Велись долгие споры, шли многочисленные консультации, причем как между самими субъектами – ХМАО, ЯНАО, Тюменской областью, так и с участием федерального центра. В этих бурных

дискуссиях стороны, безусловно, использовали в первую очередь правовые аргументы, но не только. В ход шло все, начиная от тонких намеков и кончая прямыми угрозами и запугиванием применения административного ресурса. Как ответственный за область вместе с округами в 1994-1995 годах я метался между Тюменью и Ханты-Мансийском, выслушивал аргументы и доводы каждой из сторон, докладывая в Москву, в центр как идет процесс договоренностей. Большого прогресса, увы, не наблюдалось. Ситуация, откровенно говоря, была близка к патовой. Никто не хотел уступать. Все были горды и самодостаточны, у всех, и у «северов», и у юга области, были свои резоны. Помимо прочего, в головах у региональных начальников прочно засел стереотип, что уступить, хоть в чем то, хоть самую малость, хоть на мизинец – значит проявить слабость. А на Севере слабых нет, тут собрались крепкие мужики, кержаки. Таковы были и остаются представления о подлинном местном характере. Так это или не так, правда ли это или искусственно и умышленно поддерживаемый стереотип – не мне судить. Им так нравится, ну и ладно!

Но, скажу откровенно, теперь, наверное, это можно сказать, – мне всегда почему-то была ближе позиция округов. Она мне представлялась, во-первых, более открытой, во-вторых, более гибкой и «договороспособной». В то время как в Тюмени, в администрации Леонида Юлиановича Рокецкого, постоянно ощущались какие-то намеки, интриги, поиски скрытого врага. Ни для кого не было секретом, что супруга Рокецкого владеет одним из тюменских банков, а вся его семья была глубоко интегрирована в «около нефтяной» бизнес. В Тюмени в начале 90-х годов даже вошло в оборот выражение «папа Роки», с явной нескрываемой фонетической и аналогией с прославленными Голливудом итальянскими мафиозными кланами. Как раз в это время как раз шло становление Тюменской нефтяной компании – ТНК. Вокруг губернатора Тюменской области с подачи тогдашнего министра топлива и энергетики Шафраника была развернута бешенная активность заинтересованными лицами – нарождающимися олигархами. Сидя в приемной тюменского губернатора, несколько раз мог я наблюдать заходящего в его кабинет Германа Хана, одного из архитекторов создания этой славной компании и главного движителя процесса.

В моей памяти с фигурой Рокецкого тесно связано прискорбное обстоятельство самоубийства первого заместителя главы области Сергея Мартынушкина 7 ноября 1996 года, за несколько дней до очередных губернаторских выборов, где ключевым кандидатом выступал действующий руководитель Тюменской области. Тело главного тюменского финансиста, было найдено в его служебном кабинете в здании администрации области, рядом лежал принадлежавший ему пистолетом Макарова. Как раз в это время

я еще находился в служебной командировке в Тюмени, но все мои робкие попытки узнать что-либо, выходящее за пределы скудной официальной информации, ничем не закончились. Все категорически отказывались говорить на тему самоубийства, избегали ее, как и самого имени Мартынушкина. Было ли на самом деле расследование причин самоубийства (а некоторые утверждали, что – убийства) и чем оно закончилось мне неизвестно. Дело как-то быстро закрыли и местные власти сделали все возможное, чтобы о нем поскорее забыли. Но у меня как сразу возникло, так до сих пор остается стойкое ощущение, что печальная история внезапного трагического ухода Мартынушкина связана была с предстоящими губернаторскими выборами, на которые под первым номером шел его шеф Рокецкий.

Первое мое личное пересечение с Рокецким произошло еще в 1993 году, когда он, только назначенный на должность главы Тюменской области после «ухода» своего предшественника Юрия Шафраника в Москву министром топлива и энергетики, предпринял молниеносную кадровую атаку с целью снять с поста главы администрации Ямало-Ненецкого округа Льва Баяндина. Сидя в Контрольном управлении и читая бумаги от Рокецкого (кадровые вопросы как правило всегда щекотливые и интригующие) о том, какой «нехороший» этот Баяндин и как необходимо его срочно заменить, я так и не смог найти ни одной серьезной, убедительной причины для обоснования отставки Баяндина. Не получалось, как ни крути, набрать на него достойный пакет «чернухи». Единственное, что более-менее звучало в этом хлипком наборе компромата – это то, что глава далекого северного региона неравнодушен к зеленому змию. И потому... Соответствующие выводы должны прийти в административную голову сами. Но за десять лет путешествий по Сибири и ее окрестностям я, клянусь, не встречал губернатора-трезвенника. Хотя нет, постойте. Вру, вру. Лев Коршунов, губернатор Алтайского края в период 1994-1996 годов – вот живой непьющий руководитель региона, которого я не только имел счастье лицезреть собственными глазами, но за одним столом, с которым сидел и мог наблюдать этот мучительный процесс «небытия», когда все вокруг, главным образом твои подчиненные, поднимают многочисленные тосты «за Россию», за «здоровье Президента», за «здоровье губернатора», «на благо», «за процветание», ну и так далее... Еще много восторженных, заученных, казенных слов на гарантированно помпезно-победную тему.

По каким-то своим, не понятно на чем основанным представлениям, Рокецкий через меня как куратора территории (и я уверен, не только через меня) пытался создать в президентской администрации негативный фон в отношении Филипенко и его команды. Среди узкой группы приближенных к

телу и достаточно информированных местечковых чиновников ходили смутные слухи о том, что Леонид Юлианович «недолюбливает» Филипенко, испытывает к нему что-то наподобие ревности еще с того момента, когда при уходе Шафраника в конце 1992 года в Москву на пост министра топлива и энергетики областной совет предложил именно Александру Филипенко, а не ему, Рокецкому, должность главы администрации Тюменской области.

Отлично помню, как в одной из бесед с Леонидом Юлиановичем с глазу на глаз в его кабинете, он неожиданно склонился ко мне и произнес почти шепотом:

- Думаете, округом управляет Филипенко?

- Не знаю, затрудняюсь сказать, – невнятно бормочу, ошарашенный от такой неожиданности. Но через секунду, придя в себя, также полусшепотом задаю встречный вопрос:

- А кто им управляет?

- Им управляют бандиты... – тихо произносит Леонид Юлианович, и начинает в упор буравить меня глазами, точно пытаюсь проверить впечатление от своих слов по лицу собеседника.

Не желая продолжать говорить на подобную тему и тем более участвовать в бессмысленных поп-психологических дуэлях (типа «кто кого переглядит, тот и прав»), я тогда промолчал, отведя глаза в сторону. Однако внутреннее напряжение сохранялось. Я замер в ожидании: последует ли продолжение. Но пик разговора был пройден, дальше пошли какие-то общие бравурные фразы, дословное содержание которых сейчас, конечно, уже не вспомню. Не исключаю, что Леонид Юлианович по мимике моего лица и некоторым иным знакам догадался, что со мной продолжать такие разговоры резона для него никакого нет, поскольку задуманную им кашу с такими «непонимающими», как я, никак не сваришь. Мне почему-то сейчас даже кажется, что он был не только удивлен, но и разочарован приездом такого невнятного лица. Видимо, он искренне полагал, что куратором такого неисчерпаемо ресурсного и переусложненного региона как Тюменская область с входящими в нее богатейшими нефтегазовыми округами должен быть назначен какой-нибудь прожженный интриган, «тертый перец», а не такой случайный лох вроде меня. А впрочем, даже мне, откровенно не желавшему глубоко погружаться в хитросплетения отношений Ямала, Югры и юга, мотивация и намерения тюменского губернатора были вполне очевидны: максимально замазать грязью тогдашнее руководство Ханты-Мансийского округа, очернить в глазах федерального центра. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы их заметить. Они легко просматривались.

После множества трехсторонних встреч, вызовов в Москву и бесконечных совещаний, все стороны политически-правового конфликта

несколько притомились и начали склоняться к необходимости подписания наконец трехстороннего соглашения о компенсации югу (то есть Тюменской области) затрат на его «столичный» статус. Необходимо было на первом этапе как-то урегулировать на федеральном уровне правовую коллизию матрешечного субъекта, а затем – формировать осмысленную переговорную повестку. В конце концов было принято «соломоново» решение: обратиться в Конституционный Суд, чтобы там дали толкование этой хитрой юридической конструкции, когда часть конкретного субъекта Федерации, а именно автономный округ, равна в правах с самим этим субъектом.

В июле 1997 года Конституционный Суд принял Постановление N 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области», в котором постулировалось, что «вхождение автономного округа в состав края, области по смыслу части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации означает такое конституционно-правовое состояние, при котором автономный округ, будучи равноправным субъектом Российской Федерации, одновременно составляет часть другого субъекта Российской Федерации – края или области».

«Это состояние – провозглашало постановление Конституционного Суда – определяет особенности статуса как автономного округа, так и края, области, в состав которых он входит. Их взаимоотношения отличаются от их отношений с другими субъектами Российской Федерации: "вхождение" предопределяет обязанность органов государственной власти обоих равноправных субъектов Российской Федерации обеспечивать сохранение территориальной целостности и единства в интересах населения края, области.».

После принятия этого постановления, касающегося толкования «матрешечной» природы отдельных субъектов РФ, урегулирование споров внутри Тюменской области путем подписания трехстороннего соглашения было уже делом техники. Кстати, одним из авторов запроса в Конституционный Суд от Думы Ханты-Мансийского автономного округа был как раз Собянин Сергей Семенович. Сейчас мне представляется, что поиски путей разрешения межсубъектных противоречий не только положило начало ставшей впоследствии знаменитой межрегиональной программе «Сотрудничество» (договор о ее реализации подписан между тремя субъектами 9 июля 2004 года), но и явилось тем трамплином, с которого Собянин, не без помощи нефтяных генералов из «Лукойла», начал восхождение к вершинам федеральной власти. Никаких доверительных отношений у меня с Собяниным, конечно, не было и быть не могло. Даже не в силу несоответствия уровня наших служебных статусов. С некоторыми

заместителями губернаторов у меня сложились весьма тесные, почти дружеские отношения. Просто Сергей Семенович по характеру оказался человеком весьма закрытым, не склонным к обсуждению «ненадлежащих», выходящих за пределы служебной повестки, вопросов и тем. И хотя мы неоднократно в рабочем порядке, сидя за одним столом, пили водку и закусывали ее нельмой и строганиной, всегда ощущалась четкая граница, которую Собянин моментально очерчивал вокруг себя и давал всем понять, что ее не следует пересекать.

Помню такой эпизод. После очередных заседаний в Хантах по поводу межрегиональных финансовых потоков, вернувшись в Москву я обнаружил, что где-то в ходе командировки забыл свою электронную записную книжку. Смартфонов тогда и в помине не было, и электронная книжка – была на тот момент весьма крутым девайсом, по-серьезному значимым для меня. Не хотелось бы, чтобы хранившееся в ней множество телефонных номеров, попало в посторонние руки. Припоминая, где я был и что делал, вполне справедливо рассудил, что мог оставить ее где-то в приемной Собянина или у него в кабинете. И вот в Москве набираю председателя окружной думы Ханты-Мансийского автономного округа:

- Сергей Семенович, здравствуйте, – говорю.
- Здравствуйте, Сергей Алексеевич, – отвечает.
- Сергей Семенович, Вам случайно не попадалась моя электронная записная книжка, черная такая...
- Не волнуйтесь, Сергей Алексеевич, она у меня... Передам ее через наших сотрудников, вылетающих в Москву.
- Спасибо, Сергей Семенович. Знаете, я через неделю снова лечу в Ханты, тогда и заберу.
- Не проблема, она будет ждать Вас.

Через неделю я снова был в гостях у Собянина, все по тем же спорным вопросам «матрешечного» субъекта. И возвращался уже с записной книжкой, которую мне лично вернул Сергей Семенович, сохранившей ее в своем кабинете, за что я ему был премного благодарен. Где теперь эта записная книжка. Бог ведает...

Популярность Филипенко в округе была столь велика, что, когда в 2010 году президент Дмитрий Медведев отправил его в отставку (решение совершенно непонятное с точки зрения управленческой логики) в Ханты-Мансийске и некоторых иных городах и населенных пунктах округа прошли стихийные митинги протеста. До сих пор северяне считают, что своим процветанием округ во многом обязан именно Александру Васильевичу.

Первое время, когда я полетал по сибирским областным столицам (Тюмень, Новосибирск, Томск, Кемерово, Барнаул, Красноярск) у меня было долго не проходящее ощущение, что я попал как бы в другой мир, в иное измерение, в страну «Замкадье». «Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгрешность не освобождает, а порабощает ее», писал Бердяев сто лет назад. Усиленность с тех пор не прошла, даже стала еще сильнее. А сами сибиряки с их с местными словечками и выражениями («вихорка» вместо «мочалка», «мастерка» вместо принятого у нас в центральной части – «олимпийка») казались мне, чуть ли не иным субэтносом, как донское казачество, скажем. Приезжая в Сибирь, я чувствовал себя как-то по-иному, по-новому. Не то, что я – в другой стране, но явно – не дома. Причина такого состояния не имела рационального объяснения. Состав воздуха что ли другой. А здесь, в Сибири, в краю не поротых людей жизнь ощущалась как-то совершенно иначе. Нет, не лучше, чем в Москве. И не хуже. Просто по-иному. Тогда впервые меня стали посещать случайные мысли о национальной идентичности. Как тотальной, охватывающей все население огромной страны внутри государственной границы, так и локальной, в черте определенной исторической местности. Мы все, и москвичи, и сибиряки – русские люди, кто же спорит. Но мы – разные. Будучи едины в осознании своей русскости, все же по-разному в нее погружены. И как бы получается, что мы – разные русские, относимся к разным локальным типам. Мы все говорим вроде бы на одном языке, но редко слышим друг друга и еще реже понимаем, потому что не хотим понимать.

Но затем по мере более глубокого погружения в их среду это романтическое представление постепенно стало выветриваться и где-то к середине 90-х окончательно прошло. Они, сибиряки, такие же, как мы – жители центральной России. С теми же привычками, стереотипами, предпочтениями и страстями, с теми же недостатками и пороками. С тем же самым языком, в том числе в его ненормативном контексте, ну, может быть, темперамент у них чуть-чуть иной: поспокойней, посдержанней. Не такие они нервные и дерганые, как жители столичных мегаполисов. В конце концов все мы, живущие на нашем общем евразийском пространстве, в той или иной степени родственники. Наши предки в предшествующей цикличности родов и поколений с большой долей вероятности пересекались между собой. Как утверждают ученые, у нас всех общие нити ДНК. Возможно, не всех это устраивает. Я знавал людей, которым глубоко антипатична концепция общего предка – «митохондриальной Евы» и праотца всех мужчин – «молекулярно-биологического Адама», носителя первой Y-хромосомы. Но это их выбор. Мне, например, концепция общего предка всегда была симпатична.

Со временем я не то, чтобы разочаровался в сибиряках, но стал смотреть на вещи трезвее и даже замечать некоторые элементы лукавства, а то и позерства, в их коллективном образе. Декларируя это, хочу быть правильно понятым. Социокультурные различия в оценках и мотивациях совсем не означают какого-либо охлаждения в восприятии. Наоборот, они подтверждают приоритет разнообразия в осознании национальной идентичности, хотя в последние годы некоторые эксперты-знатоки ненавязчиво призывают ее умерить.

Хорошо помню диалоги с одним неглупым чиновником из областной администрации одного из сибирских регионов, содержание которых в обязательном порядке сводилось к спору: являются ли москвичи россиянами. Имя этого чиновника называть по понятным причинам не буду. Человек занимал немаленький пост, да и сейчас позиционируется как видный представитель региональной элиты, хотя уже и не на госслужбе.

Так вот, у моего сибирского коллеги был некий пунктик: он постоянно твердил, что москвичи – не россияне. Формула не новая и достаточно широко в России распространенная. Вернее даже так: жители столицы, они в принципе – другие, вроде как с другой планеты. И повадки и ухватки у них иные, чем у остальных российских граждан. Так как живут в Москве, абсолютное большинство в России не живет. Вот поэтому их инаковость вызывает у одних зависть, у других – раздражение, что волнует российское общество и даже, можно сказать, дестабилизирует его. При этом коллега пытался то ли непреднамеренно, то ли умышленно (хочется верить, что первое, но скорее – второе) перевести вопрос в политический регистр. В такой интерпретации вопрос никак не мог оставить меня равнодушным. Я начинал оппонировать, сперва в легкой форме, шутя, потом все резче и резче, и постепенно наша дискуссия превращалась в перфоманс на тему зыбкости и неустойчивости всего-всего в России. При этом каждый из нас, все более распаляясь прибегал даже к запрещенным приемам типа утверждения, что в условиях тотальной разобщенности наших граждан если их и объединяет что-то небольшое, то это, несомненно, нелюбовь к столичным обитателям.

- Вы там, в Москве жируете, а мы тут в провинции, деградируем, все глубже погружаемся...

- И куда же погружаетесь? – спрашиваю, стараясь быть серьезным.

- Куда? Понятно куда, ну скажем так, для политкорректности, – в пучину нищеты и прозябания.

- Да ладно, не драматизируй.

- У нас с вами, жителями столиц, общего все меньше и меньше. Мы не формируем общий вектор устремлений, общее духовно-национальное

пространство. Скорее наоборот, все сильнее размываем даже то, что большинство населения пока признает, как общенациональное.

В этом пункте вынужден был с ним соглашаться: действительно, разрывает и размывает общенациональную ткань стремительное незаслуженное обогащение одних, известного «золотого процента», и неизбежное обнищание других. И все это – под разговоры об укрепляющемся единстве нации, что «мы одна команда», «одна семья», что необходимо сплотиться (в который раз) «перед лицом трудностей». А учреждение так до конца большинством народа и непонятого нового государственного праздника – дня народного единства»? Выдаем желаемое (исключительно начальством) за действительное. Хотя, если серьезно и честно присмотреться, уже давно нет на самом деле не только симпатий друг к другу. Зачастую какая-то плебейская злоба открыто сочтится и брызжет из казалось бы простых обиходных фраз.

Робко пытаясь защитить столичный статус, я изыскивал исторические примеры, призванные доказать, что ненависть к богатству, неприязнь к имущему классу и сословиям, была всегда. Началось это даже не в 1917. Истоки неприязни этой лежат в глубинах отечественной истории. На ум сразу приходила знаменитая фраза Марины Цветаевой – «сознание неправды денег в русской душе – невытравимо». Нелюбовь к имущему, зависть, граничащая с ненавистью, к богатому соседу – это почти рефлекс. Во времена экспериментирования с моделью «советской цивилизации» он заботливо взращивался, долго и усердно прививался. Кстати, следует признать, что привился вполне успешно.

Но оппонент был верен поставленной цели, и, слушая только себя, как это обычно бывает в того рода «кухонных» дискуссиях, продолжал вбивать в меня свои жесткие и острые как боевой штык тезисы о расслоении, которое создает на одной территории разные не переваривающие друг друга группки, группы и группировки, и разрывает вроде как единую для внешнего пользования нацию на куски. С точки зрения абсолютного большинства россиян, или, как модно сейчас говорить, – национального кода, быть богатым и успешным стыдно и даже позорно. Этим вполне не новым и не оригинальным аргументом товарищ, в голове которого наблюдалась удушающая эклектика, буквально припечатывал меня. Ведь это не сегодня родилось и не вчера. А обратная сторона встроеной в ДНК русского человека ненависти к богачам и неверия в возможность честно, открыто, своим трудом достичь относительного жизненного успеха обуславливает пассивность значительной части наших сограждан. Без малейшего желания постичь, что лежит по ту сторону богатства.

Как последний козырь в этих бесконечных, безрезультатных и опустошающих дискуссиях я приводил такой аргумент: давайте не создавать

новых очагов потенциальных внутренних конфликтов. И без того их хватает. Человеческая жизнь коротка. Но и прекрасна она, неповторима, именно в силу своей скоротечности. Все наше брэнное земное существование пронизано разнообразнейшими ссорами и выяснениями отношений, вся жизнь – сплошной конфликт. И, собственно, получается, что высший смысл всего сущего сводится к тому – как грамотно и с минимальным для всех сторон ущербом разрешать возникающие столкновения, как выбираться из них целыми и невредимыми, с незначительными потерями для собственного физического и психосоматического состояния, со смазанными нервами и окрепшими мозгами. И радоваться тому, что наконец выбрался, и что живой.

Но до конца откровенного и исчерпывающего диалога с уже настроенным на свой лад коллегой все равно не получалось. Он как будто не слышал меня, не хотел слышать, и упрямо гнул свою линию о непримиримых, можно сказать «имманентных» противоречиях между центром и провинцией, Москвой и остальной Россией. По правде сказать, само слово «диалог» к нашим спорам не очень и подходило. Мы, если по серьезному не вели никакой диалог, мы его изображали. Но если что-то удастся хорошо и правильно изобразить, то скоро оно становится реальностью. По сути, наши беседы были пересекавшимися монологами. Мы бесконечно говорили, не слыша друг друга, как тетерева на току, мы молотили свое и даже не собирались прислушиваться к собеседнику (манера, в общем-то, свойственная абсолютному большинству российского чиновничества, особенно когда оно в публичном месте, или, например, в телевизоре).

И позже слышал я много слов о героической местечковой патриотике, о том, что изначально чистые и прозрачные, почти кристальные, провинциальные нравы и представления портит циничная, «не верящая слезам Москва», как только амбициозный гражданин перебирается в нее в целях обеспечения карьерного роста и, как естественное следствие, – своих материально-трудовых доходов. А ухо мое постоянно неизменно и отчетливо улавливало некую фальшь в этих бравурных интонациях.

Давно перестал удивляться метаморфозам, происходящими с людьми, когда они из глубинки, из своих областных центров и районных городков, вдруг перемещаются в столицу. Что происходит с их поступками, их словами, их мозгами? И где же они настоящие? Помню споры по этому поводу с одним коллегой из Томска, когда он костерил Москву, «выкачивающую все соки» из регионов, все их средства и ресурсы, в том числе людские, и обрекая провинцию на «прозябание». И что я должен был подумать, что сказать ему, когда узнал, что этот не последний в местной иерархии региональный чиновник, позиционирующий себя как искренний локальный патриот и знаток «родиноведения», причем настолько убедительно, что ему все верили, и я ему

верил, при первой же благоприятной возможности перебрался в Москву, неплохо устроившись в одном из федеральных министерств. При этом он не переставал числиться одним из ведущих деятелей томского землячества. Несколько раз я побывал на этих земляческих посиделках. Впечатления остались смешанные. Взрослые заслуженные люди, знавшие и помнящие друг друга по прежним еще годам работы, по комсомольскому прошлому, искренне радовались друг другу, вспоминали минувшие дни, свою молодость, глуповатые и даже несколько сентиментальные шутки и побасенки их своего местечкового комсомольского фольклора. При этом они не уставали повторять друг другу, как хорошо было там у них в Сибири, в Томске, в те оные, еще советские времена (тридцать, сорок лет назад), и как «нехорошо», «некомфортно», «неуютно» им сейчас, в этой «бездушной», не верящей слезам Москве. Глядя на эти умилительные сцены, эмоциональные монологи и другие цветные картинки, и размышляя над происходящим, я не переставал задавать про себя адресованный им простой вопрос: «Ребята, в конце концов, если там вам было так хорошо, а здесь так плохо, то почему же вы все здесь?» Естественно, вопрос этот никак не озвучивался и публично никому не адресовался. И даже не потому, что люди терпеть не могут, когда им говорят правду, разрушая их созданные собственным воображением фантастические конструкции, а потому, что задавать такие вопросы в принципе бессмысленно, точно также как бессмысленно рассчитывать на честный, искренний ответ. Вопросы такого рода не имеют ответов, также как не имеет объяснения раздвоенность человеческой природы, порождавшая двойные стандарты восприятия.

Даже у людей давно и обжившихся в Москве, сколотивших здесь неплохие состояния и сотворив успешные карьеры, инстинктивная нелюбовь к столице никуда не делась. Большую часть времени она скрывается под политкорректной личиной улыбочивости и внешнего общепринятого кода благопристойности. Но лакирующая базовые инстинкты эта самая политкорректность иногда дает сбой, она трескается и на поверхность прорывается самое-самое, в том числе и желание зацепить «красивое не наше». Слоган «Москва – не Россия» произносится в последние годы потихому, не публично, шепотком, но он никуда не исчез.

Когда у властей имущих не хватает сил, средств, а главное – желаний и настойчивости сделать по всей России так, как в Москве, тогда и появляется лукавая установка «Москва вместо России». Сугубо политизированная, призванная оправдать, обелить неэффективность «вне московского» управления в сочетании с всепроникающей коррупцией. Однако десятилетиями длящиеся стремление из-за нехватки сил и ресурсов заменить Россию Москвой контрпродуктивно. Столица устала выполнять давно

навязанную ей фальшивую роль общероссийской витрины. Это плохо отражается как на психотипе москвичей, так и на особенностях национального характера. Никто и никогда, ни в какой отдельно взятой точки страны, не сможет достоверно определить степень русскости. Поведать – где она выше, интенсивнее и гуще. И в самом деле – где? В Москве? В центральной России? Или на Севере (Вологда, Псков Архангельск)? На Урале, а может в Сибири? В каждом уголке люди по-своему вживаются в образ русского человека. Составление карты концентрации и распределения русскости в России – непосильная задача.

Есть у нас, русских, безусловно, единое географическое пространство, есть также, ну может не столь, очевидно, но все же есть, надеемся, что есть в рамках географического – пространство политическое, экономическое, административное, но вот единого духового пространства, увы, нет. Да, видимо, и не было никогда. Всегда мы были и остаемся разбиты на классы, сословия, группы, группки, страты, слои. Есть еще много научных слов и литературных эпитетов о нашем «не единстве». Внутри общества проходят подобные с молнией силовые линии, раскалывающие его на рваные куски и глыбы. Скажите: не прав. Возможно – спорить не буду, но при своем мнении останусь. Над этим, видимо, надо еще упорно и долго работать, думать, обсуждать. Хотя, многим «экспертам» кажется, что вовсе и не надо. Не готово российское общество в данный временной период к дискуссии на эту тонкую тему. И нельзя сказать, что они не правы. В моем субъективном восприятии вопрос этот остается для идущих следом потомков.

Тем не менее, я благодарен судьбе за возможность не формально, не казенно познакомиться с Сибирью. Меня даже не очень смутила иллюзия кажущейся, в формате самовнушения, востребованности как федерального чиновника. В провинции я общался с живыми людьми, обладающими глубинные сходством со мной, человеком сугубо столичным, родившимся и выросшим в Москве, ну а в чем-то совсем не похожими, с иным восприятием, казалось бы, общепринятых и общепонятных целей и ценностных установок. Только в этих дальних поездках, я по-настоящему рефлексивно почувствовал, (рациональное мышление тут не при чем), что такое наша сложнопостроенная центростремительная держава, и кто такие мы, ее обитатели. В отдельных ее географических точках живущие в одной стране люди могут по-разному воспринимать казалось бы одинаковые вещи, слова и понятия, помещая себя между личностной единичностью и национальной идентичностью. Как найти общий язык нелюбимому нигде среднестатистическому москвичу с «глубинными» россиянами, избегая обоюдоострой, возможно и агрессивной реакции на инаковость с незнакомыми тебе людьми? О каком-то особом доверии мечтать не приходилось. Для установления хотя бы минимального

понимания между ранее незнакомыми людьми, даже говорящими на одном языке, нужно время, нужны годы, а этого не было. «Стабильности нет» — вот, по-моему, наиболее удачная и оптимальная характеристика 90-х. Во всяком случае в моем персональном восприятии. Хотя, когда она была, эта стабильность? По сути, не было ее ни раньше, ни позже, ни в советский период, ни в постсоветский. Но в 90-е это ощущалось особенно остро.

Главный для меня вопрос в то время был: как сделать так, чтобы к тебе не относились как к проверяющему, как к персоне, присланной вынюхивать и постукивать, чтобы тебя хотя бы внешне не опасались. А идеально — чтобы принимали, если не за своего, то хотя бы не за чужого. Какой-то особой харизмы за собой никогда не наблюдал, но обладал, на мой взгляд, возможно ошибочный, двумя важными для среднестатистического российского госслужащего качествами: достаточно долго мог париться в бане, а также немало выпить при необходимости.

В Москве вот щелкаешь забралом,
Сжимая в гнече кулаки.
А там далеко, за Уралом,
Живут спокойно кержаки.
Они простые и смирные.
Умеют славно водку пить.
Когда хмельные — не больные,
Лишь думают — как дальше жить.
На все вопросы не ответят,
Язык ты с ними не чеши.
Но если «своего» приметят,
То будут рады от души.

Истории 3-го Подъезда

Но главное: будь верен сам себе.

И следственно, как дважды два – четыре

Ни перед кем не будешь ты фальшив.

У. Шекспир. Гамлет

Надо обязательно отметить, что в начале 1992 года Контрольное управление поменяло место локации и с Краснопресненской набережной переехала в комплекс бывших зданий на Старой площади, а именно – в 3-й подъезд дома №8/5.

О! Третий подъезд – сколько воспоминаний и эмоций, связывают меня с этим местом. Какой многозначительный и много значимый в моей биографии объект. Да не объект это даже, а целое явление, я бы сказал – феномен, заслуживающий отдельного описания.

Дом № 8/5 на Старой площади первоначально строился как гостиница Дома Московского страхового общества, получившая название «Боярский двор». Создатель этого строения – знаменитый московский архитектор Федор Шехтель. В процессе участвовал также еще один, но гораздо менее известный архитектор Галецкий. Построено было оно на пригорке, на месте снесенной Китайгородской стены. Построено в стиле московского модерна. Фасад был облицован глазурированным серо-зеленым кирпичом. По утверждениям знатоков-москвоведов, в 1914-1915 гг. в одном из номеров гостиницы «Боярский двор» останавливался Максим Горький, где его посещали Федор Шаляпин и Иван Бунин и, возможно, другие талантливые и популярные деятели искусства той эпохи.

Много-много лет, до самого разгрома партии в августе 1991 года, в третьем подъезде располагался международный отдел ЦК КПСС, который фактически с момента его учреждения до упразднения (с середины 50-х до конца 80-х) возглавлял хорошо известный в свое время, а ныне почти забытый партийный деятель Борис Николаевич Пономарев.

После стремительного падения и роспуска КПСС осенью 1991 года в третьем подъезде на Старой площади на какое-то недолгое время разместилось министерство иностранных дел Российской Федерации во главе с тогдашним министром Андреем Козыревым. А уже в начале 1992 года, когда российские дипломаты переехали в свое традиционное здание, в сталинскую высотку МИДа на Смоленской площади, в третий подъезд как раз и въехало

Контрольное управление. В первые дни после переезда, бродя по гулким темным коридорам и заходя в пустые, наспех покинутые комнаты и кабинеты, я неоднократно находил в них вещественные знаки пребывания международного отдела. То печать какую-то найдешь, закатившуюся под шкаф, то какие-то пожелтевшие от времени разбросанные по полу карточки.

У третьего подъезда Старой площади есть свои легенды. И первой такой легендой, по моему глубокому убеждению, является сам Борис Николаевич Пономарев, бессменный руководителем международного отдела ЦК КПСС. Он относился к кругу тех ключевых партийных функционеров, которые долгое время, на протяжении всего брежневского периода, формировали внешнюю политику СССР. Кто из нас, выпускников российских вузов гуманитарно-идеологического толка, типа МГИМО, не изучал в обязательном порядке и не сдавал на первом же курсе историю КПСС? «Краткий курс КПСС» (краткий курс «счастливой жизни») под редакцией академика Бориса Пономарева, кто же из нас не держал в руках этот фолиант? Учебник этот по крайне важному, можно сказать стратегическому, для будущей служебной карьеры молодого специалиста предмету был чуть ли не настольной книгой советского студента-гуманитария. Именно под руководством Бориса Николаевича осуществлялось многолетнее издание и многократное переиздание этой «краеугольной» книги, являющейся одной из идейных основ «строительства развитого социалистического общества» и отражением того коллективного лицемерного пафоса на грани надрыва, которым были охвачены глашатаи нового и передового, как тогда казалось, строя. Причем каждое издание перерабатывалось и дополнялось цитатами очередного партийного вождя.

Несомненно, что абсолютном топом, священным писанием времени общества «развитого застоя» было полное, можно сказать «библейское», и собрание сочинений Владимира Ильича Ульянова (Ленина), самого близкого нам тогда по духу и родного (по происхождению) человека. Всегда особо выделяемого из четы классиков марксизма-ленинизма. Учебник же «История КПСС» под редакцией академика Пономарева можно было смело охарактеризовать как ориентированное на широкие массы, издание, популяризирующее базовой набор марксистских истин или догм (как кому нравится). Но главным объектом целевого воздействия пономаревской «Истории КПСС» была безусловно молодежь, «вступающие в жизнь» новые поколения советских людей. Примечательно, что предшественником Бориса Николаевича Пономарева в этом деле партийного просветительства был никто иной, как сам Иосиф Виссарионович, помимо всего прочего – автор, редактор «Краткого курса истории ВКП(б)». С популярностью «Истории КПСС» под редакцией академика Бориса Пономарева мог поспорить, пожалуй, лишь

учебник «Политическая экономия капитализма» Брейгеля. По нему в период конца 60-х- начала 70-х учились первокурсники большинства гуманитарных вузов страны, в том числе и небезызвестного МГИМО. Но в 1973 году, как раз к моменту моего поступления в институт Энох Яковлевич Брегель неожиданно для всех, прежде всего для руководителей отечественной «кузницы дипломатических кадров», эмигрировал в Израиль. Написанные им учебники, в том числе и «Политическая экономия капитализма», моментально были изъяты из всех вузовских библиотек и на их использование в любом контексте было наложено негласное табу. На первом курсе института преподаватели с кафедр политэкономии и истории КПСС, помнится, усиленно рекомендовали нам, правильно идейно подкованным студентам, в принципе не пользоваться трудами Брегеля, целенаправленно их игнорировать и при каждом удобном случае публично осуждать. Но не все из студентов это слышали или поняли, или захотели понять. Я знаю несколько случаев, когда на экзамене ребята, ничего не зная о «предательстве» Брегеля, в основном в силу природной лени на грани тотального пофигизма, открыто ссылались на его доступную и человеческим языком написанную «Политэкономия», что вызывало у вышколенных преподавателей с идеологических кафедр замешательство на грани ужаса.

Вернемся же еще снова к Пономареву, этому забронзовевшему реликту советской истории. Помимо авторства книг по истории международного коммунистического и рабочего движения Борис Николаевич вошел в историю как инициатор создания международного журнала коммунистических и рабочих партий Восточной Европы «Проблемы мира и социализма» с центром в Праге (очаг партийного либерализма в период 60-х и 70-х годов), а также имел множество иных заслуг перед коммунистической партией и советским народом.

После роспуска КПСС в 1991 году Борис Николаевич еще достаточно долгое время, вплоть до своей смерти в 1995 году, в своем почтенном, девяностолетнем возрасте, регулярно приезжал в 3-й подъезд на Старую площадь. Не раз видел собственными глазами, как высокий, худой, сухой девяностолетний старик с палочкой, шаркающей походкой медленно входил в здание, где провел большую и, по всей видимости, лучшую часть своей жизни. Охрана знала его в лицо и (видимо, ей были даны соответствующие указания) свободно пропускала вовнутрь, не спрашивая никакого удостоверения. Он обычно поднимался в отведенную ему небольшую комнатку, проводил там некоторое время, затем выходил обратно, садился в поджидавшую его черную «Волгу» и уезжал. Что он в этой комнатке делал и, зачем вообще приезжал – никто точно не знал. Мне почему-то кажется, что приезжал он только потому, что, проведя более тридцати лет в этом здании, прикипев к нему душой и

телом, очевидно, просто не представлял, как можно жить иначе, ежедневно не появляясь «на работе». Даже когда работы как таковой уже нет, и нет организации с захватывающий дух брендовым названием – «международный отдел ЦК КПСС». Преданность месту рождения, сформировавшему тебя образу жизни, нежелание его менять, несмотря на произошедшие исторические пертурбации, достойно, на мой взгляд, всяческого уважения. Ошарашенный первое время видом известного партийного деятеля, человека весьма и весьма почтенного возраста, медленно с палочкой входящего в центральный офис «демократической власти», я постепенно привык к регулярному виду этой сухой фигуры. Думаю, не только я, но и многие, кто в то время обитал в доме №8/5 на Старой площади, включая хозяйственников, уборщиц, охрану, воспринимали Бориса Николаевича Пономарева как своего рода талисман 3-го подъезда. А протянул он после развала КПСС, еще несколько лет, до 90-летия, наверное, еще и потому, что не менял привязанностей, привычек, и заданного ритма жизни, несмотря на внутривластные потрясения...

Мы с Александром Михайловичем Захаровым разместились на втором этаже, как раз над парадным входом в 3-й подъезд. В партийные времена это была приемная Комитета партийного контроля, где слева от входа раньше находился кабинет бессменного руководителя этой важной службы А. Пельше, а справа – комната для совещаний. Поэтому, когда собирались совещания, приглашенные лица проходили мимо нас. Их можно было рассмотреть, поговорить, обсудить текущий момент. С некоторыми удалось лично познакомиться. Люди были самые разные, с разными взглядами, разным набором моментов фундаментального опытом, непохожими, и даже противоположными, ценностными ориентирами. Одни сразу же вызывали симпатию, другие, по необъяснимой причине, – антипатию, причем также сразу же и на всю оставшуюся жизнь. Как-то незаметно и необъяснимо сошлись мы с представителем президента по Приморскому краю Валерием Бутовым, бывшим военным прокурором на Тихоокеанском флоте, с Астраханским представителем президента Валерием Ардовым, Дмитрием Хритоненковым из Пскова, магаданским представителем Сергей Сергеевичем Петрищевым, Геннадием Щербаковым из Тюмени и Владимиром Жидких из Томска. Были еще другие интересные товарищи, весьма своеобразные личности. А где теперь Федор Шкруднев, первый представитель президента по Санкт-Петербургу, командир крейсерской атомной подводной лодки, энергичный офицер-подводник с соответствующими его статусу и комплекции замашками? Как сложилась его судьба? Он исчез с горизонта как-то быстро и неожиданно. У кого ни спрашивал, никто не знает. А хотелось бы

увидится, хоть на минутку. Поболтать, повиниться. Лучше раскаиваться, чем жалеть, пусть так. Перевернем страницу.

Но вот почему-то не сложилось, и, причем как-то сразу, с представителями из Хабаровского края Десятовым и Амурской области Никандровым. Не совпадали наши восприятия происходящего, мы давали совершенно разные оценки одному и тому же событию, человеку или явлению. Не важно, чем это было вызвано, но это было так. В моем представлении некоторые представители относились к тому нередкому типу чиновника, который смысл своего существования в меняющейся Вселенной видит в выкорчевывании окопавшихся вокруг действительных или, что чаще всего, придуманных врагов, которых он сам своими нездоровыми мыслями и нелепыми, неуклюжими действиями зачастую и порождает. Если не в реальной жизни, то хотя бы в собственном воображении. Не заниматься серьезным анализом обстановки, поиском причин неудач, а постукивать в центр на местные кадры – вот любимое занятие чиновников данного типа. Но больше контактировать приходилось все же не с самими представителями, а их рабочими лошадками – помощниками. Как правило, окружение представителем президента состояло из 4-5 человек. В большинстве своем это были достаточно юные девушки или в меру молодые женщины, с явными признаками фертильности, беззаветно преданные душой и телом своему начальнику. Они любили задерживаться после работы, могли сидеть вместе с ним долгими вечерами столько, сколько ему, боссу, было нужно, по-своему, по-женски ощущая свою высокую миссию соратниц по не очень им понятному, но, несомненно, значительному государственному делу. Справедливости ради следует сказать, что среди помощников попадались и мужики. Некоторые представители, по многовековой российской традиции, чего тут скрывать, пытались пристраивать на эти казавшиеся теплыми местечками своих родственников (детей жен, свояков, кумовьев и т.д.). Но, как показала практика, в среднесрочной перспективе ничем хорошим это не заканчивалось.

У представителей президента как у особого типа госчиновников была одна ключевая проблема: они никак не могли встретиться с тем, кого представляли, а именно с президентом Ельциным. С ведущими фигурами «младореформаторского» правительства – Гайдаром, Чубайсом, Нечаевым, тем же Бурбулисом, – пожалуйста, а с Президентом – ну никак! Ходила даже шутка, что ЕБН «боится» своих представителей. И это было не только по их статусу, но и самолюбию. По-человечески их скрытое недовольство и даже раздражение было вполне понятно.

Совещания представителей президента с членов гайдаровского правительства проходили в зале совещаний на третьем этаже 3-го подъезда

Старой площади. Длились они, как правило, полный день и по настроению собравшихся чувствовалось, что для них это был праздник – улыбки, шуточки, веселые реплики и восклицания. «Младореформаторы» доводили до представителей (в их понимании – до регионов), базисные принципы своей политики, давали установки и рекомендации. Не исключаю, что сам Гайдар действительно искренне верил, что через эту группу преданных, лояльных людей, можно донести до глубинки базовые положения не понимаемой и не воспринимаемой абсолютным большинством населения только-только начатой эконмической реформы. В начале деятельности института представителей, в 1991-1992 гг., такого рода совещания проходили достаточно часто, примерно раз в полгода, затем все реже и реже и к 1995 году полностью сошли на нет. К тому времени правительством рулил Черномырдин и встречи с какими-то там «представителями» ему были ни к чему. Не его формат. А вот с самим Ельциным его представители в регионах встречались всего один раз. Встреча эта была в Кремле, а не на Старой площади. По понятной причине сам я там не присутствовал. Поэтому не уверен все ли даже представители были на нее приглашены. После отставки Гайдара, с правительством Черномырдина такие совещания уже не проводились.

Поскольку в придуманной Бурбулисом конструкции управления регионами: губернатор – представитель Президента, изначально была сконструирована некая потенциальная внутренняя конфликтность, ничего удивительного, что медленно тлеющие в пределах одного здания областной администрации, а зачастую и соседних кабинетах напряженность, вдруг ярко вспухнув, превращалась в острый межличностный конфликт. Причем происходило это с завидной периодичностью. В начале 90-х наиболее ярким эпизодом, во всяком случае, как мне все это запомнилось, было, противостояние в Саратовской области между губернатором Юрием Белых и представителем президента Рогачевым. Конфликт после достижения острой фазы был разрешен традиционно: снятием обоих.

Ретроспективно оценивая тот период с нынешних временных высот, периодически задаю себе вопрос: а какова роль института представителей Президента в субъектах в перовой половине 90-х годов, нужен ли он был вообще?

В принципе в любом аппарате, где идет скрытая от глаз, но отчаянная конкурентная борьба за должности и статусы, ее участники по определению равнодушны друг к другу. Причем не просто индифферентны, а зачастую равнодушны пренебрежительно и даже наступательно, с выплеском агрессивного желания зацепить и унизить. Это базовое правило. Даже небольшой успех «коллеги» в части карьерного роста вызывает плохо скрываемую зависть и глухие уничижительные оценки. Маленький коллектив

помощников представителей президента был, как мне тогда, казалось, более сплоченным, чем соседствующий аппарат региональных администраций. Казался более похожим на то, что с определенной натяжкой, но все же можно было назвать «команда». И это, впрочем, не удивительно, так как жить и служить людям из аппарата «полпредов» приходилось в не очень, прямо скажем, дружелюбном окружении областных и краевых чиновников.

Конечно, эпизодических командировочных наездов не хватало, чтобы поближе познакомиться с людьми в регионах, получше их узнать, но все же с некоторыми удалось по-настоящему подружиться. И тут, чтобы обрисовать конфликт, я должен сказать несколько слов о помощнике тогдашнего магаданского полпреда (звали полпреда Сергей Сергеевич Петрищев) Геннадии Михайловиче Дроздове, человеке смертельного обаяния. Бывший шахтер, натура абсолютно прямая, искренняя, откровенно рубящая правду-матку, он резко выделялся на фоне приглашенных, усредненных, региональных чиновников. Он резко выделялся на фоне всех известных мне аппаратчиков тем, что не слишком серьезно относился к самому себе. Этим сразу стал симпатичен. И первое впечатление меня не обмануло. Оно вообще самое правильное. Надо его только запомнить, сохранить и затем, по прошествии какого-то количества времени, оно, безусловно, подтвердится. Геннадий до конца отстаивал свои позиции, не ломался и не прогибался перед административно сильной некомпетентностью. Геннадия его шеф достаточно часто посылал в командировки в Москву, и мы, бывало, подолгу засиживались в его номере в несуществующей ныне знаменитой гостинице «Россия» в Зарядье (светлая память этому прибежищу тогдашних высокопоставленных командированных) за рюмкой чая и вели задушевные беседы о сущем и насущем, на всем нашем неумном пространстве, от Москвы до Магадана. Гена, как настоявший открытый дальневосточник, человек открытый и с порывами, всегда в Москву приезжал не с пустыми руками, а с традиционным дальневосточным лакомством – красной икрой. Один раз он, придя к нам в гости, притащил с собой трехлитровую стеклянную банку самодельной лососевой икры, чем окончательно сразил мою супругу, и в понимании «не московского» хлебосольства остался вечной зарубкой в ее памяти. Впоследствии, когда я уже не работал на Старой площади, и приехал в Магадан по делам пославшей меня фирмы (по-моему, это был сентябрь 1999 года), Геннадий как старожил столицы Колымского края перезнакомил меня со всеми нужными магаданскими чиновниками и помог разобраться в местных формальных и неформальных раскладах, что для такого места как Колыма оказалось крайне важно во всех отношениях, не исключая личной безопасности. Тогда я еще только познавал «атлас запущенных территорий»,

медленно спускаясь в мрачные подвалы и душные катакомбы реальной «региональной политики».

Геннадий Дроздов человеком в Магадане был известным, и мне с ним было легко, просто, да и безопасно. Он показал мне, где в Магадане находится мемориальный музей-квартира знаменитого певца Вадима Козина, сопровождал к вершине холма, где находится воздвигнутый в 1997 году монумент жертвам сталинских репрессий «Маска скорби» авторства Эрнста Неизвестного. Монумент был установлен в 1996 году и поначалу вызывал много критики с разных сторон, в том числе и со стороны профессионального сообщества. Но мне произведение Неизвестного понравилось, причем сразу и бесповоротно. До сих пор когда я слышу об этом знаменитом скульпторе, у меня перед глазами моментально возникает его «Маска скорби» с катящейся из глаз жертв ГУЛАГа каменной слезой.

С Геней мы провели в Магадане около месяца, но затем судьба развела нас также неожиданно, как и свела. Когда я ушел со Старой площади, у меня резко и сразу прекратились командировки, вообще все выезды за пределы МКАД. Гена тоже покинул аппарат президентского представителя по Магаданской области и перестал приезжать в Москву. Могли мы только перезваниваться. Выйдя на пенсию, Геннадий покинул Магадан и переехал на Алтай, в Барнаул, поближе к родственникам и теплу. Мы с ним регулярно перезванивались вплоть до конца 2017 года, но больше так и не свиделись. Временами у меня вспыхивало желание, взять в счет отпуска несколько деньков и слетать в Барнаул. Но, как это обычно и бывает, чего-то срывается, накатывает очередной вал текущих неотложных дел, и все откладываешь и откладываешь. Позвонил ему 25 февраля 2018 года, чтобы поздравить с мужским праздником. К телефону подошла жена. Так я узнал, что Гены не стало. Накануне было как раз девять дней со дня его смерти. При этих ее словах холодок пробежал над левым плечом. Про себя я простился, наверное, с последним своим душевным товарищем из эпохи начала 90-х.

.....
 Мы беспечны, мы ленивы
 Все у нас из рук валится
 И к тому ж мы терпеливы
 Этим нечего хвалиться
 А.К. Толстой

Достаточно рутинной процедурой было «ношение» документов со Старой площади в Кремль, где сидело руководство Администрации и все

президентские помощники. Пройтись десять минут пешочком из 3-го подъезда до Спасской башни, особенно летом, в хорошую теплую погоду, было одно удовольствие. Хотя, как правило, приходилось не ходить, а бегать, поскольку, естественно, все срочно, все горит, если не сегодня и сейчас, то катастрофа... Хотя, разумеется, никакой катастрофы в действительности не происходило. Работа в режиме аврала, штурмовщины – это наш фирменный аппаратный стиль. По-другому, думаю, мы не можем, по-другому – как-то планомерно, размерено, согласно графику – нам откровенно не интересно. Не греет. Скучно. Да и непонятно. Мы же потомки кого? Былинных героев – богатырей. Илья Муромец, вот, лежал на печи тридцать лет и три года. Потом чудесным образом исцелился, встал, всех врагов быстро победил, все вопросы быстро порешал, и вроде делать-то больше и ничего. Скучно без врагов. Можно и снова на печи полежать, помечтать, пока новые супостаты не снизойдут, чтобы покарать их, поганых... Так, это я опять отвлекся. Возвращаюсь к крейсерской теме, к следующему ее аспекту – «прогулкам» между Старой и Кремлем.

Хорошо запомнился один эпизод, имевший место, то ли в 1994, то ли в 1995 году. Точно уже не скажу, впрочем, это и неважно. Вызывает меня тогдашний начальник управления Сергей Самойлов и говорит:

- Вот тебе проект указа (речь шла о кадровых назначениях в одном из регионов). Срочно беги в 14-й корпус, передай в приемную Корабельщикова (помощник Ельцина по региональным вопросам), там этот документ уже ждут. Все визы собраны. Сегодня его должен подписать сам Президент. Давай иди прямо сейчас, дело очень срочное».

- Не вопрос – отвечаю, – сейчас прямо и бегу.
- Беги, вопрос очень срочный. Там ждут.
- Бегу, бегу....

Беру тоненькую папочку с двумя экземплярами проекта указа – чистовой и визовой – спокойно выхожу себе из родного 3-го подъезда и топаю в сторону Кремля. На Ильинке, у Гостиного двора, как раз напротив плотно застроенной церкви Ильи Пророка, которая вроде уже, как и не церковь, хотя внутри она относительно недавно опять стала церковью, остановился на минутку, чтобы перекурить. На всякий случай открыл папочку, чтобы быть в курсе, если вдруг возникнут вопросы. Содержание документа было крайне простое и состояло, собственно, из двух предложений. Первое – такого-то (ФИО) освободить от должности главы администрации такого-то субъекта, а такого-то (ФИО) назначить главой этого самого субъекта.

Глаза быстро пробежали текст, но на долю секунды на чем-то неожиданно споткнулись. Что-то было не так. Но что, не пойму. Прочитал текст еще раз, медленнее. О, Боже! Что я вижу? В название должности, в

самом ключевом моменте всей этой бумаги, совершенна ошибка, да какая! Вместо слов «глава администрации» написано буквально «глава админисрации». В центральном слове банально пропущена буква «т». Но эта пропущенная буква коренным образом изменила смысл всей конструкции, придав всему важному, а для героев указа вообще судьбоносному тексту комический, мягко говоря, оттенок. И это при том, что бумагу смотрело несколько человек, включая юристов из ГПУ, и подписи этих ответственных чиновников красовались на визовом экземпляре. Идти в Кремль к Корабельщикову с такой бумагой, резона уже не было никакого. Телефона мобильного тогда еще не изобрели, хотя, возможно и изобрели, но ни у кого из нас, клерков средней руки, его не было. Связаться по возникшему казусу со своим начальством, с тем же Самойловым, я никак не мог. Поразмыслив немного, что важнее – прибежать вовремя с неправильной бумагой или опоздать, придя позже, но с «отработанным», то бишь исправленным, документом, – выбрал последнее. И потопал обратно в знакомый 3-й подъезд. Через пару часов бумага была поправлена и благополучно доставлена в 14-й корпус (как подумаю, что его уже нет становится тоскливо и скучно до потери воли).

Вообще походы в Кремль были не частой, но, следует признать, достаточно приятной миссией и полезной процедурой. По меньшей мере раз в год кураторы территорий, как сотрудники аппарата, обязательно там бывали: как правило, в день президентских посланий, когда в Мраморном зале собиралась вся российская властная знать. Прежде всего, нас мобилизовали по организационным вопросам, помогать орготделу Валерия Чернова в регистрации участников, ну, и по всяким другим текущим вопросам. Но и в обычные дни с нашим пропуском можно было, спокойно миновав посты у Спасской башни, войти в 14-й, ныне уже, увы, не существующий корпус. Во время таких посещений можно было совершенно неожиданно встретиться со старыми знакомыми. Так несколько раз я сталкивался нос к носу со своим однокурсником по МГИМО Сергеем Приходько, который в то время работал помощником Ельцина по международным вопросам. При одной из встреч Сергей, увидев меня в коридоре 14 корпуса, неожиданно предложил зайти на минутку к нему. Миновав рабочий кабинет, мы сразу прошли в комнату отдыха, где он достал бутылку хорошего (марку не помню) коньяку, и мы хлопнули с ним по рюмашке «за встречу». Не скрою, было приятно. По личному опыту знаю, что люди, быстро взлетев по карьерной лестнице, перестают замечать тех, с кем они когда-то начинали, с кем учились и водились, но которые остались далеко внизу, у которых сломался или почему-то не поехал социальный лифт или которым наверх было не надо, поскольку всегда предпочитали жить на первых этажах, ближе к народу или – как

вариант – к природе. С Приходько я не виделся почти пятнадцать лет, после окончания МГИМО в 1979 году. В институте, хотя и были на одном курсе, но занимались на разных потоках и пересекались не часто, как правило, на общих курсовых собраниях, иногда на «картошке», на военных сборах. Единственное, что нас, может быть, как-то объединяло – это славянские языки: он учил чешский, я – польский. И жили мы в годы учебы рядом, фактически на одной улице – 15 парковой. Только в разных ее концах. Я – ближе к Щелковскому шоссе, у Сиреневого бульвара, а Сергей – у Измайловского. Но тем не менее увидев меня, он не отвернулся, не сделал вид, что не заметил, как это часто бывает в подобных случаях, а пригласил зайти, хотя бы на пару минут. Говорить, если честно, особо нам было не о чем, да и некогда. Ну так «дернем по рюмашке».

Если уже упомянул о кремлевском коньяке, то следует, очевидно, сказать несколько слов на тему «потребления» горячительных и иных бодрящих напитков в комплексе зданий на Старой площади, где приходилось обретаться. Говорю откровенно – пили много, очень много, где угодно и когда угодно. Даже больше, чем в застойный брежневский период, не говоря уже о перестроечном. Особенно доставалось нашему брату, федеральному чиновнику, в командировках, где ты – уважаемый «московский гость» и над тобой никакого начальства. Но и здесь, в Москве, мы не были стерильными трезвенниками и не считали нужным казаться таковыми. Мне «повезло» еще и в том, что за девять лет работы на Старой площади, моими начальниками были вполне земные люди, с исконно российскими традиционными достоинствами и недостатками, главным из которых является равнодушное отношение к «зеленому змию». Все дни рождения или иные знаменательные даты мы отмечали в 3-м подъезде прямо в кабинете именинника. Заносили, завозили соответствующую продукцию и после шести часов (а когда даты у дам – то и пораньше) начинали отмечать. Люди мы все к тому времени были уже взрослые, и понимали, когда следует остановиться. Но, признаюсь, случаи бывали всякие, иногда даже очень и очень.

Как-то летом, по-моему, в 1995 году, отмечали мы очередной день рождения. Коллектив собрался, девушки накрыли, все сказали правильные слова имениннику, каждый из десяти человек персонально сказал, никто не хотел пропустить свой тост. Посидели и вроде бы пора собираться. Но состояние нашего тогдашнего начальника отдела, Германа Кирилловича Аксенова, внушало явное опасение. Невидимая граница была пройдена. Перебор – явно на лице, а также в словах и междометиях. Ну, ничего. С кем не бывает, ситуация понятная. Сопровождаем с коллегой ГК до лифта, спускаемся на первый этаж, проводим мимо стоящего на входе прапора (то

зная нас всех в лицо и видя картинку, деликатно отворачивается), выводим ГК на свежий воздух и останавливаемся.

- Может, Вам, Герман Кириллович, такси поймать? – спрашиваю.

- Не-не, спасибо, я сам доберусь., – вяло, расслабленным языком отвечает ГК.

- Да, давайте, лучше такси, Ща, это быстро –продолжаю, хотя и не так уверенно.

- Не-не-не, – стоит на своем наш Герман.

Ладно, думаю, мы уже не юноши, друг другу – не няньки, курсы мастерства глубокого прогиба не посещали, предмет сей не изучали. Не хочет – как хочет. Оставляем начальника на улице и сами возвращаемся в кабинет, где еще продолжается застолье. Буквально через пару минут звонок по внутреннему телефону. Беру трубку. Незнакомый голос, неуверенно, с паузами:

- Вы знаете. Ваш товарищ... он это, ...того... лежит...

- Кто лежит? Как лежит? – в первое мгновение даже не понял, что это за звонок, и о ком, собственно, идет речь. Но через секунду до меня дошло, что это звонит дежурный прапорщик с первого этажа, и говорит он, как это ни страшно себе представить, именно о нашем начальнике отдела.

- Так, – пытаюсь сосредоточиться, – где, говорите, лежит?

- На улице, у двери...

- Понятно, спасибо, – кладу трубку.

Это скандал! У входа в один из центральных подъездов здания Администрации Президента Российской Федерации, а именно шестой, лежит немолодой, сильно выпивший человек. Да ведь это не просто человек (хотя слово это все еще продолжает для нас звучать гордо), не прохожий какой-то, а государственный чиновник, да что там – ответственный работник президентской администрации с соответствующим удостоверением в кармане. Бог с ними, со случайными пешеходами! Не так их и много в этом месте. А если вдруг картину лежащего у дверей подъезда пьяного Германа Кирилловича увидит кто-то из случайно проезжающих мимо или спешащих к своим черным лимузинам больших начальников? Человека надо немедленно спасти! Обменявшись короткими междометиями, мы с коллегой, Владимиром Ильичом Жегулиным, бросились вниз. И действительно, в трех метрах от шикарной массивной двери 3-го подъезда, под хлипким деревцом, мы увидели распростертое тело. В руке – потертый портфель из кожзаменителя. Герман Кириллович попробовал приподняться вместе с портфелем, но ему это не удавалось. Еще раз. опять неудачно. Попытки встать на ноги срывались одна за другой, и каждый раз после неудавшейся, наш начальник вынужденно принимал горизонтальное положение.

Правильно говорят: берегись прелестей умствования. Не долго думая, мы с Жегулиным приподняли ГК, подхватили его под руки и быстрым-быстрым шагом, почти бегом, рванули в сторону Ильинки, где можно было поймать машину. Время было уже позднее, девятый час, и, слава богу, никого из людей, способных нанести ущерб репутации нашему начальнику, да и всему управлению, мы не встретили. Очень удачно, на повороте с Новой площади на Ильинку, поймали машину и, продиктовав водителю адрес, отправили ГК домой. Уф! Прямо гора с плеч! Вроде обошлось...

Вернувшись на место праздника, мы еще посидели некоторое время, обсуждая инцидент, допили, что следует допить, убрали, что следует убрать и потянулись по домам. На следующий день ГК появился не с утра, но появившись, был молчалив и задумчив, хотя к концу дня несколько разошелся и пару фраз все же произнес. Они носили совершенно абстрактный, не относящийся к делу характер, но в интонации, с которой они были произнесены, чувствовалась скрытая благодарность.

С Германом Кирилловичем был связан еще один памятный мне эпизод на Старой площади. К нам в управление, прямо в кабинет, могли по договоренности прийти посетители, как правило представители администраций тех краев, областей и республик, которые мы курировали это не возбранялось надо было только заказать пропуск на проход. Но сами кураторы в своих должностях консультанта или специалиста-эксперта сделать это не могли. Надо было идти к начальнику отдела и просить его. Обычно Герман Кириллович в таких просьбах не отказывал. Но бывало всякое. Как-то раз (это был февраль 1996 года) ко мне должен прийти специально приехавший в Москву чиновник какой-то (уже не вспомню какой) сибирской администрации. Время у него было ограничено, и мы с ним договорились, что он придет точно к установленному часу. Отмечу, что мобильных телефонов тогда ни у кого из нас не было, и все разговоры мы вели лишь по-городскому. Он мне за полчаса до условленного времени позвонил из гостиницы «Россия», подтвердив, что все в силе и он выходит. Естественно, я тут же направился к начальнику отдела. Но в кабинете его не оказалось. Вернувшись к себе, я стал регулярно, с пятиминутными перерывами, ему названивать, но никто не отвечал. Прошло уже более получаса, я понимал, что человек стоит внизу и ждет пропуска. А прапорщик ему скучно отвечает: «Ничего на Вас нет». Обоим нам было крайне неловко, но что я мог сделать? Только ждать появления начальника. А его все не было и не было. И тогда я решился на маленькую авантюру. Набрал по аппарату внутренней связи соответствующий номер, я представился Аксеновым и попросил заказать пропуск в 3-й подъезд на такого-то и, такого-то. Человек пришел, мы мирно побеседовали, но, когда вернулся от начальства сам Герман Кириллович, начался скандал. То ли

охрана связалась с ним, то ли еще что, но он быстро узнал, что я от его имени заказал пропуск. Он ворвался ко мне весь красный от гнева и стал грозить мне, что он не допустит такого «безобразия» и что меня ждет административное наказание... Вот прямо ждет – дожидается. Мне, признаться, было действительно слегка стыдно, но не очень. Приехавшего издалека человека я не подвел. Ничего трагического по сути не произошло. Более того, я явственно ощущал, что он подобным образом пытается как-то похмельками свести со мной счеты, отомстить за недавний спор с ним за внутреннее совещание. Ну да, неприятно, но не смертельно. Герман Кириллович, вероятно искренне считая, что он выполняет святую миссию восстановления нарушенной дисциплины, написал вверх по вертикали некую служебную записку, которая дошла до тогдашнего руководителя Администрации Николая Егора. Короче, распоряжением за его подписью № 200 от 16 февраля 1996 года, меня наказали за «грубое нарушение «Положения о пропускном режиме в комплексе зданий Администрации Президента Российской Федерации, расположенных на Старой площади». Причем, в духе времени – рублем: прекратили выплату установленной ежемесячной надбавки к должностному окладу за работу с секретными документами. Пустячок. Вегетарианские времена. Бумага это пылится где-нибудь в архивах. Любопытно бы было взглянуть на оригинал.

Сейчас, глядя назад, с позиции прожитых лет, можно уверенно сказать Герман Кириллович был человеком неплохим и по сути своей вполне беззлобным и даже наивным в какой-то степени. Но он панически боялся вышестоящего начальства, и это определяло его поведение. Хотя в прошлом, как мне сказали, он был учителем, а затем долгое время трудился в системе образования, у него практически отсутствовали навыки устойчивых коммуникативных связей не только с подчиненными, но и вообще с окружающими. Управленец он был никакой.

Когда он видел, что его команды не проходят, сталкиваются со скрытым сопротивлением, он начинал суетиться, быстро заводился, переходил на эмоции, и в конечном счете впадал в истерику. Понятно, что таким образом добиться авторитета он не мог. Скорее наоборот, становился предметом шуток и зубоскальства.

Возвращаясь к теме празднований на рабочем месте и сопутствующих возлияний, припоминаю еще один случай. Как то раз только-только назначенный начальником Контрольного управления Болдырев (о нем уже было выше) в ходе разговора учуял специфический и легко узнаваемый и понятный всем русским людям запах, исходящий от одного из работников, нашего коллеги по имени Юра (фамилию опустим: человек долго был на госслужбе и до недавнего времени занимал весьма ответственные должности в

правительственном аппарате). В желании немедленно навести дисциплину и покарать виновника столь явного нарушителя дисциплины (человек слегка не трезв на рабочем месте и нигде ни будь, а в Контрольном управлении президентской администрации) Болдырев послал своего тогдашнего заместителя Юдина (имя, к сожалению, не вспомню) найти нашего Юру и безжалостно разобраться с ним. А «заместитель» этот, человек из Магадана, где долго работал геологом, сам был назначен только накануне и в сумрачных коридорах 3-го подъезда совсем никак не ориентировался. Мы сопроводили Юру в один из неприметных кабинетчиков в самой удаленной части 3-го этажа и строго наказали ему тихо сидеть, некуда не выходить и вообще «не рыпаться». Между тем новоиспеченный магаданский «Зам» регулярно заходил к нам с Сашей Захаровым и постоянно спрашивал, где он может найти вот этого Юру. Мы пожимали плечами, включая дурака, и махали рукой куда-то в противоположную сторону длинного коридора с потертой и выцветшей ковровой дорожкой. Потратив на поиски тезки Болдырева (оба – Юрии) достаточно много времени, и поняв, что он начинает выглядеть смешно и все смешнее в глазах новых подчиненных, магаданский «заместитель» Государственного контролера Российской Федерации Юдин быстро и даже, как показалось, решительно свернул поисковую компанию. Вот так мы и спасли нашего Юру от гнева очередного приезжего начальника. Теперь он сам работает на не маленькой должности в правительственном аппарате, и, когда я иногда захожу к нему, мы с улыбкой и легкой ностальгией вспоминаем «минувшие дни» и тот эпизод летом 1992 года в 3-м подъезде на Старой площади.

Летом многие мои соседи по кабинетам выходили размяться в скверик прямо напротив наших окон. Особенно был популярен променаж после обеда. Поскольку 3-й подъезд не соединен со столовой для того, чтобы подкрепиться приходилось обязательно выходить на улицу, затем поворачивать направо в Ипатьевский переулок и следуя мимо красавицы церкви «Живоначальной Троицы в Никитниках» добираться до «стекляшки», центральной столовой всего комплекса зданий на Старой площади. Сразу после обеда в хорошую погоду ноги сами несли тебя на «природу», на Ильинский сквер, островок зелени между Славянской площадью и памятником героям Плевны. Тогда я еще не знал, что это место входит в список типовых локаций представителей московской гей-культуры, да если честно, до начала 90-х годов я и гея-то никогда живого не видел, только на картинках в глянцевах зарубежных журналах. При словах «гей», мне на ум сразу же приходило что-то из древнегреческой мифологии. Где-то в подсознании вырисовывался образ древнегреческой богини. Ну, конечно, же! Гея – это символ плодородия, мать Зевса, и много там еще всяких историй с ней связанных. Сколько бы раз мы

не переезжали великая книга Куна «Мифы и легенды Древней Греции», в черном переплете с золотым теснением, всегда переезжала с нами. Она никогда не покидала семью. Даже когда пару раз не удалось ее найти (дочь просила), я никогда не сомневался, что книга Куна где-то недалеко, затаилась на какой-то отдаленной полочке. Надо только хорошенько порыться, и она тут же явится, слегка пожелтевшая, в легком чехле из пыли, со своим непередаваемым ароматом. В общем в то время этот ныне ставший модным специфический вокабуляр (гей, гендер, трансгендер, полиамория, etc) был мне абсолютно неизвестен.

И вот как-то в один хороший летний денек, решаю я прогуляться в славном Ильинском скверике. Заядлым послеобеденным прогульщиком, я, к слову сказать, совсем не был. Однако в тот момент были у меня какие-то мысли, которые необходимо было перекурить, побыть наедине с собой в расслабленной обстановке. А что может быть слаще и умиротворяюще, чем сидеть в самом центре города на лавочке, в тенечке и пускать в московское загрязненное автомобильными выхлопами небо дымовые никотиновые колечки.

Ну, так вот. Захожу я в скверик, прохожу мимо часовни памяти героям Плевны, и направляюсь себе пешочком вниз, в сторону Славянской площаи. Не доходя до памятника Кириллу и Мефодию, присаживаюсь на скамеечку, достаю сигаретку, закуриваю, и погружаюсь в себя. Через какое-то недолго время боковым зрением замечаю цветастую фигуру мужского пола, которая присаживается на другой край моей скамеечки. Поворачиваю голову и вижу молодого нестриженного парня в джинсах и яркой цветастой рубашке, как-то странно смотрящего в мою сторону. Удивили и даже испугали его глаза, таких глаз я никогда ранее не видел. Они были подпернуты мутноватой поволокой, через которую проскальзывали искорки лукавства и чего-то еще мне непонятного. По-моему, с его стороны прозвучали даже какие-то фразы... Чувствую: что-то не так, а что именно – понять не могу. Но, видимо, быстро заметив мое недоуменное и непонимающее выражение лица, парень сообразил, что здесь ловить нечего, встал со скамеечки и специфической вихляющей походкой двинулся вверх по скверику, по направлению к «героям Плевны». Задний карман его линялых джинсов был полностью вырезан и в этом месте откровенно светила неприкрытая ягодица.

Эффект потрясения был достигнут, я достаточно долго, онемело, смотрел на эту картину, лихорадочно соображая, что мне предпринять: то ли звать милицию (да, где ее возьмешь в это время и в этом месте), то ли самому бежать за «хулиганом», чтобы «дать ему в рог». Пока я соображал таким образом, «хулиган» скрылся за ветвями деревьев. Отложив газету, еще некоторое время сидел я на скамеечке, медленно отходя от увиденного и

порадившего. Когда на следующий день поделился с коллегами впечатлениями от увиденного, меня чуть не подняли на смех.

- Чего, ты, правда, не знал, что этот скверик – излюбленное место встреч «голубых»?

- Нет, не знал, откуда мне знать? – отвечаю вполне искренне.

- Ну, ты даешь! ...

Оказывается, для большинства обитателей второго и третьего подъездов Старой площади, выходящих на Ильинский сквер, уже тогда не было большим секретом, что данная локация – место вполне известное как негласная база московской гей-тусовки. Когда оно стало таким сказать затруднительно, предположу, что в конце 80-х, в перестроечные времена, но к 1993 году, когда произошла описанная выше моя неожиданная встреча с представителем нетрадиционных ценностей, сквер уже стал своего рода достопримечательностью нашего города. В хорошую погоду, ближе к вечеру, особенно по пятницам, там прогуливались эти самые загадочные «нетрадиционные»... Как гласит одна побасенка, за границей такой вид «отдыха» называется «круизом»: выходите на свежий воздух и гуляете, пока не встретите некое заинтересованное лицо, после чего можно уже и не гулять.

«Джем» в 3-м подъезде

Большой успех всегда требует некоторой неразборчивости в средствах

О.Уальд

Одна из самых запоминающихся историй случилось со мной в 3-м подъезде летом 1994 года. Сижу я себе спокойно в своем кабинете, читаю почту. Вдруг ко мне врывается Вячеслав Керов, коллега, отвечающий в тот момент за дальневосточные субъекты. Человек уже немолодого возраста (как выяснилось впоследствии почти на двадцать лет старше меня), работник, как он часто с гордостью представлялся, аппарата Верховного Совета СССР. Вид у него был напуганный, очки сползли куда-то в сторону.

- Ты можешь ко мне сейчас зайти? - вбегая в кабинет, кричит Керов.

- Ну, могу, а что? Что случилось?

- Понимаешь, пришел ко мне какой-то странный человек. И говорит такие вещи...

- Какие вещи?

- Пойдем, сам послушаешь...

- Хорошо, иду, но ты скажи в общем, в чем проблема? – продолжаю интересоваться я.

- Он говорит, что хочет стать.... губернатором Хабаровского края и просит ему как-то помочь.

- Чего-чего?

- Идем же, я не хочу оставаться с ним один на один.

И вот входим мы в кабинет Керова. Посередине комнаты-кельки на стуле сидит крупный одутловатый мужчина, весьма авторитетного вида и, увидев нас, начинает такой разговор.

- Послушайте, я хочу стать губернатором Хабаровского края. Как это сделать? Посоветуйте. Если поможете, то всем будет хорошо. Мне будет хорошо, вам тоже, ребята, будет хорошо.

Оценив ситуацию и вытекающие из нее реальные – ранее недооцененные – последствия и риски, я начинаю говорить о том, что мы, мол, мелкие сошки, находимся на самом низу управленческой пирамиды, и ничего не решаем.

- А кто решает? – настойчиво вопрошает незванный гость.

- Президент, помощники Президента, помощники по региональным вопросам, – пытаюсь осторожно отнекиваться.

- Ну, так познакомьте меня с помощниками. Давайте я к ним сейчас зайду, – рубит резко настойчивый посетитель.

- Они не здесь. Они в Кремле сидят, – поддакивает мне Керов.

- Так помогите попасть к ним..., – гость был преисполнен решимости любой ценой дожать вопрос.

- Ну, Вы знаете, ведь это большие, очень большие начальники. Мы не можем, не наш уровень, это Вы как-то сами, – стараюсь из-за всех сил поскорее свернуть ставшую сползать в ненужную колею беседу. Всем своим видом мы отчетливо даем понять посетителю, что он обратился не по адресу.

Однако тот не понимает или делает вид, что не понимает, продолжая активно, с неподдельным энтузиазмом, призывать нас помочь ему во что бы то ни стало стать губернатором дальневосточного субъекта Федерации.

- Смотрите, ребята. Что вам, Москве, надо? – громко декламирует гость. И сам же продолжает:

- Да чтобы в крае был порядок, чтоб во главе был человек, способный этот порядок навести. Сейчас губернатор ничего не контролирует и не решает, а если я стану руководителем края, все будет под контролем. И под моим. И под вашим. У меня милиция будет как шелковая, все будут как шелковые, да я все вопросы порешаю. И вам, ребята, поверьте, будет хорошо... очень хорошо, поверьте.

Но я уже давно понял, что надо поскорее все это дело сворачивать и деликатно выпроваживать гостя. Опять начинаю вполне осознанно разводиться

тягомотину про нашу некомпетентность, отсутствие делегированных полномочий и т.д., и т.п.

В конечном счете товарищ сообразил, что люди мы – «пропащие», что с нами каши не сварить и, видимо, про себя махнул на нас рукой. Неожиданно гость резко встал и направился к выходу.

- Скажите, пожалуйста, а как Вы к нам попали, кто Вам пропуск заказал? – крикнул я вдогонку.

На секунду замешкавшись перед дверью, посетитель буркнул что-то невнятное и покинул кабинет.

Еще несколько дней эта история не выходила у меня из головы. Надо бы навести справки, думал я, попытаться узнать, что это за инфернальный персонаж такой. Мобилизовав имеющиеся под рукой информационные и административные ресурсы (все же Старая площадь – не последнее место в этом плане), сделав несколько звонков и пообщавшись со знающими людьми я более-менее составил искомую картину. И не очень-то, удивился, когда достоверно узнал, что к нам приходил не кто иной, как господин Васин, широко известный в узких кругах, криминальный авторитет, вор в законе, лидер организованного преступного сообщества «Общак». Он вошел в историю преступного мира России периода 90-х под именами-кличками «Джем» и «Батя». Удалось ли ему попасть со своим вопросом в более высокие кабинеты в Кремле – я не знаю. Что доподлинно известно – это то, что губернатором Хабаровского края он так и не стал. Хотя, как я узнал, когда наводил справки, Васин откровенно называл территорию, на которой действовала его группировка «наше маленькое Палермо». А в эфире одной местной телекомпании «Джем» как-то заявил: «Это мой край, и я хочу, чтобы здесь у меня был порядок». В 2001 году Васин был арестован и вскоре умер в СИЗО Хабаровска, по официальной версии – от сердечной недостаточности.

Не выясненным до сих пор для меня остается вопрос: кто же все таки заказал «Джему» пропуск в 3-й подъезд на Старой площади. Это не мог быть человек со стороны.

Октябрь 1993

*Люди всегда смеются над своими трагедиями,
это единственный способ переносить их.*

О.Уальд

Печальной страницей в истории страны стали события 1993 года, когда Борис Ельцин своим указом № 1400 от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе в РФ» приостановил деятельность Верховного совета. В этот же день, в восемь часов вечера, последовало его обращение к гражданам России. Президент обвинил «разложившейся» как политический институт парламент в кризисе государственности и назначил на 12 декабря 1993 года выборы в Федеральное собрание, новый законодательный орган власти, полномочия которого будут определены соответственно и новой Конституцией Российской Федерации, процедура принятия которой, как и дата должны были только определиться. Этим обращением к нации Ельцин Борис Николаевич дал фактически отмашку кардинальной политической реформе.

Верховный Совет во главе с Хасбулатовым в большинстве своем воспротивился столь беспечному нарушению Конституции РФ в откровенном, да что там – лобовом стремлении из подручных средств вылепить суперпрезидентское государство. Депутатам это не понравилось. Депутатов поддержал тогдашний вице-президент Руцкой и началось...

Взоры противостоящих друг другу лагерей моментально обратились к Конституционному суду, от позиции которого во многом зависело, как будут развиваться дальнейшие события. Как известно, согласно указу № 1400, Конституционному суду было рекомендовано не созывать свои заседания до тех пор, пока не будет сформировано новое двухпалатное Федеральное собрание. Авторы указа, конечно, предполагали, что судьям Конституционного суда данный нормативный акт может не понравиться и постарались обезопасить себя от политико-юридических оценок роспуска парламента. Тем не менее уже вечером 21 сентября состоялось экстренное заседание Конституционного суда, в ходе которого девятью голосами против четырех судьи признали указ № 1400 «неконституционным», что, с их точки зрения, может служить основанием для «отрешения президента Бориса Ельцина от должности». Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, испытывая жесточайшее давление со стороны исполнительной власти и президентских структур, в конечном счете, сложил с себя

полномочия председателя, а ЕБН особым указом о Конституционном суде установил, что его заседания не будут созываться до принятия новой Конституции. Но, кстати, решение Конституционного суда РСФСР об отрешении Ельцина от занимаемой должности президента за грубое нарушение Конституции не отменено до сих пор. Видимо, для всех удобней эту тему никак не трогать. Постараться скорей о ней забыть и вытравить из памяти.

30 сентября в Большом зале Конституционного суда состоялся чрезвычайный сбор представителей субъектов Федерации, который осудил организованную исполнительной властью блокаду «Дома Советов» и высказался за досрочные одновременные выборы как депутатов, так и президента. При этом проводиться они должны были не по ельцинским указам, а демократическим путем, дабы избежать возможных подтасовок.

Дорога известно куда вымощена известно какими намерениями, но жизнь почему-то всегда поворачивается к этим намерениям спиной. Обе стороны уперлись в своих взаимных требованиях и обвинениях. Желания поиска компромисса не было и в помине. Каждая сторона считала, что права она и только она. Даже Патриарх Алексей II, пользовавшийся безусловным общенародным авторитетом, не смог примирить неожиданно резко завраждовавшие стороны. Желание каждой из них применить силу, причем силу вооруженную, чувствовалось с первых же дней противостояния. Но реальная то сила – армия, танки, ОМОН были изначально как раз на президентской стороне.

У возникшего противостояния Ельцина с Верховным советом был и региональный аспект. Часть руководителей регионов не поддержало указ № 1400. Из восьмидесяти девяти действовавших в то время глав администраций российских республик, краев и областей против указа как «неконституционного» выступили четыре региональных руководителя: Александр Сурат в Амурской области, Виталий Муха – в Новосибирской, Юрий Лодкин – в Брянской и Виктор Берестовой – в Белгородской. За что их и постигла верховная кара – снятие с должности. Еще, по-моему, против ельцинского указа высказался тогдашний глава Челябинской области Петр Сумин, но он вроде как не был отстранен от должности, хотя, может, и был. С ним какая-то особая история приключилась. Сейчас точно не припомню.

Но снятие не произошло моментально и одномоментно. Еще около двух недель президентская администрация пыталась разобраться с мятежными губернаторами: в чем причина их антиельцинских заявлений и были ли на самом деле такого рода заявления или это плод креативной деятельности их недоброжелателей и политических конкурентов, увидевших в молниеносно

развивающихся событиях, неожиданную возможность самим занять руководящие кресла.

Абсолютное большинство региональных руководителей, как тертые калачи, ощутив драматическую неопределенность момента, на какое-то время вовсе исчезли из публичного пространства. Кто-то неожиданно оказался в отпуске, кто-то в командировке, кто-то приболел, кто-то просто лег на дно и затих, справедливо решив, что в подобной искривленной ситуации лучше всего забиться в щель, спрятаться и отмолчаться. И только несколько первых лиц в регионах не побоялись озвучить свою позицию или не сочли нужным уклониться от оценки событий. Прошло более двадцати лет с того времени, и сейчас могу уверенно и определенно сказать – это было смелое решение. Чтобы потом о них ни говорили про властные историки и политологи. Какой бы грязью их потом ни поливали наемные комментаторы-пропагандисты. В конце концов – что уж такого криминального совершила эта четверка? Она всего лишь поддержала решение Конституционного суда, который официально признал ельцинский указ № 1400 «неконституционным». Решения, между прочим, до сих пор не отмененного. Если кто сомневается, отсылаю того в архив Конституционного суда или в дебри современных поисковиков. Эти четыре руководителя нашли в себе силы публично не согласиться с институализацией конституционного беззакония. Только и всего. И в этом, собственно, вся их «вина».

До сих пор в публикациях по новейшей истории России не нашел я объективную и целостную оценку событий октября 1993 года. Мнения разные, можно сказать – полярные. Как будто существуют две исторические правды. Они живут рядом друг с другом, параллельной жизнью. И самое грустное то, что это почти всех устраивает, не только двоечников-агитаторов, но и увы, профессиональных историков, как из консервативного, так и из либерального лагеря. Вот, например, цитата из статьи Владимира Пастухова из «Прощание с революцией», размещенной на сайте Republic: «Октябрь 1993 года – это точка бифуркации, из которой возник весь современный «русский мир». Одним до сих пор кажется, что это была революция, подарившая России Конституцию. Другие полагают, что это была революция, уничтожившая российскую Конституцию...

Тема трагедии октября 1993 года, причин ее породивших, не только не популярна, но практически табуирована. А почему? Да, не несет она гражданский мир. А не несет именно потому, что до сих пор не только не представлена объективная картина произошедших трагических событий (с этим как раз более-менее), но не дана взвешенная, глубокая историческая оценка причин и мотивов, их породивших. Ведь полноценного, исчерпывающего, всепрощающего примирения обоих лагерей так и не

произошло. События осени 1993 глубоко раскололи творческую среду. «Письму сорока двух», обращению большой группы литераторов «демократического» лагеря, осуждавшему «преступную политику» Верховного Совета противостояли выступления ряда известных писателей патриотического плана (А. Проханов, В. Белов, Ю. Бондарев). Сейчас рана немного зарубцевалась, но не заживает. И не заживет ...

Когда, проходя от станции метро «Краснопресненской» кольцевой линии в направлении «Белого дома», останавливаешься у островка «Мемориальная территория 1993» и всматриваешься в фотографии жертв октября девяноста третьего, невольно охватывает космическое чувство неверия в то, что это происходило на самом деле. Оглядываюсь вокруг: цветущая, благоустроенная Москва, сигналищие в пробках иномарки, фланирующие в сторону Зоопарка мамы с детьми. И вот рядом – это гудящее напоминание произошедшей беды. Напоминание того, что двадцать пять лет тому назад, здесь произошел молниеносный, но от этого не менее жестокий, эпизод гражданской войны, когда русские стреляли в русских. Непонятно за что и неясно зачем. Разве такое вообще возможно в нашем городе? А сколько людей погибло – до сих пор никто точно не знает. За прошедшие годы встречал я разные оценки. Последнее время со ссылкой на официальные источники называется цифра – 124 человека у Белого дома и 46 при «штурме» Останкино. То есть всего – 170 человек. Встречал я и другую цифру погибших – 158 человек. Но лично я в нее не верю, и все, кого я знаю, и кто был в Москве в это время, хотя и по разные стороны баррикад, тоже этим цифрам не очень-то доверяют. Некоторые считают, что эта цифра занижена в несколько раз. Проблема в том, что участвовавших в событиях объективных свидетелей удивительно мало. Если кто-то и жив, то предпочитают молчать. В публичке вызывающих доверие высказываний практически нет. Вот, например, бывший вице-президент России Александр Руцкой утверждал в одном из интервью, ссылаясь на анонимных очевидцев, что «у здания Верховного Совета погибло более полутора тысяч человек», тела которых ночью якобы были вывезены баржами по Москве-реке. Но он лицо заинтересованное. Верить этим словам не просто неправильно, но и опасно. Можно трагическим образом потерять исторические ориентиры.

Во время штурма, захваченного террористами 26 октября 2002 года здания на Дубровке, где шел мюзикл «Норд-Ост», погибло 130 человек. Ужасная трагедия. Непреходящее горе сотен людей, чьи дети, братья, друзья не вернулись с этого злополучного представления. Но их имена по крайней мере известны, они выбиты на стене возникшего здесь мемориала. А количество погибших в Москве 3 и 4 октября 1993 года так и остается

неизвестным, и боюсь, останется надолго, может быть, навсегда. Никто не хочет ворошить ужасы прошлого...

Горло перехватывает, когда читаешь простые русские фамилии – Виноградов, Кузьмин... Как много молодых ребят, убитых неизвестно кем и неизвестно для чего. Как теперь живут их матери, дети, вдовы? Что они думают? Какой высокой цели послужила гибель их родных? Да никакой! Нет такой цели! Никакая «поэтапная конституционная реформа», никакое «приостановление деятельности Верховного Совета», никакие пропагандистско-помпезные вербальные декларации о «защите демократии» не стоят жизней этих ребят. Кто же из нас не помнит знаменитую фразу классика про «слезу ребенка» если она уместна в данном контексте? А что происходит или произошло с судьбами тех людей, кто целился в случайных зевак или неугомных обезбашенных пацанов, искавших приключений на свою... и нажимал на спусковой курок? Восстанавливается ли, хотя бы и потаенно, да и будет ли когда-нибудь восстановлен баланс вселенской справедливости. На чьи головы и, когда же падет небесная кара? Нет ответов на эти вопросы. Я их искал и не нашел. Найдет ли кто-нибудь, когда-нибудь будь? Захочет ли найти? Ведь живы еще основные «герои» тех событий? Здравствует и занимается бизнесом Руцкой, читает лекции в «плешке» Хасбулатов. Да люди и из президентского лагеря – Станкевич, Филатов, иные статусные «демократы» первой волны еще на плаву и все вроде как при деле. Но как только доходит дело до воспоминания о тех событиях, до анализа и исторических оценок (а это бывает крайне редко, последний раз на двадцатилетие октябрьских событий в 2013), представители обеих лагерей повторяются те же штампы двадцати пятилетней давности. «Победители» традиционно воспроизводят придуманную ими самими героическую версию событий и их роль в этих событиях как сказочных персонажей. И ощущается явственно, почти физически: вся правда не сказана, объективная, взвешенная историческая оценка не дана. Главное осталось за скобками, стало фигурой умолчания. И скрывается она там, где ее никто не ищет. Отзвуки настроения около пяточка «Мемориальная территория 1993» я нашел в стихотворении Дмитрия Быкова «Военный переворот»:

Полная тишь, голубая даль,
 Вязкий полет листвы.
 Кто победил – еще не понять;
 Ясно, что все мертвы.

Так завершается большинство
Штурмов, штормов, атак.
Мы ли не знаем, после чего
Тоже бывает так?..

Нормальному человеку трудно сохранять объективность в отношении событий, оставивших глубокий эмоциональный след в его жизни. Мы же все (ну, почти все) рано или поздно изменяем избранным еще в юности идеалам, и не оправдываем собственных ожиданий. Но глупая самонадеянность мешает нам, образованным, современным людям, откровенно признать свои ошибки, зачастую граничащие с заблуждениями.

Даже тогда, когда мы далеко не молоды и казалось бы, что подходит время собирать камни. А уж если речь идет о политиках?! Или, что еще хуже, о политических содержанках и содержанцах? Отступить назад, сделать паузу, выждать мгновение пока пройдет внезапный гнев и раздражение – это не для нас, это считается позорной слабостью. Давить, гнобить, ломать, рвать в клочья противника, рыча и рыгая, – вот признаки силы, основанной на первичных инстинктах и потому всеми у нас в стране уважаемой. Но разве насилие, чем бы оно не руководствовалось или какими бы словами и декларациями не прикрывалось, способно вызвать уважение, которого так жаждут увидеть от своих подданных правители? Нет, конечно, нет... Еще в оные времена император Марк Аврелий как новоявленный адепт, исповедующий стоические идеалы мудреца Сенеки, учил подданных побеждать тревожность, боль и гнев, исходя из установки, что наши проблемы производны не столько от событий, сколько от их интерпретации.

Согласно философии стоиков, счастливую жизнь может вести лишь тот, кто выполняет свой долг, действуя при этом в соответствии с человеческой природой и в любом состоянии сохраняя контроль над негативными эмоциями. Деятельная жизнь при сохранении бесстрастия – вот высшая точка атараксии. Но мы не тянем, не способны на такое. Мы ведем тусклую жизнь, не хватает эмоций, не хватает страстей. Поэтому мы и ищем их, где попало. Даже там, где не следует.

А сегодня наблюдаешь происходящее вокруг, и ощущение такое как будто мы из нашего времени перенеслись на тысячи лет назад, в эпоху зарождения первых цивилизаций и становления иерархий, когда сильнейший, размахивая дубиной, горел желанием проломить соплеменнику череп, тем самым ясно и явно показать всем остальным свое доминирование, свое безоговорочное господство над их телами и душами. Даже на рубеже тысячелетий люди так и не научились общаться без насилия, что не может не вызывать недоумения. Но так устроен маркетинг любой власти: интенсивно,

ни на миг не ослабевая распространять свой богоподобный образ, ломая и перемалывая кости несогласных.

Многих давно печалит состояние архитектурных памятников в Москве. Но облик мемориальных знаков у стадиона «Красная Пресня», посвященных событиям осени 1993 года, наводит глубокую грусть. Просто в недоумение. Вроде они есть и как бы их нет. По их внешнему виду, по состоянию в котором они, эти знаки, пребывают, понимаешь, что не власть их установила и поддерживает и что не она заботится об этой памяти. Ей это не надо. Скромный памятник «Защитникам Белого дома» напротив входа на территорию Зоопарка, у Крестовоздвиженской часовни, спрятан за деревьями и летом за густой листвой его почти и не видно. Есть еще один небольшой мемориальный знак на углу территории стадиона «Красная Пресня», перед входом на проходную Дома Правительства. Надпись на нем: «Здесь погибли патриоты 1993 года». Он скромный, неприметный и непримечательный. Видимо потому, что это не тот навязчивый государственный патриотизм, который культивируется ныне, о котором трубится со всех федеральных каналов. На патриотизм вдохновенного личного участия образца 1993 года, сегодня спроса нет.

Если спросите у нынешних 20-летних или 30-летних, что они знают, что могут рассказать о тех событиях, думаю, они лишь пожмут плечами и не ответят ничего. Они ничего об этом не знают. Да им и не хочется знать. Им не интересно. У молодежи столичной слишком много текущих трепетных тем и проблем, чтобы еще заморачиваться тяжелыми историями из не очень далекого прошлого. Долго я не мог заставить сына найти час-другой, чтобы доехать со мной до станции «Краснопресненская» кольцевой линии и пройти по Дружниковской улице. Своими глазами увидеть фотографии безвинно погибших мальчиков, у которых какая-то черная мрачная сила отняла и будущее, и саму жизнь. Вот так и происходит подмена исторической памяти политическим мифом.

Да если быть до конца искренним перед самим собой, сам я тоже не в состоянии держать постоянно в голове эту трагическую страницу новейшей истории. Восприятие ее связано, очевидно, с «эффектом присутствия». Как только я оказываюсь на Дружниковской улице, а районе стадиона «Красная Пресня», сразу же неизбежно погружаюсь в октябрь 1993 года. Но когда покидаю его, уходит и тяжесть, вытесняемая текущей бытовой повесткой. Так, очевидно, человеческая психика защищает себя. И ничего тут выдающегося нет. Все мы считаем себя особенными, но лишь до какого-то предела. А за ним – становимся такими как все. Хотя продолжаем втайне думать о себе: слишком дикий, чтобы жить, слишком редкий, чтобы сдохнуть...

И это не кино и не театрализованное представление, и даже не иммерсионное шоу.

Командировка в Благовещенск. Сурат

Бессмысленно делить людей на хороших и дурных. Люди бывают либо очаровательны, либо скучны

О.Уальд

Буквально на следующей день после появления в администрации информации о «крамоле» в отдельных регионах, а именно 22 сентября 1993 года, я получил предписание лететь в Благовещенск для анализа ситуации вокруг тогдашнего главы администрации Амурской области Александра Сурата. Местный представитель президента Григорий Никандров вовремя подсуетился и быстро «доложил» в Москву, что Сурат вроде как не поддержал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», проявил нелояльность, так сказать, и фактически встал на сторону «антидемократической оппозиции» и так далее и тому подобное. И машина завертелась...

Сурата я до этого не знал. Вообще никак. Не был знаком лично, даже не слышал о нем. Ну что такое для федерального центра Амурская область? Далекый, депрессивный регион. Кто вообще о ней слышал и имел в виду? Но вот выпало, довелось. В Благовещенске меня тихо встретили представители городских властей, и также тихо поселили в гостинице в центре города, на берегу Амура. В солнечные дни из окна просматривался китайский берег. По утрам я долго пил чай из огромного цветастого китайского термоса и смотрел в сторону китайцев. Но ничего особенно не примечал. Пустой берег. Не то что сейчас.

Начал встречаться с информированными людьми, чтобы дать взвешенную и по возможности правдивую оценку действий главы администрации сразу же после оглашения «исторического Указа».

Вырисовывалась следующая картина. В первые часы после объявления Указа 1400 тогдашний представитель президента Григорий Никандров быстренько сообщил куда следует о «нелояльности» главы администрации Амурской области Сурата, который, мол, осудил исторический президентский Указ. Обстоятельно разбираться так это или не так, копаться в деталях – где,

когда, с кем, в каком контексте – никому по большому счету на Старой площади не хотелось. Условная, умозрительная граница между «своими» и «чужими» там была уже проведена. «Чужие» (читай – «враги») должны обязательно быть. Не может так статься, чтобы их не было. Наличие врагов – это в принципе базисная составляющая любой политики как процесса конкуренции одной части государственной элиты с другой за умы и сердца граждан своей страны. Постсоветская Россия не составляет здесь исключения. И если к стану «врагов» примкнет еще несколько человек из лагеря «своих», то это ничего уже не могло поменять в головах ельцинского окружения. Горе «изменникам» и перебежчикам из исполнительной власти! Наказание неотвратимо!... В высших эшелонах власти утешали себя тем, что нелояльных персон в исполнительной власти оказалось не так много, как можно было бы предположить. Всего-то несколько человек, меньше, чем пальцев на одной руке. И все они – где-то далеко от Москвы, на периферии. Но без скрытых «врагов», реальных или выдуманных обойтись никак нельзя. Окружение «первого всенародно избранного президента» опьяняло предчувствие скорой победы, за которой неизбежно последует «раздача слонов» – почестей, наград должностей. Поэтому уличить еще одного «окопавшегося врага», ущучить его – милое сердцу дело. Чем громче орешь: ату их, ату, тем мягче погладят по шерстке и быстрее дадут сладкую косточку.

Вовремя разоблачив скрытых врагов и «перебежчиков», можно заработать себе дополнительные очки, новые должности и чины. А за чинами следуют и другие дополнительные бонусы. Но для порядка следовало произвести «разбор полетов». Поэтому чтобы как – то сохранить лицо и продемонстрировать объективность, в регионы к этим крамольным губернаторам было послано несколько чиновников из президентской администрации и правительства с заданием «разобраться на месте». При этом подразумевалось: разобраться в нужном ключе и доложить, как наказать. Прощения, вытекающего из понимания, не предусматривалось. Вместе со мной в Благовещенск от правительства был послан тогдашний заместитель руководителя Таможенной службы, руководитель оперативной таможни, Валерий Драганов.

Когда мы прилетели, ситуация в Благовещенске выглядела несколько зависшей. С одной стороны, Сурат продолжал все еще оставаться главой администрации, а с другой, – все понимали, что положение его резко пошатнулось, он выпал из доверия федерального центра. Однако для того, чтобы принять окончательное решение о его снятии, нужны были более серьезные и проработанные аргументы (или хотя бы претендующие на то, чтобы казаться таковыми). Такая нейробиологическая сложность «избытка выбора» перегружала когнитивный аппарат.

В Благовещенске пробыл я чуть больше недели, оказавшись между двумя противостоящими друг другу локальными про властные группировки. С одной стороны – администрация Сурата, с другой – Никандров, Полеванов, претендующий с подачи того же Никандрова на губернаторство и какая-то неопределенная явно немногочисленная группа их сторонников, сделавшая ставку на кадровую перетряску и, очевидно, надеявшись в случае замены действовавшего губернатора значительно улучшить свой локальный статус.

Полеванов, по образованию геолог, на тот момент занимал должность председателя Амурского комитета по геологии и использованию недр.

Хорошо помню, что на встречу с нами он пришел в огромных резиновых сапогах, как будто – прямо из тайги. Было ли это случайно (человек во второпях не успел переодеться) или элемент некой игры, рассчитанной на публику игры, но эта мелкая деталь почему-то отчетливо врезалась в память. Полеванов в присутствии Никандрова стал обильно поливать нас с Драгуновым потоками слов о его беззаветной преданности президенту Ельцину и о «предательстве» Сурата и его команды. То, что он метил на пост главы области стала понятно с первых секунд разговора. Полеванов не был коренным амурчанином. Как геолог, он долго работал на Колыме (Магаданская область) и приехал в Амурскую область буквально за несколько лет до известных событий. Держался в стороне от политики, но в период «горячей осени» 1993 года оказался, и думаю с определенным расчетом, в центре взбудораживших тихую Амурскую область событий.

Мы с Драгановым понимали, что Сурат – вполне грамотный управленец и достаточно цельный человек со сложившимися меритократическими представлениями и понятиями. И вел он себя в ту неделю крайне достойно. Не оправдывался, от своих ранее сказанных слов не отказывался, предоставив центральной власти сделать свой выбор. Мы даже косвенно намекали не самому Сарату, конечно, но людям из его окружения, что если Александр Владимирович «покается» и направит телеграмму Ельцину, из которой бы следовало, что он поддерживает действия верховной власти, даже не прибегая к оправданиям за ранее данные оценки. Это, несомненно, будет способствовать смягчению «царского» гнева, и сохранению его руководящих позиций. Ну, не хочет Ельцину, пусть хотя бы Шахраю направит (Сергей Шахрай в то время был заместителем председателя правительства, отвечавшим за работу с регионами), а там, в Москве уж сообразят, как подать этот вопрос в целях сохранения status quo. Драганов как руководитель оперативной таможни параллельно и, главным образом, занимался именно своими профессиональными делами. Большую часть нашего пребывания в Благовещенске он находился в разъездах. Я же был предоставлен сам себе и значительную часть времени проводил или в гостинице, или задумчиво,

прогуливаясь по набережной Благовещенска, периодически всматриваясь в далекий противоположный китайский берег. Справедливости ради надо отметить, что один раз меня местные силовики все же попытались вывезти и пригласили на охоту. Поскольку охотник я – никакой, то по началу, было, я отказался. Но поскольку надо было хоть чем – то себя занять, поразмыслив немного, в конечном счете, согласился. И не пожалел. Тогдашний начальник Управления Министерства безопасности по Амурской области (Федеральная служба контрразведки было создана только в декабре 1993 года) заехал в тот день за мной невыносимо рано, в семь утра (по московским меркам – полночь). Но это никак не сбило мой настрой, поскольку я – от природы жаворонок, и встать даже в 5 утра – для меня не проблема. Возможно, что это – мутацию гена, отвечающую за ранний подъем, хотя, на самом деле, черт его знает, в чем тут причина, в наследственности или еще в чем.

Затем мы с ним полдня с ружьями ходили по нейтральной полосе российско-китайской государственной границы, по пояс в желтой, высокой-высокой, высохшей траве. А иногда и выше, почти с человеческий рост. Охота была вроде на какую-то летающую живность, то ли на тетерева, то ли на куропатку, то ли на фазана. Короче, на птицу. В общем погуляли мы рядом с китайцами от души, и даже вроде какую-то птицу подстрелили. Не я, конечно, подстрелил, а то ли мой спутник, то ли кто-то из сопровождающих, но точно помню, что птица была. Даже привез тушку в Москву, «амурчане» (слово это мне не очень нравится из-за поверхностной ассоциация с Амуром, богом любви, в моем раннем представлении – зефирном младенцем, сидящем в чане с водой) заверили, что трофеей надо непременно взять с собой и показать домашним. Очень затем пожалел, что поддался их уговору. Лена, урожденная перфекционистка, увидев птицу в перьях, сказала, что в магазине она покупает курицу уже соответственно разделанную, а ощипывать амурскую птичку она не умеет, не будет и вообще... Что, у нее проблем больше, что ли нет? В отдельных случаях ее характер Водолея невозможно обуздать и разумнее – даже не пытался. Поскольку я догадывался, что с этой птицей проблемы у нее все же появились, и вот-вот появятся и у меня, стоически согласился самостоятельно лишиться птицу всех перьев. Выяснилось вскоре, что явно погорячился с таким смелым заявлением. В нашей измайловской хрущевке, на межлестничной площадке второго этажа, я с остервенением в течение двух часов вырывал пух и перья у дичи (все-таки это был, скорее всего, фазан), удивляя и пугая проходящих соседей. Но этого оказалось мало. Надо было еще очищенную тушку опалить. Жена категорически отказалась пускать меня с этим охотничьим полуфабрикатом на кухню, пришлось разводиться самодельный костерок прямо у двери подъезда. Поскольку народ у нас проживал простой и в меру нелюбопытный, а подъезд

достаточно зловонный, каких-либо жалоб и заявлений о невыносимой вони удалось избежать.

Кроме этого, эпизода, никаких иных ярких моментов моего «сидения» в Благовещенске припомнить не могу. Хотя были встречи с представителями местного бизнеса, правильно подобранной так называемой «общественностью», и всякими иными «влиятельными» людьми, включая активистов местного криминала. Тогда в Благовещенске нам казалось, что Сурат устоит, что грязь, которую льют на него Никандров и руководитель амурской геологии, к нему не прилипнет, и не затуманит взгляд Москвы. Можно было понять обе противоборствующие строены, ведь ставка – должность главы области. Если брать каждого по отдельности, не такие уж они все плохие. А вот ведь случилась ситуация: вцепились друг в друга зубами, и понеслось, будут колотить друг друга, до изнеможения, до упора, по принципу - или тычинка вдребезги или пестик пополам.

Лететь из Благовещенска в Москву долго, почти 8 часов. В самолете я даже набросал проект записки, в который «в целях обеспечения стабильности и важности решения текущих хозяйственных задач» подводил к выводам о целесообразности сохранения Сурата на посту главы администрации Амурской области...

Но...

Как всегда, все решили события в Кремле и вокруг Кремля. 3 октября в столице началась стрельба, было введено чрезвычайное положение... Начался штурм Белого дома... И все пошло не так. Все стихийно покатилося совсем в другую сторону: буйно, громко, непредсказуемо.

Поздно вечером 3 октября 1993 года самолет из Благовещенска приземлился во Внуково. Зал ожиданий был забит людьми. Автобусы, маршрутки, любой иной транспорт – все было отменено из-за чрезвычайного положения, даже такси. Когда все снова заработает и заработает ли вообще когда-нибудь – никто толком не знал. Информация полностью отсутствовала. Люди были в замешательстве, многие напуганы неопределенностью и непредсказуемостью происходящего.

Согласно сложившейся за время многочисленных командировок практике, позвонил в правительственный гараж (заказал машину еще до вылета в Благовещенск), где мне подтвердили, что машина будет (пропуска на автомобиле из правительственного гаража уже были частично оформлены). В ожидании машины я вышел на пустую, площадь перед аэропортом, закурил, минут через десять – пятнадцать показалась черная «Волга». Единственная на всем огромном пространстве. Сразу понял, что – за мной. Подняв вещички, начинаю встречное движение. И тут ко мне подбегает полный человек южной, кавказкой наружности и, видимо, понимая, что это единственный для него

шанс добраться до города, начинает меня уговаривать взять его с собой в качестве попутчика. При этом откровенно, громко, вслух, чтобы слышал и водитель, сообщает, что он всех «отблагодарит», ему ведь срочно и обязательно нужно в Москву, он не может ждать и т. д.

Пришлось, конечно, вежливо отказать, что поставило московского гостя в недоумении, явно читавшегося по его помятому с двухдневной щетиной лицу.

Но вот мы наконец тронулись и быстро, не встретив по дороге ни одной машины, домчались до МКАДа. Въехали в город. Странную картину представляла собой Москва в ночь с 3 на 4 октября 1993 года. Мы ехали по ярко освещенному и совершенно пустому Ленинскому проспекту. Горели фонари, работали светофоры, но не было ни одной движущейся машины. В темных дворах были заметны силуэты припаркованных авто, но трасса, правительственная трасса, какой в то время являлся и до сих пор является Ленинский проспект, была абсолютно пустой, как будто вымершей. Что-то напоминающее пустынные пейзажи из «Сталкера», когда, помните, герои фильма передвигайся на дрезине среди давно покинутых людьми и заброшенных нездешних местностей.

Водитель тоже чувствовал себя как будто не в своей тарелке и рассказывал разные жуткие истории о том, что присланный в Москву саратовский ОМОН особо не церемонится при проверке документов. даже паре водителей из правительственного гаража, по его словам, ударом приклада через приоткрытое окно выбили зубы и повредили лицо, когда на требование предъявить документы, они полезли за этими самыми документами во внутренний карман пиджака. А водители из правительственного гаража, согласно установленному дресс-коду, выходили на работу всегда в костюме и при галстуке. Действительно, как позже подтвердилось, в Москву были присланы части ОМОНа из Красноярска, Смоленска и Саратова. Нигде об этом не говорилось, но было понятно, что основной мотив такого решения – это то, чтобы у бойцов, из которых укомплектованы соответствующие подразделения внутренних войск, не было никаких связей (человеческих, родственных, любых иных) с москвичами. Видимо, где-то предполагалось и допускалась возможность сопротивления введенному «контингенту».

До настоящего времени в публикациях по новейшей истории не нашел я объективную, честную и глубокую оценку событий октября 1993 года. Не популярна эта тема. Не несет она гражданский мир, а не несет именно потому, что не дана не только исчерпывающе объективная картина произошедших трагических событий (с этим как раз более-менее), а не произведен анализ причин их породивших.

Когда, проходя сегодня от Краснопресненской кольцевой к Белому дому, останавливаешься у островка «Мемориальная территория 1993» и всматриваешься в фотографии жертв октября, невольно охватывает космическое чувство неверия во все тогда произошедшее. Цветущая, благоустроенная Москва, фланирующие в сторону Зоопарка люди, и вот это гудящее напоминание, что двадцать пять лет тому назад, здесь, в центре Москвы, произошла маленькая до сих пор непонятая и необъяснимая гражданская война.

Полярность мнений и оценок, ярость осуждений и разоблачений не ослабевают. И ощущается явственно, почти физически, вся правда не сказана, что она с молчаливого согласия сторон тщательно скрывается. И она, правда эта, находится там, где ее никто не ищет. «По своим не стреляют» – это верно. Но это лишь промежуточный вывод. Окончательные итоги не подведены.

Вспомним трагедии всероссийского масштаба последних двадцати лет: гибель подлодки «Курск» в 2000 году, Беслан в 2004, недавний пожар в Кемерово. Всегда по таким грустным поводам власти предерживающие патетически-изысканным тоном говорят много внешне сочувствующих фраз. Но все равно все это выглядит натянуто и казенно. Нет в этой казенной риторике ни малейшей доли искреннего сострадания, нет даже малой толики человеческого проникновения. К сожалению....

По безлюдному, оцепеневшему, замершему в непонимании городу, к полуночи добрался до Измайлова, до своей 15-й Парковой, полный решимости рано утром поскорей очутиться «в офисе», чтобы отдать в печать записку о реальном состоянии дел в Амурской области и как-то реабилитировать Сурата в глазах верховной власти. Тогда чиновники еще не печатали свои справки, отчеты и служебные записки самостоятельно, а отдавали рукописные тексты в машбюро.

Но на следующий день, 4 октября 1993 года, как только рано утром вошел в 3-й подъезд на Старой площади, моментально узнал, что в отношении «нелояльных» губернаторов, не поддержавших» Указ № 1400, «решение принято», и соответствующие документы уже подписаны, в том числе и указ о снятии Сурата. А на место главы администрации Амурской области назначен как раз Владимир Поливанов, бывший руководитель амурской геологии.

Трудно описать мою первую реакцию. Она была скрытой, но бурной. Слов не было – одни буквы. И тех, что называется, несколько. Отправлять губернатора в отставку только за согласие с мнением Конституционного суда – так себе решение. Все надежды донести истинную картину, «достучаться до небес», в один момент рухнули. Сразу стало как-то грустно, руки опустились, как они опускались и позже не раз, когда доводы рассудка и жажда

справедливости вынуждены были уступать импульсивным сиюсекундным начальственным директивам.

Местная амурская пресса сразу принялась облизывать нового регионального начальника. Помню, одно издание, охая и ахая, явно желая активно прогнуться перед Москвой, взхлеб восторгалась первыми шагами Поливанова, которые, по его смелым утверждениям, буквально «поразили всех». В противоположность предыдущему губернатору Поливанов якобы стал выступать в прямом эфире, назвал свой домашний телефон и призывал недовольных жителей обращаться прямо к нему, чтобы отныне никто из чиновников не мог чувствовать себя в безопасности. В общем наглядно продемонстрировал умение апеллировать к инстинктам толпы, к темной стихии базовых инстинктов, ко всем тому, что в среде политологов и государственных администраторов принято называть «дешевым популизмом».

Через несколько лет, 1996-1999, – в эпоху развернувшихся выборов губернаторов и золотой поры политтехнологов, манипуляторов общественного мнения и фокусников избирательных технологий (пardon за невольную импульсивную, но органичную тавтологию) такого рода жесты стали общим местом всюду проникающего предвыборного популизма. А тогда угрозы разоблачить и покарать нерадивых чиновников многими, следует признать, воспринимались искренне (как, впрочем, и раздававшие с телеканалов призывы Лени Голубков покупать акции МММ и быстро-быстро богатеть).

Но денечки были те еще и рефлексировать по поводу задуманного и не забывшегося особо не приходилось. Буквально через несколько часов нас, нескольких кураторов территорий, вызвал к себе Николай Медведев, совсем недавно назначенный начальником управления по работе с территориями. Вообще то, если быть абсолютно точным, то структурное подразделение это называлось несколько по-другому, а именно – Управления Администрации Президента Российской Федерации по работе с территориями, представителями Президента Российской Федерации, связям с Верховным Советом Российской Федерации. Но поскольку выговорить такое нормальному человеку было, понятное дело, невозможно, не говоря о том, чтобы запомнить, то в служебных разговорах употребляли как рабочий термин укороченное название – «территориальное управление».

Кто такой Николай Медведев и что, собственно, вы о нем знаете? Задайте сегодня такой вопрос любому прохожему. Спросите современного человека, интересующего политикой, про Медведева. И он вам, конечно, ответит, кто такой Медведев и, что он по этому поводу думает. Но бьюсь об заклад, это явно будет другой Медведев, вовсе не Николай. А что же известно широкой публике о Николае Медведеве, который был на двадцать лет раньше,

чем его однофамилец? Уверен что почти ничего. Волна политической конъюнктуры вознесла его, как и многих, стремящихся на развенчании всего советского в начале 90-х годов выстроить свою карьеру, немного поддержала на гребне, а потом опустила вниз, где тут же накрыла другая волна. Выходец из Мордовии, депутат Верховного Совета РФ до октября 1993 года, с энтузиазмом поддержавший Указ № 1400 и разгон Верховного Совета, он совсем недолго пробыл он в аппарате на Старой площади начальником «управления Администрации Президента РФ по работе с территориями, представителями Президента РФ и связям с Верховным Советом Российской Федерации». Характерно, что это сейчас, по прошествии двадцати пяти лет, в редкие упоминания о том историческом периоде и о людях, так или иначе участвовавших в тех событиях в назывании управления пишется – «по связям с парламентом», а не Верховным Советом, как было следовало бы. Слова «Верховным Совет» как-то не явно, но стараются замылить, поскорее забыть, изъять из обращения... Эпистатическая самонадеянность – нежелание признать, что наше знание ограничено.

Начальником управления по работе с территориями Николай Павлович Медведев назначен был Указом Президента № 1363от 13 сентября 2017 года. И тогда и сейчас трудно сказать что-то определенное об этой фигуре. Он вынырнул как будто ниоткуда. В момент его назначения, о нем было известно до неприличия мало: в прошлом депутат Верховного Совета РСФСР, ничем себя особо не проявил, просидел серой мышкой, но, видимо, обладал важным даром вовремя учуять конъюнктуру, и благодаря чуйке этой сообразить, куда клонится чаща весов и быстро на нее вскочить. Как все люди невысокого роста он, судя по всему, был «политиком» (если можно так выразиться) крайне амбициозным, достаточно циничным и энергетически максимально карьероустремленным. Пребывание Николая Павловича Медведева на важных административных постах оказалось недолгим. Очень быстро и как-то незаметно этот наш маленький Медведев канул в политическое небытие. Хотя, конечно, где-то он существует и даже чем-то занимается. И я благодаря интернету и поисковикам даже примерно догадываюсь, чем именно.

Вот что я смог недавно узнать о нем в Википедии: «Медведев Николай Павлович, доктор политических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Российского университета дружбы народов. Один из ведущих ученых России в области федеративных отношений, этнополитической конфликтологии, организации региональной и муниципальной власти. Известный в России государственный деятель 1990-х годов. Народный депутат Российской Федерации (1990-1993 гг.), председатель Комиссии по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Верховного Совета России, начальник Управления по работе с

территориями, представителями Президента и связям с парламентом Администрации Президента РФ (1993-1994 гг.), заместитель министра Российской Федерации по сотрудничеству с государствами-участниками СНГ (1994-1995 гг.), депутат Государственной Думы второго созыва (1995-1999 гг.). Один из разработчиков современной концепции территориально-политического устройства России, Федеративного договора, третьей главы Конституции России «Федеративное устройство». Автор учебника «Политическая регионалистика» (2005 г.), учебного пособия «Этнополитическая конфликтология» (2007 г.), монографий «Субъект Российской Федерации в условиях государственно-правовых реформ» (2006 г.), «Межнациональные отношения и политическая стабильность» (1992 г.), «Национальная политика России: от унитаризма к федерализму» (1993 г.) И т.д. и т.п. Звания, должности, награды... Там еще много всяких регалий, чинов. Но, думаю, дальше продолжать не стоит. И так все понятно... Типичный персонаж внешних статусов в отсутствии смысловых пластов. Все это так не вяжется с тем Николаем Медведевым, которого я помню по событиям осени 1993 года. Ну, да ладно...

Так вот, продолжаю. Созвав, так называемых «кураторов территорий», Медведев распорядился сегодня же отправляться в те области, где были указами Ельцина, сняты «крамольные» губернаторы, позволившие себе усомниться в правоте президента относительно роспуска Верховного совета и давшие собственные, не лицеприятные публичные оценки Указа № 1400. Задача была поставлена – озвучить в регионах эти кадровые указы и, по возможности, «прощупать» ответную реакцию местных элитных группировок. Как озвучить и, зачем вообще все это озвучивать – сказано, естественно, не было. На мою робкую попытку прояснить, а что, собственно, нам делать, какие инструкции и какой порядок, последовал резкий как выстрел ответ, что нечего, мол, в столь горячее и решающее время отвлекать крайне занятых людей ненужными вопросами. Во время короткого напутствующего совещания в кабинете Медведева несколько раз звонил аппарат правительственной связи. Николай Павлович, вскакивал, подлетал к трубке и, исключительно стоя, почти на вытяжку (не присел ни на мгновение), рубленными фразами докладывал и давал ответы на падающие как град на его голову тяжелые начальственные вопросы. Кто-то из коллег, находившихся со мной в кабинете Медведева, тихо шепнул мне, что это звонит Сергей Филатов, тогдашний руководитель Администрации Президента. Судя по манере Медведева докладывать начальству стоя, даже если он разговаривал по телефону, – можно было, и самому догадаться что на том конце – большой начальник. Сразу же после этого разговора мы узнали, что нам как кураторам выпала «высокая честь» лететь в регионы с указами о снятии непокорных глав

администраций. Мне, в частности, – в Новосибирск. Медведев говорил возбужденно, короткими рубленными фразами. Заметно было, что он крайне взволнован.

Больше судьба меня в Амурскую область не забрасывала. Впоследствии я часто думал о Сурате: как несправедливо и незаслуженно с ним обошлась судьба. Человек проявил себя по-настоящему, в остром политическом моменте был честен перед самим собой и принципиален перед общественностью. Не прятался, не уклонялся, как многие другие. Достоинно принял вызов. Дал оценку ситуации, исходя из собственного личностного этического кодекса и понимания устройства миропорядка.

Но попал под властные жернова. Обычная у нас история. Встретиться нам снова не довелось. Много позднее узнал, что уже через год Сурат стал депутатом областного Совета. В 1996 году вошел в состав областной администрации, пробовал еще раз возглавить область, но проиграл выборы. В нулевых годах руководил «Амурскими коммунальными системами», а затем уехал из Амурской области на юг. Последние годы он жил в Геленджике, где руководил МУП «Пшада». Составляя этот текст, специально слазил в поисковики и вот что там нашел о Сурате:

«В пятницу, 2 сентября 2016 года, в Краснодарском крае в возрасте 68 лет скончался Александр Сурат – амурский политик, который в 1993 году возглавлял администрацию Амурской области. Он был вторым губернатором постсоветского Приамурья.

Александр Сурат родился и вырос в Харькове, с 1978 года работал в «Дальвостугле». С ноября 1991 года стал заместителем главы администрации Амурской области Альберта Кривченко. В 1992 году возглавил компанию «Мост» – именно Сурат первым начал продвигать идею строительства моста между Благовещенском и Хэйхэ, актуальную и поныне. В апреле 1993 года его избрали главой администрации области. Но губернатором Александр Владимирович пробыл всего полгода. Во время октябрьского кризиса он поддержал не президента Ельцина, а парламент – Верховный Совет. Поэтому амурского главу отстранили от должности...».

Из воспоминаний бывшего заместителя Сурата Александр Гордеева: «Я был первым замом у Александра Сурата, когда тот стал главой администрации Амурской области. Мы работали недолго – всего с мая по октябрь 1993 года, – Вы знаете, я работал при пяти губернаторах, и могу сказать, что это было самое лучшее время. Это была настоящая команда профессионалов. К сожалению, не получилось долго поработать, не получилось сделать то, что мы могли бы. Александр Владимирович был человеком порядочным, честным, добрым. Эта доброта его в свое время, может быть, и сгубила. Он был отличным семьянином, обожал внуков. В последнее время мы редко

общались. Когда он уехал в Геленджик, сначала работал замом у Юрия Ляшко – они строили в Геленджике аэропорт. Потом, знаю, что он долго трудился на должности зама мэра Геленджика. Эта большая потеря».

Все! По Амурской области – все.

Новосибирск. Муха.

*Как победитель считает себя Богом, так и мы верим, что мы смертны
Делаланд.*

Но возвращаюсь к горячим денечкам осени 1993 года. Как уже упомянул, по воле тогдашнего руководителя управления Николая Медведева, вечером 4 октября мне предстояло лететь в Новосибирск. До меня как до куратора региона и исполнителя в данном случае «высшей воли» было оперативно доведено, что глава администрации Виталий Муха не только раскритиковал неподобающим образом Указ № 1400, но и вместе с председателем кемеровского облисполкома Аманом Тулеевым созвал (или собирается созвать) съезда Советов Сибири, а на центральной площади Новосибирска то ли сам организовал, то ли не препятствовал проведению митинга протеста против «антиконституционных» действий Бориса Ельцина. Принято принципиальное кадровое решение о снятии Мухи с должности главы администрации Новосибирской области и назначении на его место мэра Новосибирска Ивана Ивановича Индинка, правда в качестве исполняющего обязанности. Выбор преемника Мухи не был простым. Первоначально на Старой площади сделали ставку на первого заместителя Мухи Василия Николаевича Киселева. С ним даже провели в Москве некие предварительные беседы и консультации. Но поскольку Киселев был членом команды Мухи, он под разными предлогами уклонился от столь «почетной» миссии. И тогда взоры московского высокого начальства обратились на мэрию Новосибирска.

Никакого практического опыта по снятию губернаторов у меня, московского чиновника средней руки, естественно, не было и быть не могло. Но не было его, впрочем, и у моих начальников. Ни у кого не было. На тот момент в принципе отсутствовала регламентированная процедура снятия с должности высших руководителей регионов, не существовало ни каких-либо инструкций, ни регламентов. Но почему-то непременно надо было лететь с кадровым указом, чтобы лично вручить его преемнику. К кому пришла в

голову эта идея, Филатову или Медведеву, еще кому-то – не знаю. Но фактор личного присутствия при моменте публичного унижения (с легким налетом интеллигентности) одного и возведения на пьедестал другого почему-то считался настолько очевидным, что не подлежал сомнению.

Удивило тогда меня вот это непонятное желание верховной власти не просто уведомить регионального чиновника, даже самого высокого ранга, что он снят и отправлен в отставку без объяснения причин (причины, конечно, обеим сторонам известны, но остаются по общепринятым правилам игры фигурой умолчания), а именно обставить это болезненное по человеческим меркам событие неким непонятным и, в общем-то, ненужным ритуалом – послать гонца с грамоткой. А зачем? Чтобы он, гонец этот, мямлил какие-то невнятные слова, когда и так всем все предельно ясно. Хотя с тех пор прошло более двадцати пяти лет, как-то я все же не уверен, что регламент и закрепленные процедуры снятия (отстранения) высоких региональных начальников существуют в том или ином виде. Слишком много здесь субъективного, личностного, византийского, царедворского. Много от «ручного управления», то есть по сути – капризов одного человека на верху пирамиды. Что явно указывало на наличие проблемы с системностью государственного регулирования, до сих пор так и не решенной. Пусть поправят меня наемные политологи и коучи, если вдруг ошибаюсь.

Рейс до Новосибирска был поздним. Летели из Домодедово. Как выяснилось уже при посадке, этим же бортом летел Анатолий Сычев, тогдашний председатель Новосибирского народного областного совета народных депутатов. С ним лично знаком я не был, но на трапе, при входе в самолет (он стоял несколько метров передо мной), я сразу узнал этого высокого седовласого человека. Горячо обсуждая со своими спутниками последние события, «преступное ельцинское окружение» и «незаконное» снятие Виталия Мухи, он и не догадывался, что рядом с ним стоит чиновник ельцинской администрации с указом о снятии Мухи и назначения нового главы Новосибирской области. Мелкий клерк, обличенный непонятными, непрописанными полномочиями по доведению этой «исторической» новости до локального новосибирского истеблишмента.

В салоне бизнес-класса обсуждение горячей фазы конфликта «Ельцин-Хасбулатов» продолжилось. Страсть к любимому делу – поруководить, дать оценки и руководящие ЦУ – в тот момент просто разрывала председателя областного совета. Собеседники поддакивали ему, охотно соглашаясь с нелицеприятными эпитетами в адрес «ельцинского окружения», открыто «поправшего конституционные нормы».

Четыре часа полета до Новосибирска прошли в затянувшейся и обреченной на неудачу попытке сформулировать, хотя бы для себя,

стратегическую цель моей столь неожиданной и неординарной миссии, набросать в уме хоть какой-нибудь приблизительный план действий. Несомненным было лишь одно – первым делом ехать надо было к представителю президента по Новосибирской области Анатолию Манохину и уже с ним, коллективно, принимать решение, что и как делать дальше. Нюанс момента заключался в том, что в Новосибирске к стыду своему, я никогда раньше не был. И без должного сопровождения вряд ли мог бы в городе оперативно ориентироваться. Конечно, машину бы мне дали, но всегда на новом месте спокойней и надежней, когда ты в относительно хотя бы лояльной среде.

Сразу же по прибытию в Новосибирск (а это было ранее утро) я отправился напрямик к Манохину. Предварительная договоренность о таком алгоритме действий была. Накануне, перед отлетом из Москвы, я успел связаться с представителем президента и сказал, что сразу из аэропорта поеду к нему. Кабинет представителя президента по Новосибирской области, как ни странно, находился в том же здании на Красном проспекте, где сидел и опальный с недавних пор глава администрации Виталий Муха, а также почти вся областная администрация. Анатолий Николаевич, как мне показалось, был несколько растерян и озадачен произошедшим. Сложилось даже впечатление, что мой приезд несколько облегчил его миссию – проконтролировать передачу власти в условиях отсутствия разумных объяснений ее причин и утвержденных регламентов. Было решено сразу же ехать к преемнику Мухи на посту главы администрации, тогдашнему мэру Новосибирска Ивану Ивановичу Индинку, и порадовать его указом о назначении, исполнявшим обязанности главы администрации Новосибирской области, а также попытаться понять порядок и характер его первоочередных действий.

Исторически мэрия и областная администрация находились в разных зданиях, но на одной, центральной для Новосибирска улице – Красном проспекте. Ехать было недолго, минут десять. Но именно через автомобильное стекло я получал первые впечатления о городе.

Надо сказать, что Новосибирск и Новосибирская область всегда были сложным предметом для новой федеральной власти. Будучи первым лицом в области еще до ГКЧП и переназначенный главой администрации Новосибирской области после августовских событий (в ноябре 1991 г.), Муха был сильной, весьма самостоятельной по российским региональным меркам, фигурой. Очевидно, что Ельцину с ним было трудно во всех отношениях. Муха мог спокойно и долго оппонировать, не вытягиваясь на первый же окрик, на вытяжку перед Москвой. Своей самостоятельностью и самодостаточностью Виталий Петрович, несомненно, заслужил уважение со

стороны местных жителей, не всех, конечно, но большинства. Муха был отнюдь не сухим управленцем, а именно политиком, пусть и регионального масштаба, не боящимся выйти в народ и пообщаться с ним. Такие его качества, как коммуникабельность и открытость, толковались и перетолковывались народной молвой безусловно в его пользу. Это нынешние молодые чиновники-технократы не умеют общаться с людьми. Все то у них, талантливых управленцев и «эффективных менеджеров» должно быть заранее прописано и отрепетировано, чтобы на официальных пресс-конференциях, на не частых, но все же вынужденных публичных встречах с народом, они радовали друг друга прогнозируемыми вопросами и заранее подготовленными ответами Да и не хотят. Держатся, как правило, подальше от массы, на безопасном расстоянии. А такие фигуры как Виталий Муха, выкованные в хозяйственных битвах периода единой «руководящей», при необходимости могли смело шагнуть в толпу, что не могло не вызвать широкой человеческой симпатии. Муха, на мой взгляд, в отличие от многих нынешних управленцев был человеком бескомпромиссным в отстаивании принятых решений, человеком принципов, а не фразы. Он не прятался от проблемы и не пытался бежать от ответственности. Почему-то я абсолютно уверен, что Муха никогда не позволил бы себе назвать население своего региона, пусть даже мизерную ее часть «шелупонью», как это не постеснялся сделать один из современных губернаторов российских северных территорий, когда люди решили выступить против организации у них под боком полигона твердых бытовых отходов, а проще говоря – мусорной свалки.

Поскольку Виталий Петрович Муха с момента своего назначения почти постоянно находился в легкой фронде к федеральному центру, то и в московских инстанциях, в президентской администрации в том числе, сложилось мнение, что Ельцин, несмотря на внешнюю, показную отчужденность, в глубине души уважал Муху, считая его опытным бойцом старой гвардии, почти что равным себе. В марте 1993 года Ельцин, по наводке особо рьяных «советников» попытался было отстранить глав администраций Иркутской и Новосибирской областей Юрия Ножикова и Виталия Муху от их должностей, но буквально через два дня сам же отменил свое решение, принеся опальным губернаторам извинения. Это обстоятельство еще более укрепило авторитет Мухи в области. Помимо всего прочего, Новосибирск со своим Академгородком еще с советских времен, традиционно был признанным научным центром, средоточием ученых мужей, людей независимых, с собственным мнением, и не боявшихся его высказывать.

Понятно, что в такой среде размахивание кадровой дубиной, требование крови ослушавшегося губернатора и крики «ату его, ату», не могли вызвать одобрения ни действий федерального центра, ни Ельцина персонально. К тому

же слухи о расстреле танками Белого Дома в Москве, о многочисленных жертвах у его стен уже покатались по России, и люди в провинции были крайне возбуждены и внутренне напряжены.

Преемником Мухи на посту главы администрации Новосибирской области оказался, как не трудно было предположить, мэр областного центра Иван Иванович Индианок. Иван Иванович – фигура крайне интересная, причем именно своей самобытностью. До этого я его, естественно, не знал, и когда в силу жизненных обстоятельств и перипетий впервые с ним столкнулся, он поразил меня своей оригинальностью и непохожестью на столичных лощенных чиновников. Невысокого роста, грузный, приземистый, он производил впечатления настоящего сибирского кержака, а, по сути, и был таковым.

Иван Иванович встретил нас с Манохиных вполне корректно, но я бы не сказал, что радушно. Первым вопросом, который он нам задал, и сразу в лоб, был вопрос, почему Ельцин назначил его исполняющим обязанностями, а не полноценным губернатором. Ответ на этот вопрос ни Манохин, ни я, разумеется, не знали.

- Ну, Иван Иванович, - попытался было я как-то отбиться. – Это вопрос не к нам, а к Президенту, мы то всего рядовые чиновники администрации, мелкие клерки, винтики, исполнители его верховной воли...

- А если завтра Ельцин (Индинок, как я заметил, старался избегать употребления слова «президент») вдруг передумает назначать меня главой области и назначит какого-либо другого? Что тогда?

- Ну, это вряд ли, – слабо сопротивлялись мы с Манохиным. – Вопрос был проработан, президент Вам доверяет...

Хотя, чего там думал президент и его ближайшие помощники – В. Ильюшин, А. Корабельщиков – мы, понятное дело, не знали, и знать не могли. Но, включившись в одну из любимейших аппаратных игр под названием «высокое кадровое назначение», отрабатывали свои роли до конца, стояли «зорько». Уж как могли, исходя из известного киношного принципа – смешивать, но не взбалтывать.

Индианок закурил, помолчал и неожиданно сказал:

- Знайте, что, я с должности мэра в таком случае уходить не собираюсь, а сидеть буду здесь, в здании мэрии...

- Ну, не думаю, Иван Иванович, что это у Вас получится, – тут уж оживился я, поскольку предмет разговора становился все конкретнее.

- Невозможно будет управлять областью, именно областью, не городом, находясь не в здании областной администрации, центре принятия решений, а где-то еще. Даже в кабинете мэра областного центра. Да и работники

областной администрации, у которых сейчас идет период ломки и раздумий – уйти или остаться, – при таком раскладе, Вас, извините, просто не поймут...

По выражению лица Индинка было заметно, что он находится в глубоком раздумье, на грани замешательства. Как же ему правильнее поступить? Логика Ивана Ивановича была вполне понятна, предельно конкретна и легко объяснима: хочу сразу и однозначно все полномочия, хочу полноценный статус первого лица, хочу гарантий долгосрочности своей власти. Индинок давал всем вокруг отчетливо понять, что приставка «и. о.» – исполняющий обязанности – его никак не устраивает. Но эта логика была, увы, слишком линейна, сказал бы даже, прямолинейна, а тут требовались какие-то неординарные, нестандартные шаги. Изгибы, пунктиры, ломанные линии...

Беседа с Индинком длилась недолго, и в конце ее мы с Манохиным спросили его, что он планирует в ближайшее время делать.

- Соберу работников аппарата областной администрации и выступлю перед ними, – не задумываясь ответил Иван Иванович.

- И когда?

- Да прямо сегодня... через пару часов.

Это был сильный ход, и мы с Манохиным его мгновенно оценили. Попрощавшись с Иван Ивановичем, мы снова направились в здание областной администрации, где у представителя президента находился служебный кабинет. Мне в отсутствие четких, да и вообще каких-либо инструкций просто хотелось пообщаться с кем-то из заместителей снятого губернатора, по возможности понять и почувствовать их настроения. Мне рекомендовали встретиться с руководителем аппарата Виктором Леоновым, одним из заместителей Мухи и ближайшим его соратником.

Виктор Васильевич Леонов встретил меня настороженно, но не враждебно. Собственно, говорить нам было не о чем, все и так было предельно ясно. Жесткая директива из Кремля определяла вектор текущих локальных событий. Но ситуация требовала каких-то рутинных жестов и ритуальных действий. К тому же я не был уверен, захочет ли со мной встречаться сам Муха, а с кем-то из его замов я же должен был пообщаться, чтобы отчитаться перед тем же Медведевым. Что я скажу, если на Старой площади по возвращению меня начальник спросит, как реагировало на указ окружение Мухи? Проговорили мы недолго, максимум – полчаса. Суть беседы сводился к следующему: чтобы там ни случилось, какие кадровые потрясения не происходили в области, управляемость не должна быть потеряна, обязательства перед населением должны быть выполнены в любом случае, ну и далее, в том же духе... Беседа была не сугубо протокольной, я ощущал на себе интерес собеседника, и он, думаю, тоже. На мой скромный вопрос, а

смогу ли я встретиться с Мухой, Леонов ничего не гарантировал, но обещал узнать.

Через некоторое время Леонов сообщил, что Виталий Петрович «собирает вещи», но готов ненадолго принять меня. С некоторой робостью, скорее даже страхом, я переступил порог огромного с сумрачного кабинета главы областной администрации. Виталий Петрович чего-то перебирал на столе, и пока я шел по длинному, вытянутому кабинету к его столу, внимательно с лукавым прищуром смотрел на меня. Держался Муха замечательно: никакой обиды, горечи, раздражения на лице его заметить было невозможно. Разговора практически не было, да он и не мог получиться в такой ситуации. Я произнес несколько казенных, вымученных фраз. Муха ответил внешне вежливыми, но такими же бессодержательными, протокольными предложениями. Пожелал успехов своему преемнику. За это время Виталий Петрович успел выкурить сигарету и тут же закурил следующую... Предложил закурить и мне, но я почему-то при данном раскладе счел возможным отказаться, хотя смолил в то время много, наверное, не меньше Мухи. После пяти минут обмена, ничего не значащего и ни к чему не обязывающими общими фразами, Виталий Петрович сдержанно попрощался, ссылаясь на отсутствие времени. За время нашего короткого общения Муха ни разу не произнес слово «президент», только Ельцин, как бы посылая скрытый сигнал, что эти два слова несочетаемы. По крайней мере для него. У меня сложилось ощущение, что Муха потому так спокойно, по-философски относился к своей отставке, что как старый хозяйственник и партийный кадр, обладал не просто огромным опытом, но и неким особым знанием таких вещей, которые далеко не каждому управленцу известны и доступны. Он, как тертый калач, скорее всего, ощущал, может быть, интуитивно, в силу отлично развитого аппаратного чутья, что это отнюдь не конец карьеры, и, что его время еще придет. Свои вещи он собирал спокойно и даже меланхолично. Если какие-либо бури в нем и происходили, то внешне это никак не проявлялось. Полный самоконтроль. В плане уметь достойно вести себя в проигранной позиции Муха оказался порядочным человеком.

А в это время в здании областной администрации шла какая-то возня, скрытое шебаршение, связанное с предстоящим выступлением нового главы области Индинка перед аппаратом областной администрации. Иван Иванович намеревался провести встречу с активом без лишних глаз и ушей, в узком «региональном» формате. Поэтому, на это мероприятия меня как «уши и глаза Москвы», а именно так я тогда воспринимался работниками областной администрации, не пригласили. Конечно, можно было бы обидеться и попытаться настоять, но, учитывая деликатность момента, предпочел этого не делать. При том, что основные тезисы выступления Индианка были очевидны,

и он их особенно и не скрывал в частных разговорах: всем оставаться на местах, не дергаться, «не делать лишних телодвижений».

Индинок в первые дни после назначения, возможно, действительно, считал, что ему удастся усидеть на двух креслах, совмещая функции главы областной администрации с обязанностями мэра. Как сибирский мужик-хитрован, привыкший к тому, что надо в любой ситуации уметь что-либо занюхать, он подспудно пытался оговорить с Москвой вариант возможного обратного катапультирования в кресло мэра, если что-то вдруг пойдет не так и с полноценным губернаторством не выгорит.

В то время как в Новосибирске топовые фигуры областной администрации в эти дни смены власти ходили угрюмыми и озадаченными, то аппарат мэрии едва сдерживал радость. Еще бы! Уходя на область Индинок наверняка кого-то из мэрии, возьмет с собой, а у тех, кто останется в связи с намечавшейся штатной и кадровой движущей, появляется шанс карьерное приподняться. В мэрии роилось и курилось, строились планы и укреплялись надежды. Там понимали, как одна бумажка, писулька из трех строчек, может изменить судьбы сотни людей. В мэрии надеялись и предвкушали. Естественным претендентом на пост мэра, являлся верный, многолетний заместитель Индинка – Виктор Толоконский, у которого, как я догадывался по косвенным признакам, были далеко идущие планы и подобранная команда, готовая в любой момент начать свою игру.

Поздно вечером этого трудного для смены власти в Новосибирской области и по-своему исторического дня весь актив формирующегося областного аппарата вместе с руководством мэрии поехал на ужин, на посиделки в загородной резиденции на Оби. Признаться, я к тому времени был достаточно подуставшим. Более двух суток без сна, если не считать, часок дремоты в самолете (спать на борту почему-то не могу в принципе и до сих пор). Откровенно хотелось вырубиться. Но поскольку я был также приглашен на эту тайную вечерю, дать слабину было никак нельзя.

Уже до этого я бывал в дальних командировках, и знал, как пьют сибиряки. Поэтому чем-то удивить меня в этой области было сложно. Да и в плане самому достойно принять на грудь, подготовка тоже была неплохая. Выслушивая достаточно монотонные и не блещущие оригинальностью здравицы в честь нового областного хозяина, приходилось делать вид, что я вот тоже разделяю радость окружения Индинка, хотя, что это за человек, чем он хорош и чем плох Муха, я просто не мог знать, так как ни с кем из их до этого не был знаком. Не было личного восприятия и соответственно персональной оценки каждого из них, она только-только начала формироваться. Чтобы казаться своим (ах, как важно в этом деле показаться «своим»), выпивая на равных со всеми, я даже было пытался поддерживать

беседы с местными политиками и бизнесменами о текущем политическом моменте, о переломном этапе в процессе «возрождения России», но быстро смекнул, что, как говаривал наш классик Салтыков-Щедрин, что многоумие в некоторых случаях равносильно недоумию. А это был как раз такой вариант. Поэтому, свернув дискуссии, поставил перед собой лишь одну задачу – «продержаться» как можно дольше. К часу ночи, я с большим трудом заставлял себя выслушивать застольные разговоры, прерываемые тостами за «нового губернатора», за «прирастать Сибирью» и так далее и так далее, в том же духе и направлении.

Уже поздно ночью меня отвезли в гостиницу «Октябрьская», бывшую обкомовскую, базовое, как я догадался, место для расселения московских гостей. Нет ничего удивительного в том, что на следующее утро проснулся с головной болью. Некоторое время лежал, слушая новосибирское радио, и соображая, какие дальнейшие мои действия. Видимо, думал я, для солидности надо посетить какое-либо известное новосибирское предприятие, «пообщаться с народом», узнать, какие настроения и вообще. И тут я услышал свою фамилию. Диктор местного радио произнес буквально следующую фразу: «Вчера в Новосибирск прибыл эмиссар Ельцина Громыкин с указом о снятии Виталия Петровича Мухи...». Чуть не подпрыгнул на кровати... О... Бог мой! Это же обо мне! Я – эмиссар? Слово это с откровенно выраженной негативной коннотацией, ну прямо резануло.

«Эмиссар, комиссар...» – монотонно крутилось в еще полу хмельной голове. Утренние образы роились, дробились и теснили неокрепшее с утра, инфантильное сознание.

То, что здесь, в столице Сибири, крайне не любят Ельцина, – мне было и раньше достаточно хорошо известно. Новосибирская область, вместе с Кемеровским и Алтайским краем, в 90-е годы традиционно считалась «красным поясом». С тех пор, думаю, мало что изменилось. Мы на своих оперативках и летучках на Старой площади по поводу различного формата выборов так открыто всегда и говорили: «красный сибирский пояс». За словом в карман не лезли и с выражениями не церемонились. А сам Новосибирск, исторически претендовавший на негласный статус столицы Сибири, был славен своими протестными настроениями, особенно если причиной их являлись решения федерального центра, так или иначе затрагивающие судьбы сибиряков.

И вот на тебе! По местному радио и про Ельцина, и про федеральный центр. И меня даже, грешного, упомянули, хотя я же тут вообще ни при чем. Нас там, у потрясшего страну указа 1400, ну никак не стояло. Что я? Просто винтик, исполнитель чужой воли. Человек, подвернувшийся под руку, «куратор», блин. Надо было кого-то послать, никто из больших и не очень

чинов ехать не захотел (это же не инаугурация, или юбилей) ну, и послали как гонцов для кого-то печальной, а для кого-то, наоборот, радостной вести нас, рядовых специалистов-экспертов. Меня, в частности, вот сюда, в Новосибирск. Как говорят в дипломатических кругах: куда послали, туда и посол. Немного успокоившись и хлебнув кофейку, стал размышлять, что делать дальше, даже не предполагая, что результаты размышлений могли завести меня в довольно неожиданные места. У снятого и назначенного глав администраций я уже побывал. Реакцию окружения, снятого и назначенного, видел. Что дальше?

У меня оставался еще день командировки. Чем его заполнить, я не знал. В то же время ничуть не сомневался, что в любой просьбе мне пойдут навстречу. Надо было только наметить в голове некий план. По моим наблюдениям, что-либо планировать человек хорошо и удачно может именно в сложных обстоятельствах, которые заставляют его мобилизоваться и напрячь свои не столько физиологические, сколько когнитивные функции. В расслабленном состоянии, в отпуске, например, или во время наших затянутых новогодних, а также майских праздников, построить какой-либо более-менее вменяемый план собственных действий даже на короткую перспективу, обычно не удается. В таком состоянии тебя неизбежно засасывает прокрастинация.

Поскольку в тот момент в Новосибирске в перегруженную накануне и еще больную голову ничего внятного не приходило, немного придя в себя, аккуратно обратился с просьбой к гостеприимным сопровождающим из мэрии за советом. Мне тут же предложили посмотреть город и заехать на авиационное производство им Чкалова. Проведя в этой обзорной экскурсии почти целый день, все же к вечеру удалось попасть на некое мероприятие, проводимое уже сейчас не вспомню по какому поводу, где присутствовали «активные горожане», жители как правило преклонного возраста видимо, новой власти надо было поскорее отчитаться и сообщить в Москву, что население с восторгом встретило назначение нового областного начальника. И, вот, помню, одна пожилая женщина задает мне, московскому «эмиссару» вопрос о погибших под стенами Белого дома в ночь с 3 на 4 октября. Почему они погибли? Почему так? Почему танки? Почему Ельцин приказал стрелять по гражданским лицам, по населению, по москвичам? Русские против русских? Неподдельная боль звучала в голосе этой женщины...

Ну, что тут ответишь? Ты здесь заложник ситуации. В глубине я понимал, что, действительно, что-то здесь не так, нельзя стрелять по безоружным людям, случайно оказавшимся в центре Москвы. Безусая молодежь, совсем зеленые городские ребята, из любопытства, из-за понятной в юном возрасте тяги к приключениям на свою, извиняюсь, задницу, полезли

«посмотреть» на стрельбу и вот такие ужасные последствия... Кровь. Невинные, случайные жертвы... Всей правды я тогда не знал, не мог знать, да и сейчас не знаю. Но и отмолчаться, просто уйти от ответа было стыдно. Аппаратчик я был все же еще неопытный, хотя, по мнению некоторых непросвещенных, уже и «эмиссар». Женщина пристально, недружелюбно и вопросительно глядела на меня. Начал было чего-то робко мямлить о конституционном порядке и все такое, говорить какие-то общие, дежурные слова, которые нахватался, но в которые сам не верил. Но быстро поймал себя на том, что просто падаю в пропасть, что так не пойдет. Не те слова, не те... Мозг лихорадочно искал выход из того и морально-понятийного тупика, в который поставил всех в адекватных и мыслящих людей, ельцинский Указ № 1400. И как обычно бывает в подобных ситуациях – ничего внутренне меж собой логического и внешне заслуживающего понимания не мог найти. Никак не мог подобрать слов, которые мне не стыдно было бы произнести, а слушающим – поверить. Мне пришлось серьезно напрячься, чтобы организовывать свои блуждающие мысли таким образом, чтобы они представляли относительно связное повествование.

Помню только несколько фраз, обращенных к той женщине с уставшими, но пронизательными глазами, примерно следующего содержания: «То, что случилось в Москве – печально и трагично. Но будем благодарить Бога за то, что очаг конфликта был почти мгновенно погашен. И эта вспышка гражданской войны не полыхнула за пределы Садового кольца и не прокатилась уже настоящей, полномасштабной войной по городам и весям России». Но в тот момент, когда я произносил эти слова, я чувствовал собственную фальшивую интонацию. Прекрасно понимал, что выкручиваюсь, подбирая внешне правильные, но чужие, казенные слова. В голове моей крутилась: «Чума на оба ваших дома!».

Она, фраза эта, на какое-то время упорно засела во мне и всякий раз возникала в сознании, когда я, вернувшись в Москву на следующий день и медленно проезжая по Новоарбатскому мосту, смотрел на черные окна 17 этажа, расстрелянного накануне здания «Белого дома». Из окон этих каких-то два года назад я ежедневно задумчиво смотрел вот этот самый мост, наблюдая скользящий по нему непрерывный транспортный поток, устремляющийся в сторону Кутузовского проспекта. Шекспировская фраза – «Чума на оба ваших дома» стучалась и клокотала в черепной коробке. Вспоминалась она и тогда, когда через несколько дней рассматривал появившиеся фотографии убитых около «Белого дома» невинных людей. Москвичей и не только. И ныне, когда, двигаясь по Дружниковской, прохожу мимо ограды стадиона «Красная Пресня» на подступах к восстановленному и сияющему белизной, будто и не

было огня и дыма, – Дому Правительства, эти слова проклятия снова и снова возвращаются, и начинают гудеть внутри.

Что касается Мухи, то его политическая судьба отнюдь не закончилась осенью 1993 года. Через два года Индинок, стремясь укрепить свою легитимность и несколько дистанцироваться от центра, пробил указ о выборах в Новосибирской области. Но как это обычно бывает в политических раскладах, особенно в регионах, результат оказался совсем не тем, на который рассчитывал автор идеи и его советчики.

Обосновывая желательность и даже необходимость выборов губернатора Новосибирской области Иван Иванович Индинок в начале 1995 года зачастил в Москву, пробивать губернаторские выборы. Казаков, хорошо помню, отговаривал Индинка от этой затеи.

- Иван Иванович, ну зачем тебе эти выборы? – говорил он Индинку на одной из встреч.

- Ты только назначен указом Президента, тебе еще работать и работать.

Индинок или отмалчивался или напирал на необходимость расширения своей «легитимности», ведь выбранный глава региона чувствует себя, по его справедливому замечанию, куда уверенней и свободней, чем назначенный Москвой

Александр Иванович достаточно определенно давал понять Ивану Ивановичу, что ведь можно и не избраться. И это ударит не только по самому

Индинку, но и в определенной степени по федеральному центру, сделавшему ставку на действующего главу администрации и разрешив эту избирательную кампанию. Но Иван Иванович был мужик упертый и себе на уме, истинный сибиряк. Его уже было не остановить. Быть просто обычным главой администрации – это его больше не устраивало. Он не хотел быть как остальные, ему надо было как-нибудь по-особенному извернуться, сыграть свою игру.

Индинок не видел тех рисков, о которых ему настойчиво говорил ему Казаков. Или делал вид, что не видит, откровенно не хотел их замечать. Вдохновленный примером Бориса Немцова, который, пользуясь личной симпатией и особым положением у Ельцина, незадолго до этого первым из руководителей регионов пробил выборы в Нижегородской области, благополучно одержав на них победу, Индинок шел напролом, не замечая тех опасностей, о которых ему говорили, как в Москве, так и в самом Новосибирске. Уж очень хотелось Иван Ивановичу всенародно избраться, укрепить свою легитимность, и стать по возможности минимально зависимым от «царской», московской воли. В конце концов своего он добился, можно сказать, продал указ о выборах губернатора Новосибирской области. Это был серьезный шаг в неправильном направлении.

Ну и, конечно же, как это часто в подобных случаях бывает, выборы Индинок проиграл, причем с треском. Причины этого проигрыша достаточно хорошо и полно в свое время были проанализированы местными политтехнологами. Там и ошибки в подборе команды, и переоценка собственного имиджа, и наконец, собственное «безответственное» поведение Иван Иваныча. Накануне выборов в городе упорно циркулировали слухи, что у него развился бурный роман с известной новосибирской журналисткой, вплоть до того, что он собирался оставить семью. Это било не только по его личному имиджу, но и по репутации супруги, являвшейся тогда заместителем председателя городского суда. Ясное дело, что немолодому в своей массе избирателю с традиционно-консервативными ценностями, такое фокусы и закидоны первого лица области не могли понравиться. Методику манипулирования правдой, используя инструментарий Fake news – еще вроде как не изобрели, но что-то подобное уже появлялось и даже периодически прорывалось на поверхность.

А кто же их выиграл выборы? А как вы думаете? Да, да. Виталий Петрович Муха! В Москве к поражению Индинка, да еще от Мухи были не готовы. Там больше опасались соратника Жириновского Евгения Логинова, который, победив на выборах в депутаты Государственной Думы в декабре 1993 года, стал единственным представителем ЛДПР, который попал в Госдуму по одномандатному округу, а не по партийным спискам. Против

местного отделения ЛДПР была проведена координируемая территориальным управлением определенная кампания по дискредитации, в том числе и персонально против Логинова. В центральных СМИ появилось несколько соответствующих статей. По поручению начальства я в качестве сопровождающего лица даже летал в Новосибирск с корреспондентом «Известий» Выжутовичем. В центре опасались неожиданного резкого усиления влияния ЛДПР в центральных городах Сибири и федеральные СМИ, видимо, получили соответствующий заказ. Должен отметить, что после 1993 года честной, принципиальной и неподкупной журналистики почти не осталось. Журналисты, особенно с именами, стали активно распродавать себя. Имя Сергея Доренко до сих пор у многих на слуху, но были и другие, менее раскрученные, но тоже с удовлетворением припавшие. В «Известиях» появилась пара «разоблачительных» статей в отношении Логинова и «его команды». Но какой-либо существенной роли они не сыграли.

Победил-то Виталий Муха! Наперекор Москве и местной ЛДПР. А почему? Мы в управлении анализировали его неожиданную для многих победу и пришли к выводу, что все достаточно просто : он выбрал правильную избирательную тактику. Выдержав недолгую, двухгодичную паузу, Муха решительно заявился на выборы, справедливо полагая, что за эти два года его не забыли и рассчитывая на поддержку населения, которое в большинстве своем воспринимало Виталия Петровича как жертву травли и мести со стороны «ельцинской камарильи». И на губернаторских выборах в декабре 1995 года Муха вполне предсказуемо победил Индинка и даже с большим преимуществом, фактически восстановив свой статус-кво хозяина области.

Однако после блистательной победы Виталия Петровича над Индинком (другие кандидаты – Мананников, Стариков не в счет) неожиданно быстрыми темпами начался закат его популярности. В этот период как раз происходил передел региональной собственности, и в ходе правления Мухи немалая часть акций важных для жизни региона компаний (главным образом контрольные пакеты) отошла богатым москвичам. За время второго срока Мухи госпакет акций ОАО Новосибирскэнерго, например, оказался как-то незаметно, потихому, скупленным структурами Михаила Абызова. Началось все с того, что Абызов вначале 90-х каким-то образом заделался помощником Ивана Старикова, Новосибирского политика, ставшего на декабрьских выборах 1993 года, познакомившись через Старикова с Мухой и быстро найдя с ним общий язык, депутатом Госдумы. Через Старикова Абызов познакомился с Мухой и неким загадочным образом очаровал его. Абызов предложил Виталию Петровичу поставить через известные и, очевидно, уже на тот момент подконтрольные ему, Абызову, структуры топливо для очередной посевной в

обмен на залог 19,5% акций Новосибирскэнергосбыта. В представлении Виталия Петровича, человека старой хозяйственной формации, обменять непонятные «бумажки» на конкретный материальный ресурс в виде дизельного топлива казалось крайне выгодной и правильной сделкой. Так и произошло. Область удачно отсеялась, а Абызов, молодой, суперэффективный менеджер из плеяды нарождающейся олигархической формации, специалист по околовластному бизнесу, получил вожделенные акции. Но увяз коготок – всей птичке пропасть. Постепенно структуры Абызова расширили пакет до контрольного. Последующие попытки областной администрации вернуть государственную собственность и оспорить «историческую» сделку Абызов – Муха оказывались тщетными. Все многочисленные суды и попытки представители Новосибирской области безнадежно проиграли.

С Абызовым я слегка пересекся накануне «Н-ских» губернаторских выборов в декабре 1995 года. Как-то в разговоре в ходе моей очередной «предвыборной» командировки кто-то из работников областной администрации высказался в том плане, что помимо представителя территориального управления президентской администрации в области находятся еще люди из ведомства Пал Палыча Бородина, гремевшего в те времена Управления делами президента. Для меня было полным откровением и неприятной неожиданностью внезапно узнать от хозяев, что еще кто-то со Старой площади интересуется этими выборами, а я как куратор ничего об этом не ведаю. Я попросил через Василия Киселева как-то связать меня с этими людьми. Мобильных телефонов у штатных работников президентской администрации тогда не было (хотя, возможно, у некоторых и были, у меня точно – нет). Тем не менее телефонный разговор с Абызовым, а это был именно он, состоялся. Разговор был совсем короткий, деталей сейчас не вспомню. Но по недовольному тону и медленному, искусственному подбору слов, явно ощущалось, что Абызову общаться не хотелось, но просто проигнорировать просьбу «коллеги» из Москвы переговорить он тоже не мог. На мой удивленный вопрос с какими полномочиями и целями он находится в Новосибирской области, Михаил ответил что-то в плане: какое твое собачье дело. Встретиться он категорически отказался. Только много позже я узнал, что в ходе той поездки в Новосибирск у Абызова были вполне конкретные коммерческие цели, а действовал он под крылом и с ведома Анатолия Чубайса. Не все еще было прихвачено, еще имелись просторные ниши, и предприимчивые ребята без комплексов активно в них ныряли.

Как показали в дальнейшем прокурорские проверки, выиграв выборы 1996 года, Виталий Муха передал фирме ОРТЭК под залог поставок ГСМ и сельхозтехники 20% госпакета акций «Новосибирскэнерго». Рыночная стоимость пакета оценивалась тогда в \$40 млн., но при его передаче он был

якобы уценен до \$0,57 млн. Поскольку передача акций осуществлялась в несколько этапов на протяжении 1996-1997 годов, это помогало скрывать сделку долгое время. Как результат, в 1998 году гендиректор ОРТЭКа Михаил Абызов оказался в кресле заместителя председателя совета директоров «Новосибирскэнерго», а через несколько месяцев избран председателем совета директоров «Новосибирскэнерго». Подобные действия не могли не отразиться на репутации Виталия Петровича в глазах населения. А Муха не относился к той современной поросли российского чиновничества, для которого репутация ничего не стоит. То, что происходит падение рейтинга Мухи, понимала, на мой взгляд, и его команда. На одном банкете, не помню, правда, по какому поводу Василий Киселев, тогдашний неизменный заместитель Мухи, а впоследствии и Индинка по вопросам промышленности и энергетики, сказал, как бы в шутку, но по смыслу очень точно: «Мы все здесь под Мухой ходим». Ну и получилось с вполне симптоматичной и оказавшейся провидческой аллюзией. «Дело Абызова» – в самом разгаре, фигурант – в СИЗО.

«.....В деле Михаила Абызова мало что понятно даже спустя четыре дня после его задержания. У обвинения, отправившего экс-министра и миллиардера под арест на два месяца, есть версия, но нет ни внятных потерпевших, ни обоснования суммы ущерба в 4 млрд рублей. Дело Абызова, бывшего советника Медведева и министра в его правительстве, предсказуемо связывают с атакой на премьера. Но у Абызова, любившего рискованные проекты, достаточно и собственных недоброжелателей. Сейчас с ним одновременно ведут миллиардные судебные процессы мастодонты корпоративных конфликтов — «Ренова» и «Альфа-групп». Источники, близкие к совладельцам «Альфы» и к «Ренове», с самого начала говорили и продолжают говорить, что не имеют отношения к уголовному делу. Зато сам Дмитрий Медведев сегодня неожиданно легко связал дело Абызова с «конфликтом между ним и кредиторами». Крупнейшим кредитором группы Е4 Абызова был Альфа-банк, он добивался возбуждения уголовного дела о мошенничестве в группе еще в 2014 году. В банке это комментировать отказались..»

Сделаем здесь в отношении Абызова паузу и вернемся к Мухе. Ничего удивительного, что как только эти обстоятельства и информация о связи главы Новосибирской области с молодым способным энергетиком, «из ранних», стали известны «прогрессивной» новосибирской общественности, в области пошли циркулировать слухи, что Муха утратил статус защитника местных интересов, и якобы «распродает» областную собственность московским олигархам. Дело представлялось так, что, пойдя на компромисс с «эффективными менеджерами» из Москвы, Муха изменил своему электорату, потерял политическую целостность и субъектность. Его рейтинг покатила по наклонной вниз, с каждым месяцем и все быстрее и быстрее. И уже на губернаторских выборах 1999 Виталия Петровича ждало ожидаемое и в некоторой степени запланированное поражение.

На карте политических предпочтении Новосибирская область исторически всегда была красной. И влияние КПРФ там всегда было значительно. Кстати, не случайно, что и нынешний мэр Новосибирска Локоть – выдвиженец как раз этой партии. Уже к 1999 году между областной администрацией во главе с Мухой и местными коммунистами произошло резкое охлаждение отношений. Они перестали считать его своим. Руководство обкома КПРФ на губернаторские выборы 1999 года отказало Мухе в поддержке и призвало своих сторонников поддержать кандидатуру Толоконского. Это в конечном итоге и решило исход выборов. Новым руководителем области по итогам двух туров стал вышедший из тени Индинка в еще октябре 1993 года мэр Новосибирска Виктор Толоконский. А Виталий Петрович отправился на заслуженную пенсию, и про него, как обычно и бывает в подобных ситуациях, постепенно стали забывать.

Но после того, как в мае 2005 года Виталий Муха ушел из жизни, его роль и значение в истории области были все же оценены достаточно объективно. Муха, как ныне считают многие, умел в отличие от своих преемников, «держат» область, при том, что Новосибирская область – это, по сути, сам Новосибирск и прилегающая к нему территория. В областном центре сосредоточено более половина населения региона и промышленного производства. На здании заводоуправления производственного объединения «Сибсельмаш» в 2012 в годовщину его 70 -летия открылась мемориальная доска в память о Виталии Петровиче.

Мемориальная доска в память о губернаторе Новосибирской области В.П. Мухе

События октября 1993 года оказались настолько и болезненными, и травматичными, что откровенно плохо повлияли на всех их участников, независимо от того, на какой стороне баррикад они находились. Прежде всего в психическом и психологическом плане. И хотя меня события эти заделали лишь по касательной (самые напряженные две недели с 22 сентября по 3 октября провел в командировке в Благовещенске, а уже вечером 4 октября начальством было велено срочно лететь в Новосибирск «разбираться с Мухой») горькое послевкусие осталось. Чтобы избежать накачивающей депрессии по окончании всей этой эпопеи с разгоном Верховного Совета в рамках «конституционной реформы», наверное, неплохо было бы как-то отвлечься, временно переключиться на что-то совершенно иное, сменить фон. И тут мне неожиданно подфартило.

Известно, что в первые годы «демократической» власти в России, в годы правления Ельцина, Запад активно интересовался становлением новых институтов и охотно приглашал молодых и потенциально способных представителей нарождающегося госаппарата ознакомиться с функционированием западных моделей государственного и муниципального управления в федеральных землях, так сказать «обменяться опытом». Формируемые под крылом президентской администрации группы российских чиновников разного уровня и калибра регулярно вылетали в Германию, Францию, Бельгию, другие западные страны, которые еще пребывали в эйфории от выбора Россией «демократического пути» развития и готовы были всячески этому по-своему содействовать. В одну из таких групп попал и я. Кроме Михаила Фонарева из регионального Департамента аппарата Правительства, никого из состава участников группы я не знал. В основном это были люди из регионов, работники органов местного самоуправления. Мы планировали провести неделю в нескольких городах Германии (западной ее части), где нам должны были показать работу муниципалитетов. Одним из городов был Бонн, завершающий этап поездки. Пребывание там запомнилось следующим бытовым эпизодом. Разместившись в гостинице (а все оплачивала принимающая сторона) мы, несколько мужиков ранее между собой незнакомые, решили попить подлинного немецкого пива в гостиничном баре. Ну, решили и решили. Пришли, расселись, нам приносят винную карту. Выбор безграничен. Все ее по очереди медленно разглядывают и тут до всех постепенно доходит, что расплачиваться надо самим. Возникает пауза. время тикает, никто ничего не заказывает, в надежде, что кто-то другой с широкой душой, захочет блеснуть, сделать жест и всех угостить. Но таких широко душевных почему-то не находится. Пауза затягивается. Становится уже неловко. Я лихорадочно прикидываю сколько выданных в качестве

подъемных дойче марок у меня осталось и хватит ли этого на тот намеченный список презентов, что держу в уме. И тут один из группы вдруг неожиданно заявляет: «Ну что, давайте смелее заказывайте, я угощаю». Фу, наконец-то!

Это оказался депутат Московской областной Думы Сергей Юдаков. Он спас ситуацию и позволил всем выйти из неловкого положения, сохранив лицо. Впоследствии я несколько раз пересекался с ним на Старой площади, администрация Московской области и областная дума сидели в соседнем подъезде, мы обменивались приветствиями и проговаривали любезным тоном общие фразы, но каких-то рабочих отношений, не говоря уже о приятельских, между нами, не сложилось. Но тот поступок Юдакова в гостиничном баре в Бонне помнится до сих пор.

Президентские выборы 1996 года

*Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей....
А.Пушкин*

*Всадник не отвечает за дрожь коня
В. Набоков.*

Если попытаться обратить память вспять, в те «лихие», мучительные и счастливые девяностые, то наиболее яркой вспышкой выглядит для меня весна и лето 1996 года, прошедшие для нас, тогдашних чиновников со Старой площади, под знаком выборов Президента Российской Федерации. «Голосуй или проиграешь» – когда сейчас иногда слышу этот уже почти полузабытый, но когда-то гремевший со всех экранов, плакатов и стен рефрен, сразу вспоминается целый пласт событий, жестко спрессованных, динамичных, многому многих впоследствии научивших, и расширявших для многих (я тут не исключение), границы возможностей производства массовых приукрашенных представлений о происходящем.

Первый тур президентских выборов, как это можно легко узнать из исторических справочников и политических брошюр состоялся 16 июня 1996 года. Но уже за несколько месяцев в администрации начали усиленно стали к ним готовиться. Еженедельные совещания, оперативки, отчеты... До нас, рядовых чиновников, интенсивно доводились все новые вводные. Мы как

работники аппарата отлично понимали, что, попадая под законодательство о госслужбе, весьма ограничены в прямых агитационных усилиях. Обеспечивать победу действующему президенту – дали нам понять – будут иные силы, действующие с иных площадок и иными средствами. Но все же, мы же в России! Чтобы вообще не использовать бюрократические структуры – такого быть в принципе не могло. Ведь когда начнется раздача пряников (а в том, что она начнется мало кто из приобщенных сомневался), надо же как-то выпятить и оттенить собственные усилия в «победе нашего кандидата». При необходимости можно в оперативном порядке подкорректировать и избирательное право, заточив его под конкретную фигуру. Можно, как вскоре показала наша последующая история, и вообще наплевать на логику права, на применение равного стандарта к неравным людям, заменив его удобным для ежедневного потребления правилом: друзьям – все, остальным – закон.

Тем более, что действенных правовых механизмов, способных ограничить активность, переходящую за границы законодательства о государственной службе и административного права, тогда не существовало. Да, собственно, их и сейчас нет. На бумаге, естественно, все продекларировано, а в жизни – совсем по-другому. До сих пор в стране, увы, не стоит в качестве стратегической цели всестороннее поступательное развитие публичного права.

Создан был, естественно, выборный штаб, который разместился в «Президент-отеле» на Якиманке. Руководить штабом назначен был Юрий Яров. А как же нам без штаба. Как ни выборы, так если не война, то уж точно крупная общевойсковая операция. Как работники администрации, мы в этот орган управления официально, разумеется, не входили, не могли входить, поскольку этого не позволял статус государственных служащих. Тем не менее в некоторых установочных заседаниях штаба, особенно на начальном этапе весной 1996 года, пришлось поучаствовать.

Помню первое такое расширенное заседание штаба с привлечением работников администрации. Главный зал «Президент-отеля» – под завязку. Яров бубнит в микрофон какие-то казенные слова, а все его внимательно не слушают. Народ был возбужден и как мне, казалось, даже несколько опьянен грандиозностью и масштабностью предстоящих событий. Конкурент, оппонент, политический противник – не знаю, какое слово тут было бы наиболее точным и правильным, был определен – Геннадий Зюганов со своей КПРФ. Известный принцип: «Задачи поставлены – за дело, товарищи!» был включен был на полную катушку. Оставалось одно – отдаться с горячим энтузиазмом его неукоснительной реализации.

У нас тогда, да и сейчас организаторы процессов не могут, не хотят, да и не умеют проводить избирательные кампании относительно мирно. Ничего не

получается без поиска, возвращивания, искусственного раздувания до немыслимых масштабов так называемого «внутреннего врага», независимо от того, в каком обличье в данный момент это враг будет подан. Если есть враг, значит должна быть с ним и битва, последний, решительный бой.

На поле битвы весной 1996 года, когда в экономике все было очень нехорошо, а баррель нефти стоил менее 20 долларов США, вышла в первой колонне, с открытым забралом, ударная сила избирательной компании – доверенные лица президента Ельцина. Ее поддерживала, прикрывая тылы, фланги и другие уязвимые места скрытые дивизии политтехнологов. Золотая, надо сказать, пора для умельцев из удачно раскрутившейся тогда компании «Никола М» и подобных ей. Впрочем, и для вовремя примкнувших «не умельцев» тоже. Всю эту армию регуляторов, активистов, пиарщиков и политменеджеров, готовую за достойную мзду сразиться с «проклятыми коммуналками» снабжал, питал, кормил многоликий олигархический бизнес. Финансирование начавшей выходить весной 1996 года почти миллионном тиражом газет «Не дай бог!», пугавшей население возможностью красного реванша стало наиболее ярким, но не единственным примером меча и орала, то есть СМИ и капитала, в борьбе за сохранение российской демократии. По сути, первые в новой российской реальности эксперименты с массовой диффамацией.

Позднее, уже после 1996 года, аналитики задавали сами себе риторический вопрос: а была ли вся эта задействованных на олигархические деньги когорта политменеджмента действительно верна Ельцину? Так не думаю. Да, несомненно, они были лояльны, но не верны в том смысле, в каком приличные, хорошо воспитанные люди привыкли воспринимать понятие «верность». Впрочем вполне допускаю, что это была вполне себе верность, но верность, не настоящая, а рыночная, имеющая конкретную цену. На ее приобретение негласно выделялись немалые деньги. Но как только они заканчивались, тут же, моментально заканчивалась дутая верность, и напомаженная лояльность. Привлеченные в избирательную кампанию политтехнологи не были убежденными «ельцинистами». Их наняли, чтобы выполнять определенные «функции через дисфункции», и они их в силу собственного понимания добросовестно выполняли, но и только. Никакого горения и профессионального энтузиазма. Призывая других голосовать сердцем, свои сердца они оставляли холодными.

О ставшей притчей во языцех «коробке из-под ксерокса» говорить долго не буду. 19 июня 1996 года при выходе из здания правительства России на проходной были задержаны на тот момент глава компании ЛИСС, а впоследствии сенатор Сергей Лисовский и помощник Чубайса Аркадий Евстафьев с полумиллионном долларов наличными. Оба из ближайшего

окружения Анатолия Борисовича. Эту историю и сейчас по прошествии двадцати лет, знает, пожалуй, если не каждый, то уж точно каждый второй житель нашей необъятной Родины. Ну, если, не знает ее глубинной сути или причин, ее породивших, то хотя бы слышал о ней. А кто из молодых не слышал, тот может легко заглянуть хотя бы Википедию и найти там достаточное полное и близкое к фактическому изложение хода событий. Этот эпизод упомянут и в книге Ельцина «Президентский марафон». С одним из фигурантов этого громкого дела – Аркадием Евстафьевым я был знаком и ранее несколько раз пересекался с ним, работая в Контрольном управлении. В начале 90-х он некоторое время был пресс-секретарем у Чубайса и быстро вошел в круг его доверенных лиц. Из короткого разговора с ним я узнал, что он закончил «Вышку», недолго проработал в Управлении КГБ СССР по Саратовской области, а потом рванул (понятно, что не без чьей-то могучей подачи) по дипломатической линии, закончил Дипломатическую Академию, попал в МИД, и уже оттуда через пресс-службу Правительства в советники и пресс-секретари Чубайса. Взлет резкий, почти головокружительный, но в те времена, на переломе эпох, вполне возможный. Если звезды сошлись. И в нужном месте, в нужное время. Второй участник событий – Сергей Лисовский, до сих пор является известной и хорошо раскрученной публичной фигурой. Он побывал и сенатором и телеведущим на РБК-TV и общественно-политическим деятелем, оставаясь при этом вполне успешным бизнесменом (птицефабрики, бройлеры, окорочка). О нем написано много и хорошего, и еще больше нехорошего, не зная его лично, ничего добавить не смогу.

Тут можно было бы сказать и пару слов об особой, если хотите, «выдающейся» командобразующей роли Анатолия Борисовича. «Чубайс» как политическое явление – это конечно, избитая тема, но все же внесу свои три копейки. Чубайс в новейшей истории имеет несколько образов и ликов. В широком народном сознании – это неизменно зловещая фигура, демон несправедливой и позорной чековой приватизации, наводивший вместе с соработниками шок в экономике первой половины 90-х. Стало общепринятым тоном по возможности побольней лягать этого рыжего персонажа. Ничуть никто не сомневается, что есть за что. Человек чрезвычайно долго находится во власти, много и активно работал по самым разным направлениям – не говорим плохо или хорошо – это ведь с какой стороны смотреть, обильно наследил. Не святой. Святых там не бывает. Но в чем ему следует отдать должное – это профессиональный подход Чубайса к формированию команды. Он никогда не бросал «своих», собранных вокруг себя людей, когда-то поверивших ему и пошедшим за ним. Что бы с ними не происходило, в какие бы передраги они не попадали, Чубайс никогда не сдавал членов своего ближнего круга. Для современного российского политика – это уникальное

качество. Наблюдая перипетии политического долголетия Анатолия Борисовича, склоняясь к мнению, что как он держит и тащит команду, так и команда держит и тащит его. Удары по Казакову («дело писателей» и, недавние, относительно свежие по Меламеду и другим энергетическим топам, вышедшим из РАО ЕЭС), не делают эту группу товарищей слабее, наоборот, невзгоды и нападки (не всегда заслуженные) лишь укрепляют ее. Хотя, конечно, вокруг фигуры Чубайса в 90-е собрались отнюдь не бессребрники. Но вряд ли стоит их за это упрекать.

Цементирующее неписанное правило «команды Чубайса»: мы можем делать что-то для народа, только тогда, когда при этом мы делаем большее для себя. Но, собственно, это базисная установка всех современных чиновников. Только одни лукавят больше, другие – меньше. Несмотря на самоназвание первого гайдаровского правительства «правительство камикадзе», жертвенность российским либеральным экономистам никогда не была свойственна. Если даже и были какие-либо исключения, мне они неизвестны. Впоследствии неоднократно имел возможность убедиться, что сторонники свободного рынка на деле оказываются менее озабоченными «общественным благом», чем они привыкли говорить на публику.

Хотя на каждом углу повторялось, что государственные служащие не могут и не будут привлечены к участию в избирательной кампании, роль территориального управления в общей глобальной концепции проведения выборов под «нашего кандидата» была, по моим тогдашним ощущениям, отнюдь не последней. Если в столицах, союз «семибанкирщины» и «семьи» имел достаточно ресурсов, чтобы брать на себя и относительно эффективно решать все организационные и финансовые вопросы, то до дальних регионов, до отдаленных уголков нашей необъятной, где и затаились, мирно живя, простые россияне, руки «штабистов» дотягивались с трудом, или вовсе не дотягивались. И тут включался административный ресурс. За несколько месяцев до первого тура выборов ответственные сотрудники администрации, интегрированные в процесс, были направлены в регионы для осуществления «плотной связи» и «эффективного взаимодействия» с выборным штабом «нашего кандидата». Особо пристальное внимание уделялось «проблемным» регионам, где сильны были позиции КПРФ и, где коммунистический кандидат Геннадий Зюганов имел вполне реальные шансы переиграть Бориса Ельцина.

В книге «Борис Ельцин, президентский марафон», Ельцин достаточно много места уделяет 1996 году. Но, видя эту кухню изнутри, я не стал бы уж очень доверять этим воспоминанием, тем более написанными не им самим.

Именно таким регионом была Кемеровская область, где действующая администрация Михаила Кислюка, была в осаде со стороны Областного совета во главе с небезызвестным Тулеевым. Все предшествующее время

Тулеев слыл бесчисленные жалобы в Москву на Кислюка и его замов, обвиняя их в некомпетентности, коррупции, во всех смертных грехах. Центр был вынужден как-то реагировать. В Кемерово выезжали комиссии, в том числе и Контрольного управления, проводились проверки, писались многостраничные отчеты, но серьезных кадровых решений не принималось. Кислюк позиционировал себя активным «ельцинистом», и, даже если какие-то нарушения находились, – а куда без них, тут нет святых – никто в президентской администрации в тот период не собирался его снимать. Лето 1996 года оказалось решающей пробой сил для многих регионов, для всей страны. И кемеровская область не была исключением. Ставки были высоки. При победе блока Зюганов-Тулеев, Кислюк стопроцентно изгонялся с должности и на его место с помпой и помпезной риторикой, что он чрезвычайно любил, назначался бы Амар Гумирович Тулеев или (если бы Тулеев двигал в Москву и выше) его ставленник.

Лично для меня президентские выборы 1996 года накрепко связаны с Кемеровской областью, с Кузбассом. Еще в мае как куратор я был отправлен в «бессрочную» командировку в Кузбасс, где мне предстояло максимально плотно «взаимодействовать» с представителями администрации Кислюка, вплоть до «победного (в переносном, конечно значении) конца». Как люди трезвомыслящие и по натуре своей скептики-эмпирики, а у некоторых и с элементами цинизма, большинство из нас, задействованных и привлеченных, хорошо понимало, что обеспечить победу в Кузбассе нереально. В 1995 году на выборах в Госдуму победили коммунисты, и президентские выборы 1996 года готовились и преподносились как чуть ли не последняя, праведная битва против наступающей коммунистической угрозы, готовой любой ценой взять реванш за позор, пережитый в 1991. Кто из имевших хоть какое-то отношение к президентской кампании 1996 года не помнит печатавшуюся миллионными тиражами газетку, а фактически примитивный пропагандистский листок «Не дай бог!», с понатыканными к месту и не к месту и рассчитанными на неискушенную и непритязательную аудиторию прямолинейными, рубленными слоганами типа «Ельцин – наш президент», «Голосуй или проиграешь».

Все про себя все понимали. При любых раскладах Кемеровская область, породившая шахтерский протест, который в конечном счете и смел власть Горбачева, останется красной, а победа здесь, что не предпринимай, – за Зюгановым. Но организаторами федеральной выборной кампании в отношении Кузбасса была поставлена тактическая задача – не допустит «безоговорочной» победы КПРФ. Локальные цели заключались в том, чтобы добиться победы действующего президента в областном центре и нескольких крупных промышленных городах (Новокузнецк, Междуреченск). Если бы три

крупнейших города Кузбасса, промышленные центры, проголосовали бы не за Зюганова, это был бы несомненный успех.

В аэропорту Кемерово меня встретил заместитель Кислюка и одновременно управляющий делами областной администрации Юрий Павлович Серков. Он был немногословен, деловит и дело свое знал отлично. Он привез меня в гостиницу областной администрации, которая находилась, собственно, во дворе здания самой администрации и где, как оказалось, проживало еще несколько ответственных работников, мобилизованных Кислюком из других районов области. Мало сказать, что Серков сразу произвел на меня благоприятнейшее впечатление. Он мне очень, очень понравился, с первых же секунд нашего знакомства. Юрий Павлович отлично владел положением в области, без колебаний отвечал на любые, самые каверзные, вопросы, постоянно сопровождал и опекал в незнакомом регионе, где могли случиться непрогнозируемые ситуации.

Вскоре я узнал, что в «пред демократическое» время Серков работал заместителем заведующего «угольного» отдела обкома партии, где, и познакомился с Кислюком, который, став в 1991 году губернатором Кузбасса, пригласил Юрия Павловича в администрацию, на должность ни много-ни мало, а заместителя губернатора – управляющего делами, то есть главного по хозяйственной части. Когда, в 1989 году в стране начались шахтерские забастовки, Серков встречал приезжавших в Кемерово Бакатина, а затем и Горбачева, организовывал их встречи с кипящими от недовольства шахтерами. Выросший и воспитанный в шахтерской среде как мог, смягчал ситуацию на шахтерских собраниях, не давая ей, перерасти в конфронтацию с большими московскими начальниками все, знавшие Серкова, отзывались о нем как о человеке глубоко порядочном и ответственном. Да сам я вскоре получил возможность в этом убедиться. Всю информацию по выборам Юрий Павлович, согласно поручению Кислюка, замкнул на себя. Ему докладывали из всех районов, всех муниципалитетов, как идет подготовка к избирательному процессу, какие прогнозы, какие возможны эксцессы. Любую информацию, даже самую, казалось бы, чрезвычайную Серков внешне воспринимал крайне спокойно. Его невозможно было вывести из равновесия. Что происходило у него в душе – одному богу известно. Надо отметить, что некоторые главы местных администраций, предчувствуя и небезосновательно, победу в Кузбассе КПРФ, которая подразумевала следующим шагом приход к власти Тулеева, в целях самосохранения вели себя достаточно скрыто и сдержанно. Серков, да и мы вместе с ним, все это прекрасно понимал, но умело делал вид, что областная административная вертикаль продолжает быть одной командой, где все доверяют друг другу и играют на один результат. Юрий Павлович Серков был во всех отношениях супернадежный человек.

Говоря откровенно, после него я других таких людей, до конца преданных делу и слову, больше не встречал.

У меня были проблемы;
Я зашел чересчур далеко;
Нижнее днище нижнего ада
Мне казалось не так глубоко,
Я позвонил своей маме,
И мама была права –
Она сказала: «Немедля звони
Человеку из Кемерова».

Он скуп на слова, как де Ниро;
С ним спорит только больной.
Его не проведешь на мякине,
Он знает ходы под землей.
Небо рухнет на землю,
Перестанет расти трава –
Он придет и молча поправит все,
Человек из Кемерова.

...

Мне звонили из Киева,
Звонили из Катманду;
Звонили с открытия пленума –
Я сказал им, что я не приду.
Нужно будет выпить на ночь два литра воды,
Чтоб с утра была цела голова –
Ведь сегодня я собираюсь пить
С человеком из Кемерова.

(текст песни группы «Аквариум» Б. Гребенищикова)

Через пару дней в Кемерово прилетел еще один сотрудник администрации – Александр Георгиевич Коцоев. Поскольку мне не было известно, что кроме меня, будет еще кто-то на период выборов, еще один «куратор», я в первый момент внутренне напрягся, ожидая возможных

подвохов. Но это, как, оказалось, было ни к чему. Коцоев оказался прекраснейшим человеком, с которым мы за два месяца, проведенное в Кузбассе, крепко сдружились и поддерживали добрые отношения вплоть до самого ухода Саши в 2014 году.

Думал поначалу, что хозяева будут недовольны, что им на голову присылают один за одним мелких московских чиновников, с неопределенными полномочиями, типа что-то там, не важно что, контролировать, но ни за что не отвечать. Однако Серков отнесся к приезду Коцоева совершенно спокойно, поселил его в соседнем со мной номере в гостинице при областной администрации, в самом центре Кемерово. И каждое утро заходил за нами, чтобы ехать в те районы и города, которые мы наметили в рамках кампании посетить. Примерно в одно время с нами в область по заданию правительства прибыл руководитель «Росугля» Юрий Малышев, задачей которого была предвыборная работа с шахтерами, а вернее – с директорами шахт. Ох! Какая же тяжелая выпала ему миссия – агитировать за Ельцина, когда стремительно росли цены, а уровень жизни простых людей, тех же шахтеров, катастрофически падал. Да еще где агитировать? В Кузбассе, среди шахтеров, которые в августе 1989 стучали касками в Москве на Горбатом на мосту у Белого дома и, по справедливому мнению, специалистов по новейшей российской истории, явились ключевой движущей силой, приведшей, в конечном счете, к турбулентному развалу СССР.

Как-то мы с Коцоевым присутствовали на одной из встреч Малышева с шахтерами, которую он проводил в Прокопьевске. Малышев не просто отбивался от навалившийся на него руководителей шахт, главных инженеров, мастеров, бригадиров, рядовых шахтеров. Он сам периодически переходил в наступление, умело показывая окружающим, кто в доме хозяин. Смысл его слов не имел значения, в общем-то, в них мало кто верил. Главное – это напор и убежденность, он по собственному опыту хорошо знал, с какой аудиторией имеет дело. Прокопьевск и соседний Киселевск – это проваливающиеся города отнюдь не в переносном, а самом что ни на есть прямом значении. Там все уходит под землю: дома, деревья, магазины, дороги. Там люди живут с убеждением, что все, что еще каким то чудом сохранилось на поверхности рано или поздно обязательно уйдет по землю, вместе с ними. Там нечем дышать, там регулярно вводится режим «черного неба». Когда мы в машине медленно передвигались по разбитым в пух и прах улицам Прокопьевска, когда я смотрел на покосившиеся, вросшие по окна в землю, одноэтажные деревянные черно-серые дома, мне, столичному жителю, становилось не по себе. Где мы? Что за захолустье? Как можно жить в таких условиях? Так тяжело работать и так плохо жить? На этот вопрос никто не мог дать ответа,

ни Малышев, ни областные руководители, никто. Нет на него ответа и до сих пор, думаю и не будет...

Между статусом Коцоева и моим были некоторые отличия. Если я был заброшен в Кемеровскую область как рядовой боец «нести вахту» до полной и окончательной победы «нашего кандидата» (понятно, что не только в самой Кемеровской области – в это чудо никто не верил, а в стране в целом), то Александр как начальник отдела мог периодически летать в Москву для поддержания текущего функционирования своего отдела. Поначалу он, собственно, так и делал, готовил отчеты, пытался докладывать. Но вскоре понял, что московскому начальству уже не до него. Начальству уже вообще было не до чего, кроме выборов. Выборы, только выборы! Это действие вытеснило и затмило все остальное. Хотя, если, сказать по правде, проводить время в регионе и наблюдать события вживую, было гораздо интереснее, чем томится и скучать в казенном кабинете на Старой площади. Поэтому Александр Георгиевич тоже быстро просек преимущества работы «в поле», резко завязал с этими никому ненужными отлучками в Москву и присоединился ко мне в нашем предвыборном региональном сидении и неочевидном полуночном бдении.

За два месяца кемеровской эпопеи мы посетили много мест, городов и районов, от Юрги на севере области до Таштагола в Горной Шории (кстати, исторической родины Тулеева) на юге Кемеровской области. Были в Новокузнецке, Междуреченске, заехали в «Томскую писаницу», историко-культурный и природный музей-заповедник в Яшкинском районе. В Кузбассе из 25 городов, 24 являются моногородами с тяжелым постсоветским наследием и агитировать там за Ельцина было пустым занятием. Но поскольку надо было делать ту работу, под которой подписались, мы как-то вертелись.

После полунощных предвыборных бдений просыпались мы обычно с помятыми лицами. На завтрак шли хмурые. Хозяева предлагали рюмку коньяку, чтобы вернуться в тонус. Поначалу горячо отказывался, но затем, исходя из понимания, что со своим уставом в чужой монастырь, да еще злясь, в Сибири, смирился с таким утренним меню. И через какое-то время даже смог оценить его правильность и полезность.

Но особенно мне запомнилась поездка в Мариинск и вот почему. Как я уже говорил, кемеровский избирательный штаб действующего тогда президента поставил себе стратегической задачей не отдать КПРФ хотя бы крупные города: Кемерово, Новокузнецк и Междуреченск. А если повезет, то может быть, и еще пару районных городов, поменьше, возможно, размерами, но имеющими весомое значение для после выборной отчетности, без которой никуда, даже здесь, на выборах.

В этом плане был примечателен небольшой городок Мариинск, но не потому, что там кому-то нравился Ельцин, больше чем в целом по Кузбассу, таких чудес и ожидать здесь не приходилось, а только и исключительно потому, что в этом городке находилось сразу четыре учреждения федеральной службы исправления наказаний по Кемеровской области: мужская исправительная колония, женская исправительная колония, воспитательная колония (для лиц не достигшие 18 лет) и следственный изолятор предварительного заключения (СИЗО-3), бывшая Мариинская тюрьма Новосибирской области Западно-Сибирского края, где в конце 30-е годов осуществлялись расстрелы политзаключенных.

Поскольку пребывающие в СИЗО лица, еще не являются осужденными, то по закону они обладают избирательным правом и могут участвовать в выборах. Так вот, кому-то из «штабистов» в Москве пришла в голову мысль, о том, что если должным образом отмотилизовать администрацию учреждений пенитенциарной системы, то можно за счет ожидающих суда и полностью зависимых от администрации лиц хоть как-то, хоть частично, но улучшить показатели нужного кандидата. При том, что само собой подразумевалось, все военные, во всех разбросанных по стране дальних и ближних гарнизонах стопроцентно отдадут голоса за «нашего кандидата» (попробуй не отдай!). И при таком раскладе Мариинск со своим блоком следственных изоляторов мог внести вполне достойный вклад в копилку трудно набираемых голосов. Помимо расположенных тут СИЗО, Мариинск был еще широко известен в области своим ликероводочным заводом, производящим весьма неплохую, даже по московским меркам, водку. Тогда еще Мариинский ликероводочный был самостоятельным предприятием (сам по себе завод), и не входил в группу компаний «Синергия», позиционирующую себя ныне как крупнейший производитель российского алкоголя. Так что миновать этот городок мы с Сашей никак не могли. Когда мы приехали в Мариинск и пообщались с администрации одного из СИЗО, то один из местных руководителей неожиданно предложил собственными глазами увидеть быт подследственного контингента. Передо мной вдруг возникла дилемма: стоит ли заходить во внутрь, в само помещение СИЗО... Какое-то время я колебался.

Но, в конечном счете, аргумент, что уж если оказался в таком месте, то не стоит малодушничать, взял верх, и вместе с сопровождающими охранниками, вошел в это непонятное и пугающее учреждение.

Меня провели по коридору. В голову ударил тягучий непередаваемый запах. Мутило и подташнивало.

- Будем заходить в камеру? – любезно спросил заместитель начальника по охране, получивший инструкции ни в чем не отказывать московскому гостю.

- Нет-нет, благодарю...– отвечаю кратко, почти испуганно.

- А то давайте, зайдем, – мягко продолжает майор службы исполнения наказаний.

- Нет, спасибо... может быть в другой раз...– мямлю, просящей интонацией.

- Ну, как скажете... – несколько разочарованно, как мне показалось, протянул офицер.

А что еще я мог сказать в подобной ситуации, когда единственной еще остающейся в голове мыслью было любой ценой поскорее выбраться отсюда на свежий воздух?

Мы еще попили чаю в приемной начальника СИЗО, не отказались опробовать и мариинского ликероводочного изделия, действительно, оказавшегося отменного качества. Был я настолько впечатлен увиденным и унюханым, что должен был как-то запить и заесть и это дело. Пролетело двадцать пять лет, но полученные в Мариинске летом 1996 года впечатления до сих пор сильны и ярки. Вряд ли они когда-нибудь выветрятся из памяти.

Как-то после примерно недельного пребывания в Кемерово, когда мы уже все перезнакомились и выработали определенный поведенческий алгоритм ко мне, неожиданно подошел молодой человек с узким в виде щели ртом Буратино и плотно сжатыми губами, как оказалось, из окружения местного, кемеровского представителя президента и протянул белый, чистый не заклеенный конверт. Заглянув туда, я увидел, чтобы вы думали? Конечно, вы правы – денежные купюры...

- Что это? – спрашиваю, как будто даже недоуменно.

- Это?.. Это – Вам, – сказано тихо-тихо, почти шепотом

- От кого? – продолжаю играть в невинность.

Молодой человек замялся.

- Ну... Из штаба просили передать, – произнес он еще более невнятно.

- Да-а? – слегка пожав плечами, я сделал вид, что мне непонятно, о чем именно идет разговор.

- Кто просил?

В ответ раздалось малопонятное бурчание, не имеющее никакой нарративной целостности. Видно было, что молодой человек хочет поскорее уйти, но как деликатно это сделать он не знает, и тоскливо мнетя передо мной. Дальше задавать какие-либо вопросы было бессмысленно. Человек явно не мог, да и не хотел на них отвечать. Видно, было сразу, что он тут ни при чем. Что он лишь выполняет волю своих начальников, кем-то сверху данное поручение. На какое-то мгновение его даже стало жаль. А что было мне делать? Столь ординарное и в то же время специфическое предложение застало меня врасплох. Я, конечно, знал, что в ходе выборной кампании

широко циркулируют скрытые финансовые потоки, что это вклад «семибанкирщины» в победу «нашего кандидата», что средства предназначены на оплату концертов, самолетов, и иных шоу с целью убедить молодых и безразличных, что «Ельцин – наш кандидат». Слышал, догадывался, улавливал по косвенным признакам, полунамекам, глухим шуточкам, улыбочкам, ухмылкам. Но даже не представлял себе, что каким-то образом могу с этими потоками (ну, хорошо, по локальным масштабам – ручейками) при каких-то обстоятельствах пересечься. Слишком мелкая сошка. Интуитивно, я понимал, что это никакой не подкуп, скорее авансовое стимулирование, неофициальная доплата за текущую работу, подчеркивающую ее политическую и историческую значимость. Так работает любая «черная касса» в любом деле с высокими ставками. А выборы как раз и есть «такое дело».

Де-факто как бы признается, что твоя официальная зарплата слишком маленькая в масштабах порученного тебе дела и предлагается неофициальная доплата, некий бонус, правила начисления и получения которого нигде и никем не оговариваются. Считается, что, получив такой бонус, человек, в смысле – чиновник, будет, весьма благодарен, причем абсолютно молча. Все риски проникновения сих пикантных моментов в публичную плоскость берет на себя барская рука дающего. Хотя и риски то минимальные: ведь расписок, подтверждающие факт получения денег из черной кассы никто ни тогда, ни раньше, ни позже, не требовал. Однако в данной конкретной ситуации, столкнувшись впервые с нечто подобным, не располагая никакими подтвержденными сведениями насчет того, является ли денежное поощрение штабистов, двигающих выборы «нашего президента» негласной, но адаптированной практикой или сделанное мне только что предложение носит ситуационно-эксклюзивный характер, является деянием на грани фола, а может, и за гранью, я почувствовал себя в откровенном замешательстве. Посоветоваться было не с кем. Спросить было не у кого. У кого спросишь о таких вещах? Но реагировать в данной ситуации было все же как-то надо. Не скажешь же: давайте я подумаю, а через пару дней вернемся к этому вопросу. В общем, невнятно, с глупыми натянутыми шуточками, пробубнив что-то насчет того, что типа «мы – команда единомышленников», что мы «работаем за идею, на благо нашего президента» и так далее, дал понять собеседнику, что отклоняю предложенные «подъемные». Тем самым, видимо, еще более смутив и расстроив коллегу из кемеровского предвыборного штаба.

Вскоре, наведя соответствующие справки и аккуратно поинтересовавшихся у знающих и компетентных людей, я узнал, что региональные штабы получали под выборные мероприятия немалые средства, и, естественно, налом. Уполномоченные штабные начальники распоряжались

данными средствами, своего рода «черной кассой», по своему усмотрению, без отчетности и серьезного контроля. Раздача денежных сумм себе и своей команде в виде «вторых зарплат» и иных материальных бонусов являлась наиболее распространенным вариантом их полного, без остатка освоения. При этом логика в мотивации такого рода поступков была весьма простой, если не сказать примитивной: нужна победа, победа «нашего кандидата» любой ценой (по принципу, ну-ка, вспомним – «...мы за ценой не постоим»). Всем привлеченным эта логика была понятно, и, главное, всех, и в Москве, и на местах, она устраивала.

А если чудо все же случится, желанная победа наконец произойдет, то потом уже ничего не страшно: положил ли ты что-то себе в карман или не положил, а если положил, – то сколько. Или три миллиона российских рублей (как лежало в том, предложенном мне конверте) или на порядок больше. Какая разница? Планка преодолена! Рубеж взят! Количество нолей в сумме вознаграждения в данной ситуации не имеет значения... Все спишется, забудется, замылится. Победителей у нас, как известно, не судят. На это и был расчет. А ведь, по сути, все так и произошло. Из всех огромных, скрытых финансовых потоков, направленных на выборы 1996 года, и сопровождавших их процессов, в публичную плоскость попал лишь знаменитый эпизод с «коробкой из-под ксерокса» на проходной «Белого дома». Да и то, потому что это был ключевой момент острейшей борьбы жестко конкурирующих между собой двух властных кланов. Но и его постарались скорее замять и забыть. После президентских выборов 1996 и «исторической» победы «нашего кандидата» было сделано все возможное, чтобы этот пикантный эпизод поскорее выветрился из общественной памяти. Действительно, кто сейчас помнит о нем? А политические деньги, питающие до сих пор все избирательные кампании, как были, так и остаются в тени. И никто их выводить оттуда не собирается. Периодические происходящие скандалы с губернаторами, сопровождающиеся обысками, демонстрациями теперь уже коробок из-под обуви, набитыми пятитысячными купюрами, лишний раз подтверждают это.

Поющий самолет

То, что думают о тебе другие, никак не связано с тобой – лишь с ними.

Джен Сенсеро

Но главной фишкой выборной президентской кампании 1996 года был, несомненно, «поющий самолет». Суть придуманного тогдашними властными спикерами трюка заключалась в том, что самолет с известными эстрадными артистами, безусловно, симпатизирующими действующему президенту Ельцину (по какой причине – идейной или сугубо материальной – это уже другой вопрос) в течение месяца до проведения первого тура выборов перелетал из одного региональной столицы в другую. Финансировались все эти гастроли, понятное дело, из черной кассы. Прилетев в крупный сибирский город, популярные артисты под лозунгами «Голосуй или проиграешь», «Ельцин – наш Президент» давали концерт, затем пресс-конференцию (губернаторский прием – это само собой), а на следующий день рано утром самолет уже вылетал в соседний регион, где все повторялось вновь по тому же сценарию. Артисты менялись на ходу: какая-то часть их после пары выступлений возвращалась самостоятельно в Москву, другая часть, наоборот, подлетала в исходную точку и присоединялась к туру.

Как известно, рейтинг ЕБН к лету 1996 года был крайне низкий, по некоторым оценкам, не более 5 процентов. Фактически он достиг дна. К тому же работоспособность президента тоже оставляла желать лучшего. С весны 1996 года короля уже играла свита. Чубайс и Татьяна Дьяченко не только имитировали, как могли, бодрость духа и крепость тела больного Ельцина. Заинтересованные внутренние и внешние наблюдатели отмечали, что это им неплохо удавалось. Созданный под президентские выборы «штаб» совместно с заангажированными и глубоко приплаченными политтехнологами в тактическом плане сделал вполне обоснованную и разумную ставку на молодежь, рассчитывая растормошить, зажечь ее легкой, веселой, популярной музыкой, точнее было бы, наверное, сказать – «так называемой музыкой», набором низкопробных шлягеров. И столь несложным образом привлечь ее на избирательные участки. Накануне выборов Ельцин обещал отменить срочный призыв в армию и ввести в ближайшее время систему службы по контракту. Люди среднего возраста, не говоря уже о пенсионерах, к тому времени окончательно разочаровались и в нем, и в его политике, и, поэтому, сделали вывод наемные пиарщик, единственный шанс вытянуть выборы – это при помощи песен и плясок на высшем уровне «зажечь», раскрутить молодежь с ее необремененным сознанием и прирожденным оптимизмом. Агитационные концертные туры были ключевым элементом предвыборной стратегии.

Концерт на городском стадионе Кемерово должен был состояться 31 мая 1996 года. Мы с Сашей Коцоевым к тому времени уже несколько недель находились в областной столице, периодически связываясь с Москвой и отчитываясь о наших предвыборных поездках. Отчеты, следует признать, были необременительны. Достаточно быстро мы сообразили, что нашему начальству в данный период, в общем-то, не до нас и, успокоившись, относились к своим функциям по составлению отчетов не то, чтобы совсем спустя рукава, но философски и без фанатизма. Выступлению селебрити из «поющего самолета» предшествовал сольный концерт Вадима Казаченко, где он пленял местных девиц накаченным торсом и между делом говорил порученные ему для декларирования слова о том, что молодежь, чтобы не «проиграть» (а что именно она могла проиграть оставалось фигурой умолчания), должна обязательно проголосовать. На концерте раздавались майки со слоганом «Ельцин – наш Президент», бейсболки, всякая иная мелкая «про ельцинская» атрибутика. В общем делалось все, чтобы кемеровской молодежи накануне выборов было нескучно.

Но вот, наконец, и главное действо. На сцене кемеровского стадиона, сменяя друг друга, появляются Киркоров, Аллегрова, Агутин, Варум, Леонтьев, Татьяна Овсиенко, Женя Белоусов и многие другие тогдашние эстрадные звезды. Стою рядом со сценой вместе с двумя прилетевшими

накануне сотрудниками коржаковской службы безопасности, курю, и воочию наблюдаю это огненное шоу. Передо мной демонические полчища возбужденных поклонников. Разогретая толпа гудит и жаждет.

Испытывал ли я в те минуту какой-то подъем, радость, кураж? Нет, не испытывал. Было любопытно увидеть вживую и вблизи «звезд шоу-бизнеса», но и только. Хорошо уже представляя (но, как оказалось, все же не до конца) кухню этой предвыборной кампании, спокойно и даже с некоторым безразличием, наблюдал, как эстрадные ребята отрабатывают свои «бабульки». Цена их лозунгов и слов была известна. Но делать какие-либо оценки, тем более осуждать их – Упаси, Господь! А чем я лучше? Да ничем. Также отрабатываю корочку, свою казенную зарплату. Масштабы цифр, конечно, разные, а направление – то же самое. Мы если не в одной лодке, то, определенно, в одной бутылке. Ой, я хотел сказать: на одной стороне баррикад... И на нашей стороне власть и пушки...

После концерта губернатор Кемеровской области устроил традиционный прием. Сидя за одним столом с нашими «звездами», впервые так близко наблюдал эту публику. Перегруженный позитивом, я явно не оценил рисков нахождения рядом с такой гламурно-скандальной публикой. Как будто наблюдаешь красивый психоделический сон.

Да и те люди, которые работали, а предвыборных штабах, разве они были убежденными ельцинистами? Да нет, конечно. Большинству из них не нравилось то, что происходило вокруг. Но они молчали. Их наняли выполнять некие упрощенные административные задачи. Они – наемники. Им платили и неплохо за это наушничество, которое они бы хотели считать служением. И называть это так. Они даже друг для друга не были своими. И они, оставаясь холодны сердцем к своим прямым обязанностям, отрабатывали порученный им участок в силу природной порядочности вполне добросовестно.

В конечном счете, в Кемеровской области по результатам обеих туроклипов из чуждой жизни. Хотя за исключением Киркорова, который, обуянный приступом злокачественного нарциссизма, громко, умышленно привлекая к себе внимание, рассказывал пошлые анекдоты про «педиков», и сам громче всех над ними смеялся, все остальные приглашенные артисты вели себя относительно прилично. За столом тихо переговаривались между собой, но чувствовалось в них усталость от ежедневных, в бешеном темпе, концертов и перелетов. И если бы не случившиеся именно тогда день рождения популярной в то время и максимально раскрученной эстрадной певицы Наташи Королевой (которая Порывай), все бы с удовольствием свернули лавочку и разошлись по своим делам и номерам. Но поскольку ситуация обязывала, продолжались громогласные здравицы в честь этой певучей красавицы.

Губернатор Кислюк подарил Королевой в тот вечер огромный яркий букет роз, и наговорил много разных сладких возвышенно-патетических слов. Артисты, отработав и расслабившись, оживленно подхватили этот порыв. Но первоначальное естественное возбуждение по случаю мероприятия как-то быстро выдохлось и в дальнейшем поддерживалось, как мне показалось, достаточно искусственно. В их манерах отчетливо ощущалась некая поведенческая девиация, запрограммированность на безусловное поддержание хорошо оплаченного веселья. Слава богу, я попал в «тихий угол». Рядом со мной сидел музыкальный продюсер Айзеншпис, а также его воспитанник, усиленно раскручиваемый в тот момент Влад Сташевский. В то время как на противоположной половине стола под громкие возгласы и брызги шампанского именинница принимала дежурные поздравления, они тихо о чем-то переговаривались.

Но внезапно веселье прервалось. Губернатору сообщили о страшной аварии, произошедшей только что в Яшкином районе Кемеровской области, где электричка столкнулась с товарным поездом, погибли люди. Фатальное стечение обстоятельств. Еще не зная детали происшедшего, Кислюк коротко и сухо сообщил, что он должен покинуть мероприятие и ехать на место крушения. Вместе с ним ушли и другие заместители губернатора, а также многие работники аппарата... Настроение резко сменилось с мажорного на минорное. Продолжение банкета было неуместно, оставшиеся должностные лица областной администрации стали быстро разъезжаться. Большинство артистов (за исключением все того же Филиппа и может, еще пары человек, продолжавших веселиться как ни в чем не бывало), также стали потихонечку покидать зал. Резко стало не до праздника. Вместе с представителями принимающей стороны я быстро покинул банкет и ушел к себе в гостиничный номер. На следующий день «поющий самолет» отправился в Томск, а мы с Коцоевым остались ждать первого тура выборов.

Вспоминая по прошествии времени тот эпизод с концертом и банкетом, я не делаю, не могу делать никаких выводов и давать каких-либо оценок. Понятно, что никакого искусства эстрадные знаменитости с того «поющего самолета» в массы не несли. Да никто тут об искусстве не думал, даже слов таких не употреблял. Артисты мечтали, прежде всего, тупо заработать, причем серьезно не заморачиваясь, на автопилоте, без участия сознания. Нравился им Ельцин или не нравился – особо никого не интересовало. Привлеченные и хорошо оплачиваемые политтехнологи писали им сценарии, но, как правило, эти сценарии не соблюдались, быстро-быстро забывались. Ведь про себя все участники процесса, в том числе и нанятые имиджмейкеры-сценаристы, понимали, что речи перед или во время концертов, обращения к молодежи, интервью – все это по большому счету лишнее. Достаточно запомнить пару

ключевых слоганов и где-то в ходе выступления озвучить их в форме горячечных выкриков и мокрой эмоции. То, что со стороны это выглядело, натянуто и фальшиво никого по большому счету не заботило.

Верили ли они в Ельцина? Связывали они свою судьбу с его судьбой? Нет. Конечно, нет. По сути своей в данной ситуации они были наемниками, а в мире наущничества алчность всегда сильнее, чем верность. Были ли используемые приемы воздействия на молодежную аудиторию хороши или плохи? Трудно сказать, и, наверное, неправильно, давать какие-либо этические оценки, когда идет борьба за власть. Но одно, несомненно, – они были весьма малоэффективны – победил Зюганов. Но крупные города, основные промышленные центры Кузбасса – Кемерово, Новокузнецк и Междуреченск – остались за Ельциным. Была ли это локальная победа честной, без применения административного ресурса? Не знаю, не уверен... Хотя хочется считать именно так. Почему? В этих городах сконцентрировался промышленный потенциал Кузбасса. Угольная промышленность и связанные с ней смежные отрасли реструктуризировались и переходила в частные руки. Процесс этот начался в 1990 году, когда принятием закона «О собственности в РСФСР» в России впервые появляется понятие «частная собственность».

Брошенные государством на произвол судьбы, производственные активы не могут долго оставаться бесхозными. Приходили новые собственники, достаточно молодые, не обремененные советскими стереотипами не закомплексованные в меру циничные ребята. Разноориентированные недавно сформированные промышленные группы рвались к реальному управлению кузбасскими активами. Им реставрация прежних порядков с монополией, единственной и «направляющей» партии, была уж точно ни к чему. И они ложились костью, чтобы поставить барьер возможной «красной реставрации». На время даже могли забыть о раздирающих их противоречиях и взаимной неприязни, объединив ресурсы и направив их на поддержку и сохранение действующего режима. Безусловно, какие-то передергивания, локальные подтасовки могли быть, но не в таком масштабе, чтобы переломить доминирующий тренд.

Саша Коцоев, улетал из Кемерово сразу после появления результатов второго тура выборов. Я оставался еще на пару дней. Охваченные неким подъемом и возбуждением – все не так плохо, как могло бы быть –, мы сидели с ним и Серковым за почти праздничным столом, обсуждая итоги выборов и провожая Сашу. Накатив не по одной, и уже прощаясь с нами перед тем, как сесть в машину, Александр Георгиевич приобнял Серкова, затем меня и с серьезным видом, своим низким, хорошо поставленным красивым мужским баритоном произнес: «Вот пепел, который мы сделали вместе...».

Проводив Коцоева, мы, актив местного выборного штаба и несколько прикомандированных к нему московских чиновников, подзадержавшихся для окончательного разбора полетов, поехали отмечать «победу нашего кандидата». Вернее – поплыли. Вниз по Томи, на крошечном, специально арендованном для этой цели, пароходике. В Москве в это время награды и должности уже раздавались направо и налево. Здесь же, в провинции, работники ельцинского «штаба» могли позволить себя лишь скромный банкет на природе. Ну, и почетную грамоту, может быть. Замороченным активистам требовалась эмоциональная отдушина. Все они с радостью готовы были сбросить с себя дерготню и бестолковщину прошедших дней и выехать освежиться.

Причалив на небольшом островке, помню, мы хорошо, даже с локальных позиций, отметили победу «нашего кандидата». Безусловно, выпили лишнего. Еще бы. Повод-то какой! Напряжение последних дней неожиданно спало и операторы уже закончившегося и даже победоносно, выборного процесса в столице ни в чем себе не отказывали. Могли и региональные штабы слегка расслабиться и кое-чего себе позволить.

Пытаюсь вспомнить, что я чувствовал, что ощущал по окончанию выборной кемеровской эпопеи образца 1996 года. Пожалуй, облегчение, что все закончилось. Да, точно, облегчение, что наконец-то воспаленные дневные бдения, совещания и летучки, а также ночные радения с циферками и коньяком завершились. И еще – труднообъяснимое опустошение, смутное ощущение того, что за эти прошедшие два месяца значительно ухудшилось мое и так не слишком богатое внутреннее содержание. Как будто что-то важное и значимое изнутри меня изъяли, не извинившись и не представив ничего взамен.

Поскольку погода была ясная и жаркая, несколько человек, разгоряченных выпитым, полезли купаться, ну и, конечно, я среди них. Вспомнил этой мелкий бытовой эпизод только потому, что именно в тот день потерял часы, которые я по дурости снял, боясь их намочить и повредить. Именно по дурости, поскольку часы были «морские», водонепроницаемые, с крупной яркой символикой российского Военно-морского флота. Часы эти мне очень нравились и носились с удовольствием. Когда я на следующий день заметил их пропажу, очень-очень расстроился. Но что было делать? Успокаивал себя тем, что есть традиция: в местах, которые тебе понравились, которые тебе дороги и в которые собираешься вернуться – оставлять монетку. А я оставил дорогие мне часы... С тех пор, кстати, я часы вообще не ношу.

Относительно недавно, в 2014 году, контора Степана Сулакшина – Центр научной политической мысли и идеологии – выпустил доклад о том, что парламентские выборы 2012 года выиграла вовсе не «Единая Россия», а

как раз КПРФ. Доклад породил скандальный резонанс. Степану пришлось на какое-то время даже уйти с должности руководителя центра, причем сделать это публично. Прошло несколько лет пыль улеглась. Сулакшин снова возглавил «Центр» и с научных, как ему представляется, позиций, продолжает дозированно критиковать действующий режим. Но даже Степан Сулакшин, склонный к сенсационности и эпатированною, не рискнул замахнуться бесповоротно на итоги президентских выборов 1996 года. Он вроде как опровергает их, но как-то с оговорками, не до конца что ли. Тем не менее тень «поддельной победы», некой инфернальной политической манипуляции, продолжает витать над выборами 1996 года, нарушая целостность замысла демиургов российской политики середины 90-х. Нынешнему премьеру Дмитрию Медведеву, приписывают следующую фразу, сказанную еще в бытность его президентом в период 2008-2012 годов: «Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 1996 года. Это не был Борис Николаевич Ельцин». Справедливости ради надо отметить, что по окончании своего «президентства» Медведев ничего подобного, кстати, нигде уже не повторял. Возможно, он ныне даже жалеет о сказанном и мечтает о том, чтобы то его неосторожное высказывание было поскорей забыто.

1996-1997 годы в Кемеровской области прошли под знаком резкого противостояния Кислюка и Тулеева. Да и вообще, представляется, что Кузбасс всегда был и останется сложным регионом в плане внутривнутриполитического устройств, в котором борются, мирятся, взаимодействуют, воюют разные промышленные кланы с ориентацией на разные политические фигуры, как местного, так и федерального значения. Период моего недолгого кураторства пришелся как раз на то время, когда группа МИКОМ братьев Живило, захватывала ключевые промышленные активы региона, вытесняя прежних собственников. Еще не все легкие деньги были сделаны, еще стояли не приватизированные стены и трубы, плод самоотверженного труда поколения энтузиастов. Хорошо помню комиссию, направленную из Москвы в регион в связи с кризисной ситуацией, возникшей на Новокузнецком металлургическом комбинате (НМК), ведущего в России производителя и поставщика железнодорожных рельсов. Старая гвардия управленцев НМК во главе с директором, героем социалистического труда Кузнецовым сопротивлялась, как могла, экспансии московского МИКОМА, сыпала в Москву письма и телеграммы о незаконных рейдерских действиях братьев Живило. И правда в общем-то была на ее стороне. Но за группой братьев Живило стояли некие мощные фигуры из-за кремлевских зубцов.

Почувствовав это, администрация Кислюка заняла осторожную, выжидательную позицию, переложив бремя ответственности и функции третейского судьи на Москву. Как водиться, в результате обращения главы

региона на высшее должностное лицо была создана очередная комиссия, вылетевшая в Кемерово. Слава богу, я был лишь рядовым членом этой комиссии и право выводов и окончательных заключений принадлежало не мне (опыт читинской комиссии запомнился надолго). Из разговоров с руководителями местного территориального управления Госимущества, включенного в состав комиссии, я довольно быстро осознал, что положительного решения для НМК здесь не будет. Да и вообще справедливого ждать не приходится, его не будет никогда, если такие слова как справедливость вообще уместны при разделе крупных кусков государственной собственности. Тем не менее, соблюдая протокольные формальности, мы, как члены комиссии, провели встречи с каждой и сторон, однако ситуация была столь запутана, причем искусственно запутана, проведением зеркально дублирующих друг друга собраний акционеров, не признающих и оспаривающих решения друг друга, что сформировать более-менее сбалансированную позицию было практически невозможно. Сразу же стало понятно, что на стороне братьев Живило, играет более искушенная и более циничная по сравнению с юристами НМК «московская» команда адвокатов. Как-то на одной из встреч, когда я вышел покурить, ко мне подошел (тоже вроде как вышел на перекур) один их «юристов» МИКОМа. И в ходе внешне непринужденной беседы ни о чем, о погоде, как бы невзначай, но достаточно четко, жестко и однозначно выразился в том плане, что может быть еще множество проверок, но МИКОМ, несомненно, в конечном счете, выиграет битву за НМК и все другие «вкусные» металлургические активы. На мой наивный вопрос: откуда такая уверенность, «юрист» лишь ухмыльнулся со знающим видом. Причем в этой ухмылке можно было рассмотреть своего рода умиление и жалость к простофилям вроде нас, мелких московских лоховатых чиновников, приехавших чего-то там проверять и пыжившихся, аж до суеты, найти «справедливое» решение. И действительно, что пара госслужащих, которые «ничьи», которые сами по себе, могли противопоставить нахрапу и административному ресурсу МИКОМа, вдохновленного поддержкой «сытых людей из Москвы», кроме ненужного никому, а в отдельных случаях и опасного, эмпирического понимания справедливости?

В конечном счете так и получилось. Проторчав в Кемерово и Новокузнецке целую неделю, комиссия ничего «криминального» не решила, ни к каким внятным выводам не пришла. Да и прийти не могла. Только значительно позднее я узнал из доверительных источников, что за МИКОМом стояли влиятельные политические фигуры из ближайшего ельцинского окружения, включая руководителя службы президентского протокола

Шевченко, что, понятное дело, придавало напор и уверенность в безнаказанности действиям группы братьев Живило.

Вскоре МИКОМ одержал безоговорочную победу в борьбе за Новокузнецкий металлургический комбинат и другие значимые промышленные активы Кузбасса, а представитель МИКОМ Черокадзе даже вошел в состав областной администрации, причем став ни кем-нибудь, а заместителем Кислюка по промышленности. Губернатор быстро сообразил, что с московским покровителями МИКОМа лучше не ссориться, тем более имея постоянно под боком такую проблему, как популист Тулеев.

Но как часто бывает в жизни, победа эта оказалась пирровой. Как только вскоре после президентских выборов главой Кемеровской области стал Тулеев, между новой администрацией и группой МИКОМ вспыхнула яростная борьба с морей компромата, в которой, естественно, победил Тулеев. Борьба была с захватывающими, порой даже чрезмерно, сюжетами, в частности, в виде пресловутой попытки «покушения» на Тулеева со стороны братьев Живило, что знающими людьми с самого начала было расценено как не очень складно выдуманная и бездарно организованная инсценировка. В конечном счете братья были вытеснены не только с Новокузнецкого металлургического комбината, но и в целом из Кузбасса, и вскоре были вынуждены срочно эмигрировать из страны. Теперь они благополучно, надеюсь, что благополучно (хотя, как на самом деле – просто не знаю) живут где-то во Франции.

Получив долгожданные властные полномочия, Тулеев не ограничился переделом структуры собственности ключевых активов Кузбасса. Как человек по природе скрытно-мстительный и хороший манипулятор, он первым делом попытался отыграться на людях из предшествующей администрации. И надо заметить – отрывался от души. Если позволить себе некоторую образность, то я бы сравнил администрацию Кислюка с крепостью, стоящей посреди бушующего моря, прокоммунистических групп и группировок разных тонов и оттенков. А крепость эту осаждает шумная армада во главе с авторитетным флибустьером Тулеевым. От крепости постоянно отваливаются куски стен, и с грохотом падают в кипучую гневом пучину. Как это обычно и бывает в подобных ситуациях «команда» Кислюка не была едина, взаимодействие между ее ключевыми фигурами было минимальным, связи крайне слабыми, и, предчувствуя скорое падение лидера, некоторые деятели из окружения действующего губернатора скрытно перебежали на противоположную сторону баррикад.

Поэтому абсолютно понятно, что, не чувствуя за спиной надежной, успокаивающей и умиротворяющей поддержки федерального центра, администрация Кислюка вела себя нервозно, делала непоследовательные

ходы, тем самым теряя и так не очень высокую, мягко говоря, популярность. Большинство жителей региона уверенно считало, что первым человеком в области, без сомнения, является как раз Тулеев, причем еще с 1990 года, когда от стал председателем облисполкома, а Кислюк – это так, временная фигура, московский «назначенец». Тулеев все равно рано или поздно его задавит и станет однозначно первым человеком в Кузбассе, во всех рангах и лицах. Даже посторонним лицам было заметно, что в тогдашней администрации Кемеровской области действует широкая фронда. Редкое исключение в окружении Кислюка в плане уровня лояльности составляло всего несколько фигур, первым их, которых, по моему глубокому убеждению, являлся Серков Юрий Павлович. Среди команды, готовящейся предать своего капитана, всегда найдется пара бойцов готовых стоять до конца, и если погибнуть, то вместе с ним. Никто, из них, хорошо зная восточную мстительность Тулеева, не заблуждался относительно своей судьбы в случае победы Аман Гумировича. И, правда. Став после выборов губернатором, Тулеев неслабо «прессанул» наиболее известных и ярких членов команды Кислюка. Им пришлось покинуть Кузбасс. Часть из них перебралась вслед за своим шефом в Москву, часть залегла на дно, исчезла, растворилась. Некоторые уехали за границу. На многих с подачи окружения Амана Гумировича, были заведены уголовные дела, ничем, кстати, не кончившиеся.

Кто же тогда мог подумать, что начинается затяжная эпоха «тулеевщины», которая продлится аж двадцать лет, вплоть до трагических событий в Кемерово в марте 2018, до потрясшего всю Россию пожара в торговом центре «Зимняя вишня» и гибели в нем 64 человек, большинство из которых оказались дети. К сожалению, история засилья одного властолюбца в региональной власти ничему никого так и не научила. Это, увы, грустная история, а такие истории никому по большому счету не интересны, даже их главным героям. Их все стараются поскорее забыть и вычеркнуть из коллективной памяти. Я тоже многое вычеркнул. Но кое-что осталось. Никак не вычеркивается. Но отнюдь не то, что вы могли бы подумать.

Митино

*Быть как все или не быть как все?
Или тихо корпеть в своем офисе?*

Пока я, работая в территориальном управлении, путешествовал по Сибири, и проводил большую часть времени в командировках, дети незаметно подрастали и через пару лет стало явственно ощущаться потребность как-то улучшить бытовые условия, от несовершенства которых страдала семья, все время пребывающая в весьма ограниченном пространстве «хрущевки» образца 1962 года. Мало того, что Лена, вынужденная в мое отсутствие одна сидеть с детьми, постоянно хандрит из-за рутинного единообразия такого, прямо скажем, далеко не творческого существования, но оказалось, что и в бытовом плане семье стало весьма трудно. Просто потому что тесно. В то время, в начале 90-х, мы вчетвером жили в двухкомнатной квартире на 15-й Парковой, хотя прописаны были в «однушке» в Крылатском, которую отец годом ранее получил от «Россельхозтехники», где, видимо, быстрее, чем в «Моссовете» поняли, что жить шестером на тридцати пяти квадратных метрах, а так мы жили почти десять лет, невозможно без ущерба для психического состояния представителей каждого из трех поколений, существующих совместно в ограниченном пространстве.

Придя на работу в президентскую администрацию, я в 1992 году по совету крайне ушлого в хозяйственных делах Саши Захарова и следуя его примеру, написал заявление в управление делами президента, возглавляемое могущественным в то время Пал Палычем Бородиным, с просьбой поставить меня и мою семью на учет с целью улучшения жилищных условий, то есть фактически получения большей жилплощади. «Метры. Метры нужны» – как там было у Райкина? И вот весной 1994 года мне оттуда, из самого управления делами, сообщают, что мой вопрос рассмотрен на жилищной комиссии, и принято решение осчастливить мою семью путем предоставления трехкомнатной квартиры в новом микрорайоне Митино. А взамен за такое счастье я должен подарить сердобольному ведомству Пал Палыча свою скромную однокомнатную квартиру в Крылатском, где зарегистрированы, то бишь по-простому «прописаны» я с женой и двое детей, один из которых один еще малолетний. Вот такой как бы обмен с улучшением.

Лена восприняла эту новость с внутренним удовлетворением трудолюбивой женщины, ответственной за семью в целом, и за мужа, как наиболее слабое ее звено, но без восторга. Ехать в Митино («А где это? О-о, аж за МКАДом, у черта на рогах») ей явно не хотелось. Там во всю

продолжалась массовая стройка: пыль, грязь, мусор, разбитые дороги, лужи и всякий прочий околостроительный дискомфорт. Но главное – там не было метро. Приходилось ехать автобусом от Тушинской, что занимало почти полчаса. По московским меркам, это много, как ни крути. Когда мы с ней, получив смотровой ордер, первый раз поднялись на 14-й этаж только-только сданного семнадцатипятиэтажного панельного дома на Митинской улице, она, похаживая немного по пустым гулким комнатам, посмотрев на плотное окружение серых многоэтажных коробок, на брошенную, развороченную стройку во дворе, в двадцати метрах от подъезда, села на кухне и тихо заплакала.

- Ты что, – искренне удивился я, – радоваться ведь надо!

Но что-то совсем другое, мне недоступное и непонятное, занимало мою вторую половину.

- Неужели, – дрожащим голосом произнесла она, – неужели мы теперь до конца жизни обречены здесь жить?

Слеза медленно прокатилось по щеке...

И что ответить на этот вопрос их разряда вечно риторических? Человек не может и не должен знать заранее, где он будет жить, с кем он будет жить, и сколько. Это великая загадка и одновременно движущая сила нашего здешнего пребывания... Но моя половина в силу гендерных особенностей и природного воспитания этот отторгаемый нас от грешной реальности подход не разделяла. Как только мы въехали в Митино, она, побыв некоторое время наедине с собой и что-то там, видимо, сама с собой решив, начала разворачивать свою женскую «битву за быт», за его несомненное и безоговорочное и бесповоротное улучшение. В подобные сражения я не вмешивался, считая, что победить в них невозможно. Да и поздно было уже менять сложившуюся в голове систему восприятия окружающего мира. Тридцать семь лет! Мужчина зрелом возрасте! Зато пустая трата времени и сил. Скажу более, я избегал этих «битв» и потому, что элементарно опасался их последствий. Я не чувствовал себя сильным игроком на этом поле, не знал эвристических правил этих ристалищ, а штудировать их в силу гендерной лени и прирожденному пофигизму не испытывал никакого желания, никогда не изменял московским привычкам: пить чай или не чай, зубоскалить, обсуждать все на свете... и ничего не делать.

Никто однако не будет отрицать, что в начале 90-х, когда внезапно исчез «железный занавес», и все, кто мог рванули насладиться страстно желанным, но долгое время запретным Западом, а заодно и сравнить их жизни с нашей, борьба за резкое улучшение материальных условий личностного существования стала в нашем еще до конца не вылупившемся постсоветском обществе абсолютно доминирующим трендом. И затронула в той или иной

степени почти каждую семью. Не миновал он и нашу в лице ее, несомненно, лучшей половины. Другая, соответственно «не лучшая» половина, тихо курила в сторонке. Следует признать, этот тренд прорыва к скрываемым ранее материальным благам оказался настолько могуч и динамичен, что господствовал не только в 90-х, в период хаотичного правления Ельцина, но и в нулевых, да и в настоящее время, думаю, не утратил своей поблескивающей привлекательности для большинства моих сограждан.

Переехали мы на улицу Митинская, в дом 47, корпус 2 летом 1994 года. Как персону, мало приспособленную к ведению хозяйства, у которой руки растут из известного из какого места, жена решительно отстранила меня от организации переезда и взяла столь, почти философский, вопрос в свои хрупкие руки. Подготовка к переезду и сам переезд запомнились мне как-то слабо. Долго думали: брать с собой настенные и напольные ковры. В старой квартире они висели везде где только можно – на стенах, на полу, стояли свернутые в рулон в чулане. В позднесоветский период ковры были не просто модным элементом домашнего интерьера, утепляя холодные полы и стены панельных «хрущевок» но и показателем достатка, определенного имущественного статуса. Они были дефицитом. То ли в 1981, то ли в 1982, я, помнится, отстоял в Универмаге «Первомайский» огромную очередь за каким-то очередным остромодным ковровым изделием. И вот сейчас при переезде бросить их как устаревший атрибут «мещанского достатка», оставить как ненужный хлам, мне было, не скрою, жалко. Но супруга решила иначе. У нее, видимо, были свои резоны (ковер – это давно не модно, пережиток, сборщик пыли и т.д.). По понятным причинам не стал с ней спорить.

В нашей смежной двушке на 15-й Парковой стояло красивое немецкое пианино фирмы «Ed.Seiler». Видимо, трофейное, с бронзовыми декоративными ручками и канделябрами. Единственная оригинальная вещь в окружении заурядного советского мебельного набора: румынская типовая стенка, пара ковров, телевизор «Рубин» на четырех ножках и суперпопулярный в конце 60-х латвийский радиоприемник «Ригонда-моно» – типичные маркеры благосостояния поколения наших родителей. Пианино потребовалось для дочери, которую по достижению ей десяти лет мы как-то пытались приобщить к нотной грамотности. Лена, с присущим ей природным перфекционизмом и периодическими труднообъяснимыми накатами неподдельного энтузиазма, стала искать соответствующий инструмент. И тут нам повезло: кто-то из знакомых захотел избавиться от старой, ставшей ненужной, по их мнению, рухляди. А надо заметить, что для компактных «хрущевок» такой объемный предмет как фирменное заграничное пианино в силу своих размеров зачастую становился непосильной обузой: и пользоваться вроде невозможно, и выбросить жалко. В общем купили мы его недорого и

года полтора-два Ольга на нем побренчала. К нам даже учитель музыки ходил, кстати, очень хороший воспитанный дядечка.

Когда первый раз тащили пианино себе в дом, на второй этаж нашей супер компактной «хрущевки» мы, помнится, нанимали профессиональных грузчиков. А вот во время переезда в Митино почему-то решили сэкономить на транспортировке этого по-своему уникального предмета. Почему? Даже и не знаю, не скажу. Видимо, в силу недостатка опыта по преодолению извечных у нас бытовых трудностей. Логического объяснения этому как не было, так и нет. Таковы выверты современной человеческой психики, с одной стороны – крайне неустойчивой, а с другой – сугубо пластичной. Договорившись с водителем грузовой машиной, я, непонятно почему, понадеялся на себя и трех своих знакомых, согласившихся мне помочь с этим непростым делом. Однако, как оказалось, я явно переоценил наши физические кондиции. Когда мы с огромным трудом спустили сей тяжелейший предмет со второго этажа и героическим образом взгромоздили одну его часть на край грузовика, то весь вес пришелся на тех двоих, что поддерживали пианино снизу, то есть на меня и соседа Андрея. И мы не выдержали нагрузки. Наши руки, придерживавшие изящные резные бока музыкального инструмента, разом разжались, и пианино рухнуло на асфальт. Звеня, посыпались латунные ручки и канделябры. На Лену жалко было смотреть. В ее повлажневших глазах читался немой укор: «Все через опу!». Таким образом, до Митино пианино доехало в разобранном виде. Музыкальный инструмент как некая целостность исчез. Уже там, в новом доме, мы грузили в лифт отдельные музыкальные запчасти.

Справедливости ради надо отметить, что затем, благодаря усилиям и квалификации вызванного по рекомендации специалиста, удалось снова собрать инструмент, который даже смог извлекать соответствующие приятные мягкие звуки. Пианино это, побывав в таких переделках стало в нашей семье не только общей достопримечательностью, но и исторической ценностью. Оно до сих пор занимает почетное место в углу квартиры. На нем кто-то из гостей иногда (раз в год, не чаще) наигрывает собачий вальс.

С нынешних позиций «митинский» период истории нашей семьи смотрится достаточно мило и тепло. Случались, конечно, всякие истории, но в целом мы достаточно удачно избегали вульгарных ужасов повседневной жизни периода середины 90-х. Тогда я, помнится, как мог сопротивлялся власти вещей, ломая оковы запрограммированного лихорадочного потребления. Имея в виду при этом, что сопротивляться любому притеснению, даже притеснению вещей – это не только личное право каждого, но и вовремя разумно понятый общественный долг. Однако под нескончаемым воздействием внешних и внутренних обстоятельств в наступившей эре

Водолея – это мое глухое сопротивление было в конечном счете сломлено. Я не то, чтобы совсем сдался, но перестал мобилизоваться перед текущими угрозами бытовой повседневности. За что впоследствии и был, вполне справедливо, как я теперь понимаю, согласно небесному замыслу, наказан. Охватившая в тот момент страну заразная болезнь тотального консюмеризма, бездумного избыточного потребительства, увы, не миновала в определенной степени и меня. Могу объяснить это лишь тем, что слишком все мы все были измучены гонкой за минимальным набором необходимых бытовых услуг в советское, да и перестроечное время. Помнится, в 1986 году я совершенно случайно застал в магазине «Комфорт» на Измайловском бульваре тот редкий момент, когда на прилавок «выбросили» кухонную плитку. Мы как раз тогда делали ремонт в нашей двухкомнатной «хрущевке» на 15-й Парковой, и очень нуждались в этой товарной позиции. Плитка была в цветочек, с модным (по тем временным стандартам) рисунком. В общем самое то. Отстояв положенную очередь, я привез домой несколько ящиков такой плитки. Жена была счастлива. Сколько лет прошло, а Лена, командир нашего семейного быта, до сих пор вспоминает этот эпизод, когда речь заходит о простых и абсолютно позитивных вещах в нашей совместной жизни.

Справедливости ради следует отметить, что типичная для 90-х годов эпидемия безудержного массового «потреблядства» поразила меня несколько позднее, чем остальных, и прошла быстро и в относительно легкой форме. Знаю пару человек, которые, разогнавшись в годы романического российского капитализма, до сих пор не могут сбавить обороты необузданного патологического накопительства. Говорят, что это болезнь – силлогомания. Но почему-то никто от нее не лечится. Существует ли предел потребительского насыщения?

Зато впоследствии меня всегда нервировал элементарный, казалось бы, вопрос: зачем нам в семье столько вещей? Много лишнего. В перегруженном пространстве тяжело дышать, двигаться, думать. Обременение вещами – это крайне энергозатратно и абсолютно нерационально, нелогично ведь в конце концов для удовлетворения базисных инстинктов и витальных потребностей всегда все было, есть и, надеемся, будет. Сейчас же одна технологическая революция следует за другой. А лишнее, оно только напрягает и сковывает. Можно ли приобретать меньше? Я стеснялся или боялся задавать этот вопрос жене, но себе я его залаю регулярно. Ответа не нахожу. Логическое пространство не дает содержательных предписаний, а лишь определяет область дозволенного.

Осенью того же года Ваня пошел в школу. Образовательное заведение – учебно-педагогический комбинат (УПК) № 18 – находился рядом с домом. Это было еще то время, когда детей не надо было провожать и встречать у

дверей школы. Первые несколько дней мы с женой ежедневно водили ребенка – 1 класс все же – а через неделю Ваня уже вполне справлялся один. Ребенок младших классов с висящим на шее ключом – это сейчас редкость, а тогда повальная практика.

Вскоре у нас появилась собачка – щенок Далматинец, породистый, девочка, с документами, в них было написано полное имя щенка – Ютика Краса Далмации, но мы сразу стали называть ее Юка. Ваня поначалу заинтересовался собачкой, даже гулял с ней. Но постепенно эта святая обязанность перешла к нам с Леной. Я, как правило, гулял утром, жена – вечером.

Поскольку в доме 47 корпус 2 по Митинской улице, в двух крайних подъездах, получили квартиры многие работники администрации, как правило среднего звена, управление делами даже организовало автобус, который утром забирал людей на работу, а вечером доставлял обратно. Это, безусловно, было удобно. Предполагаю, что такая щедрость была связана с тем, что в доме получили квартиры несколько женщин из управления делами, в том числе секретарь приемной Бородина. Доезжали мы до Старой площади достаточно быстро, менее, чем за час. В автобусе все сидели как правило молча. Только иногда дамы из управления делами позволяли себе негромко переговариваться. Специально персонально закрепленных мест, конечно, не было. Но все рассаживались примерно так, как это изначально сложилось. Мне нравилось сидеть сзади, на последнем или предпоследнем ряду. Примечательно, что место секретаря приемной Бородина (а также соседнее), в первом ряду никто никогда не занимал. Даже если оно вдруг осталось свободным, кола автобус трогался, никто туда не пересаживался. Ведомственный автобус ходил строго по расписанию, отправлялся в 7-45. Все знали об этом и старались не опаздывать. Но была одна дама, у которой погоня за отправляющимся автобусом была как хобби. Все отъезжающие знали об этом и за секунды до отправления пристально вглядывались в окно. И когда из-за угла дома появлялась субтильная бегущая фигура, женщины громко кричали водителю; «Подождите! Подождите!». Влетев в дверь, наша традиционно опадающая падала на сиденье и, отдышавшись, через пару минут начинала щебетать с подружками.

Обратно ехали дольше, пробки и все такое. Иногда по утрам ко мне подсаживался Андрей Демин, который работал уже не помню в каком управлении (что-то связанное с экологией) и с которым мой парень учился в одном классе. Когда я замечал его несколько сгорбленную фигуру входящую в дверь автобуса, внутренне у меня все сжималось и становилось тоскливо-тоскливо. Я знал, что сейчас он сядет рядом и начнет жаловаться на, но, что Ваня обижает его сына, даже поколачивает его. Разумеется, незаслуженно. Я

нехотя отнекивался, вяло мямлил что-то насчет «поговорю», «накажу» и т.д. Но сам-то отчетливо понимал, что все это бесполезно. Надо было знать Ванька. Парень будет молчать как партизан, ни в чем никогда не признаваться. Если он что-то для себя решил, выставил кому-то оценку, то неизменно будет вести себя в соответствии с этой оценкой. Ни шагу назад.

Послевыборные трансформации

Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы был грустен и растерян.

Венедикт Ерофеев.

После президентских выборов 1996 года руководителем Администрации Президента Российской Федерации стал Чубайс. И почти сразу в соответствии с Указом № 1163 от 13 августа от 1996 года взамен упраздненного управления по работе с территориями было образовано Территориальное управление. Поменяли главным образом вывеску. Ну, может быть, пару начальников в придачу к ней. Или – наоборот: начальников в придачу к вывеске. С какой стороны посмотреть. Поскольку функционал остался прежним – взаимодействие президентского аппарата с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления – все прежние кураторы регионов дружно влились в новую структуру. Казалось бы, все остается по-прежнему, ничего нового не происходит.

Но новое все же произошло. В отдел Сибири и Дальнего Востока Территориального управления, где я продолжал трудиться с переменными успехами, спустили нового начальника: Петра Петровича Королька. И для меня аппаратно-статусная ситуация резко изменилась. С ним у нас как-то сразу не сложилось. Королько, судя по его бэкграунду, не был стопроцентным карьерным аппаратчиком. Он на волне «демократического» угара попал в администрацию по личной протекции Сергея Филатова, бывшего с января 1993 по январь 1996 года руководителем Администрации Президента, и какое-то время даже возглавлял его секретариат. При этом, как говаривали свидетели и старожилы, сервильность Королько в отношении Филатова не знала границ, да что там – откровенно зашкаливала. Потом Петр Петрович, по слухам, где-то как-то сильно «косанул», и его, сохранив в администрации как

«своего, близкого к телу, человека», слегка подвинули в должности, чуть-чуть вниз, и в бок, по горизонтали.

После выборов 1996 года, когда к руководству в администрации пришел Чубайс и его команда, «филатовцы» вынуждены были уступить ключевые рычаги аппаратной власти, должны были рассыпаться по многочисленным структурным звеньям, удовлетвориться тем, что им предложено, и на время затихнуть, чтобы само сохранилось. Так Королько и спланировал с руководителя секретариата на начальника отдела.

Как раз тогда, когда Королько поставили во главе отдела Сибири и Дальнего Востока территориального управления, в Кемеровской области произошла замена Кислюка на Тулеева. Вместе с некоторыми людьми в администрации, знавшими ситуацию изнутри, ее истинные пружины, с грустью расценил этот размен как компенсацию Тулееву, за то, что он, на тот момент второй номер в КПРФ, по сути выиграв выборы в Кузбассе, предпочел не оспаривать их итоги, не поднимать политическую волну, не «раскачивать лодку», а договориться с федеральным центром на выгодных для обеих сторон условиях. На Старой площади, где после выборов 1996 года кроме Филатова поменялось еще немало высокопоставленных чиновников, посчитали, что, умиротворив султанские амбиции Тулеева федеральный центр переложит на него решение кричащих проблем Кузбасса, таким образом, избавив себя от постоянной головной боли, исходящей от этого нестандартного региона. Кислюка переместили в Москву, сделав руководителем федеральной службы по транспорту, давно не существующего и мало теперь кому известного ведомства. А Тулеев возглавил область. Он в июле 1997 года указом Ельцина он был назначен главой администрации и триумфально возглавил Кемеровскую область. Чуть позже, в октябре того же года был избран губернатором Кузбасса, тем самым подтвердив и укрепив свою легитимность. Наконец-то его давняя, страстно лелеемая мечта, сбылась. Став номером 1 «региона 42», он воспарил над Кузбассом.

Как было отмечено выше, назначение Королько руководителем нашего отдела, а Тулеева главой Кузбасса совпали по времени. И первое что сделал, Королько, – выписал себе командировку в Кемерово, и съездил туда на инаугурацию Тулеева, с которым долго и публично обнимался. По возвращению он решительно и однозначно отодвинул меня от Кемеровской области как человека, работавшего с «командой Кислюка». Естественно, я был не в силах противостоять напору его претензий и притязаний. Хотя мне все было хорошо понятно – ведь я достаточно плотно работал с предыдущей администрацией, причем в ходе президентских выборов 1996 года и знал об Аман Гумировиче такие вещи, которые, не позволяли мне как куратору, лояльно относиться к новому руководителю Кузбасса. Было, конечно, крайне

обидно за людей, работавших у Кислюка, которых новая кемеровская власть откровенно стала преследовать, а федеральный центр фактически бросил на произвол судьбы, отдав на растерзание мстительному Тулееву. На некоторых замов Кислюка были возбуждены уголовные дела, остальные были вынуждены в срочном порядке покинуть Кузбасс.

И сразу же, с подачи новой Кемеровской администрации, местные и некоторые центральные средства массовой информации как по команде стали писать о том, что Кислюк «проворовался». Были возбуждены дела, началось следствие, а сам бывший губернатор Кузбасса объявлен в федеральный розыск. Согласно более поздним высказываниям самого Кислюка, он, действительно, поверил, что по навету недоброжелателей стал объектом преследования со стороны правоохранительных органов и, проработав два года в Москве начальником Федеральной службы по тарифам на транспорте, после ее ликвидации тихо эмигрировал. Уехал за границу, в Германию, где и жил какое-то время у родственников. Однако в начале 2000-х Михаил Борисович вернулся в Россию, и в одном из интервью заявил, что на самом деле никакого федерального розыска и в помине не было, а был исключительно пиар со стороны команды Тулеева.

Когда меня осенью 1996 года с подачи Королько отодвинули от Кузбасса, я рефлексивно размышлял о нестабильности положения регионального куратора и переменчивости его судьбы: только стал вникать в регион, только познакомился с людьми, и вот тебе раз. Но делать нечего. У Королько были личные интересы. Начальник сделал так, как ему удобно... Интересы дела – степень глубины аналитического проникновения в регион, состояние экономики, изучение настроений в региональной элите – его не особо волновали. Казенные дела изначально были подчинены вопросам личным. Обычная практика... Одно из ключевых правил национальной бюрократии.

А другое правило, которому уверенно следовал Петр Петрович: откровенно игнорировать все вопросы, не касающиеся лично твоих карьерных или материальных интересов. Причем делать это легко и ненавязчиво: просто не замечать их. Тогда еще интернет так глубоко не проник в управленческие структуры и электронную переписку с подчиненными начальство не вело. Чтобы узнать что-то или прояснить позицию, низменную и неизменную, надо было добиваться встречи и вербальным образом задавать конкретный вопрос. Но сколько бы я таких вопросов при личных встречах не задавал, ни одного ответа по существу от Королько я не получал. На четкий и конкретный – в принципе никогда не рассчитывал. Но не получал и общего, расплывчатого и мало вразумительного. Не получал никакого. В его голове изначально сидела некая застывшая догматическая схема, которую невозможно было преодолеть.

Несколько раз попытался, ожесточенно спорил с ним, доходило до ругани. Но быстро понял, что все безнадежно и плюнул...

Уже позднее, когда я ушел с госслужбы и работал в бизнесе, до меня постепенно стало доходить и, наконец, дошло, что необязательность и безответственность перед горизонтально локализованными коллегами, а тем более перед подчиненными, работниками, стоящими ниже тебя в управленческой пирамиде – это общая болезнь наших государственных и крупных корпоративных систем. Нельзя было проигнорировать вопрос начальника, а вопрос подчиненного – легко. Пожалуй, только, работая в питерской компании «Полиметалл», я ощутил, пускай не сплошное, но все же наличие неких неписанных, но ассоциативных эвристических правил внутрикорпоративной культуры. Главное из них заключалось в следующем: на любой запрос, на любое письмо по электронной почте, должен быть обязательно дан ответ. Причем не важно откуда этот вопрос поступил: сверху, снизу, с боку, или вообще со стороны, из-за внешнего периметра.

Может быть, не полный, короткий, паллиативный, но ответ должен быть дан. И все работники питерской компании следовали этому неписанному, но крепко засевшему в их головах правилу: не игнорировать запросы коллег. Тут не только вежливость и воспитание, хотя и это тоже. Тут проявление глубинной сознательной солидарности с твоими коллегами, акцентирование общего дела. Если они тратят свое рабочее время, формулируя запрос в твой адрес и пытаясь достучаться до твоей компетентности, – значит, им действительно нужно твое мнение как члена команды. А самом деле – нужно ли? Хотя, если призадуматься в не меньшей степени и даже в большей – это необходимо и тебе. Ведь если сегодня ты проигнорируешь мелкий, на первый взгляд, почти технический запрос по электронной почте от сослуживца, то, вскоре многим станет понятно, что в будущем в принципе ты готов проигнорировать любую иную точку зрения. Ну, естественно, за исключением начальствующего. Мы же все – в вертикали.

Однако покинув в 2013 году Питер, вернувшись в Москву, и работая тоже не в маленьких компаниях, такого понимания основ корпоративной культуры я уже, увы, больше нигде не наблюдал. В каждой песочнице свои правила и навыки. Институализация, закрепления полезных, эффективных практик не происходит автоматически. Наличие прогрессивных прорывов в нескольких точках отнюдь не ведет к закреплению системных изменений. Королько принадлежал к тому многочисленному типу чиновников, которые воспринимают мир исключительно как замкнутый на себя. Созданный, по их глубокому убеждению лишь для того, чтобы обслуживать их личные интересы. В массе своей, это люди далеко не выдающиеся. Мир науки еще не дошел до той точки, когда богатые станут красивее, умнее или здоровее

остальных, лишь потому что они могут приобрести особые, «привилегированные» гены. Хотя постепенно и движется в этом направлении. Каких-либо уникальных коммуникативных навыков или особого таланта для того, чтобы сделаться штатным «службой народа», в их понимании, – не нужно. Глядя на них, невольно вспомнишь наблюдение Чехова полуторавековой давности: «Тот, кому чужда жизнь, кто неспособен к ней, тому ничего больше не остается, как стать чиновником».

По сути, мы с Королько по-разному понимали, что такое «дело», вкладывали в него разные смыслы. Боюсь, что тот смысл, который вкладывал Петр Петрович, так и остался для многих из нас непонятым. Да и невозможно было его понять, поскольку мы его просто не видели. Физиологический феномен солипсизма – каждый живет в своих мирах, непересекающихся друг с другом. И что тут, действительно, сделаешь? В то же время вполне допускаю, что Петра Петровича раздражала моя внутренняя эгалитаристская установка, отвергающая все авторитеты, если они не основаны на компетенциях, что находило выражения в мелких стычках в ходе производственных совещаний.

Только много позже, наломав достаточный объем дров и совершив не меньшее количество ошибок, я осознал, что склонность следовать внутренним убеждениям, зачастую может приводить к прямо противоположным от желаемых результатам.

Вес чиновника, уважение к нему со стороны окружающих коллег по бюрократическому цеху определяются, прежде всего, и, главным образом, его доступом к ресурсам. Финансовым, должностным, административным, – любым. Чем больше возможностей к распределению ресурсов, чем они шире – тем выше значимость конкретного чиновника в глазах окружения, в гласном и негласном табелях о рангах. Еще важный момент – локация чиновника в системе вертикали контроля. Если тебе поднадзорны хозяйственные единицы, то ты, даже если и не туз, то в любом случае – в шоколаде. И можешь позволить себе *dolce vita*, сладкую жизнь без соблюдения писанных и неписанных корпоративных правил. Кто-то, возможно, скажет: до поры до времени, как веревочки не виться. А я скажу: чушь это все. Повидал я откровенных жуликов и проходимцев, из числа чинодралов ельцинского периода, сладко доживающих свои пенсионные годы на собственных дачах где-нибудь в Испании, а то и в Майами.

Поскольку в 90-е, работая на Старой площади, я был весьма далек от должностей, связанных с ресурсным распределением и поднадзорностью, (короткого периода помощника начальника Контрольного управления в 1992 году можно не считать) никакого серьезного статуса, естественно, не приобрел. Но, с другой стороны, ситуация «не влезания» в эту серую, липкую

и, в общем то, небезопасную сферу, давала возможность сохранить несколько отстраненный и скептически-сдержанный подход ко всему вокруг происходящему. Нассим Талиб в своем бестселлере «Черный лебедь» называет себя эмпириком-скептиком. Мне симпатично это определение как противопоставление, по-своему дерзкое, заскоружлой рутине историка-традиционалиста. Мне кажется, что чувствую это неким шестым чувством. Я почти убедил себя в его релевантной аутентичности. Единственно – добавил к выражению Талеба «эмпирик-скептик» еще одно слово, а именно: «подкованный». Причем, несомненно, в пейоративной коннотации. Тогда бы вся синтаксическая конструкция звучала то, что надо!

С некоторой долей упрощений и допущений я, с некоторых пор, и себя отношу к этому выведенному им типу сторонних наблюдателей. Ты видишь происходящие процессы, ты знаешь движущие их пружины и механизмы, ты можешь предвидеть результаты, ты даже можешь в конце концов на них влиять. Но ты не хочешь ввязываться. Эти процессы приводят к диссонансу с твоей внутренней природой. Втянуться в них, а еще, не дай бог, завязнуть, – значит начать насиловать свою сущность, разрушать себя, хрупкую, редко, но все же случающуюся гармонию с самим собой. Рациональное в голове талдычит: «Давай, вперед! Строй схемы... извлекай... Используй полномочия. Ты же не глупей вот этих... Все так делают... Не будь «клохом»...

А иррациональное в глубинах подсознании нашептывает: «Стой, оглядись, подумай, стоит ли этот внешний успех и так называемый «статус» насилием над собственной душой, хрупкой, единственной, незаменимой и невозстановимой субстанции, для которой нет запчастей. В конце концов вспоминал ключевую сентенцию этой дихотомии: главная причина неуспеха и неудовлетворенности от жизни кроется в том, что мы меняем то, что ценим превыше всего на свете, на то, в чем нуждаемся лишь в данный момент. Это и успокаивало, и отрезвляло. И уже занесенная для решительного шага нога вдруг зависает в воздухе и, затем отступает назад. В извечной их борьбе задумчивый рефлексирующий Гамлет опять победил стихийного активиста Дон Кихота... Как не труди мозг, как ни упражняй его, но и он, устав, делает ошибочные выводы. И много, что в начале выглядит как необъяснимое впоследствии превращается в немислимое. А нужно ли все претензии к жизни фокусировать на себе? А если не на себе, тогда на ком? В то же время интуитивно я осознавал, что мои когнитивные функции не сломаны и не испорчены, они, возможно, лишь устроены несколько по-другому. Хотя этот подход казался интуитивным только на первый взгляд. А в действительности в его основе, как мне стало много позже ясно, лежали вполне рациональные расчеты.

Петр Петрович Королько со своим бумажно-канцелярским прошлым, без сомнения, изначально не готов был эффективно управлять людьми, имеющими определенный жизненный опыт и некие практические навыки. Он, как и большинство начальников в таком положении, (когда назначен исключительно «по благу», а управлять приходится предметом, о котором имеешь смутные представления), пытался давить авторитетом номинального, хотя и вторичного статуса, но на нас, региональных кураторов, давить таким образом, было бесполезно. Жаль, Королько об этом не знал, а никто из нас ему не подсказал. Подходящего момента не нашлось. А мне так совсем не хотелось.

Еще со времен работы в аналитическом центре одной весьма компетентной службы, куда я попал сразу после вуза, меня научили, во-первых, уважать чужую позицию, даже если она не очень обоснована и, на первый взгляд кажется уязвимой. Во-вторых, слушать иные аргументы, кроме своих собственных, и уметь принимать их, если они серьезные и убедительные. Наконец, в-третьих, не избегать дискуссий и не бояться отстаивать собственное мнение. С собственным мнением, конечно, всегда были проблемы. Уж такая это не простая субстанция – собственное независимое мнение. Вот и в отделе, начальником которого стал Королько, собственного мнения у большинства сотрудников, к сожалению, не находилось. Вернее, оно все-таки, конечно, было, но коллеги предпочитали его держать глубоко при себе и на совещаниях в основном отмалчивались. И только мы с Сергеем Андреевым лезли на амбразуру, задавали Королько не нравящиеся ему вопросы, постоянно зачем-то бередили ситуацию. Мы с Сергеем всегда оставались в меньшинстве. Можно сказать, как дураки. Остальные предпочитали избегать дискуссий с начальником, и в душе посмеиваясь над ним и над нами, выказывали внешнюю покорность и смиренность. Но я к тому времени уже привык быть в меньшинстве, и как-то даже обвыкся в роли *infant terrible*. Более того, в глубине души я признавался себя, что такой статус – быть в меньшинстве – мне нравился. Он позволял не расслабляться, поддерживать нужное самоощущение и всегда быть в тонусе.

Сергей Андреев, бывший депутат Верховного Совета РФ, был родом из Алтайского края, и курировал он соответственно Алтайский край. Часто там бывал, его знали многие, он знал многих, так что говорить ему, что нужно делать, с кем встречаться и т.д. – значило ставить под сомнение его компетентность. Он не мог и не хотел с этим смириться. Вскипал, обоснованно возражал Королько. И правильно, наверное, делал. Невооруженным взглядом было заметно, что в нем кипел эстетический бунт против того, чтобы его держали за идиота.

Похожая история происходила и со мной. И вел я себя примерно также, как и Андреев: оппонировал, перечил начальнику, порой даже дерзко. Кому ж такое понравится? Привыкший к строго туннелированному и зауженному мышлению в восприятии подчиненных Петр Петрович не знал, как ему вести себя в отношении нас с Андреевым. Он кипятился, шумел, но через какое-то время понял, что ему проще и безопаснее во всех смыслах оставить нас в покое. Из-за сформировавшегося из прошлого пугающего личного опыта фиксированной модели мышления и взглядов Петр Петрович органически не воспринимал наше с Андреевым робкое новаторство в предложениях, как работать с субъектами после прошедших президентских выборов.

Мне было грустно и больно было наблюдать за тем, как разрушается та тонкая, неуловимая ткань человеческих отношений внутри отдела, которая была выстроена за последние несколько лет. Единственное обнадеживало, что Королько, погрузившись с головой в Кемеровскую область, и постоянно летая именно в Кузбасс (как же ему понравилось дружить с Тулеевым), не имел достаточно времени, а скорее всего и желания, чтобы сосредоточиться, на других, моих излюбленных регионах – Томской и Новосибирской областях.

Вторая половина 1996 года, окончание президентских выборов, приход Королько, личная потеря Кемеровской области, ознаменовала для меня (как я теперь понимаю) определенный этап. Высшая точка моей служебной пассионарности, пришедшая на лето 1996 года, была пройдена, выборный кураж прошел и постепенно энергетика взаимосвязи с вверенными тебе субъектами, стали угасать. Не без помощи помощью таких функционеров как Королько, размывался наработанный функционал. С уходом из территориально управления Казакова и быстрым размыванием его открытого, ненавязчивого, но близкого и мне понятного управленческого стиля, мы, как кураторы, стали значительно реже летать в командировки и в целом перемещаться, стали утрачиваться не просто контакты (а для работающего с субъектами Федерации их периодичность и системность необходимы в силу поддержания профессиональной эффективности), но и человеческое наполнение этих контактов. Работа или на самом деле становилась все более монотонной, рутинной или все чаще и сильнее воспринималась как таковая. С прекращением командировок не получалось сменить обстановку, проветрить голову, что забюрократизированному московскому аппаратчику всегда полезно.

Начались и серьезные подвижки в администрации. Вместе с Сурковым пришла и новая, жадная до денег и должностей, команда, которая перекроила структуру и штатное расписание. Естественно, под себя. На ключевые должности ставились исключительно «свои», а старые кадры, оказавшиеся чужими или «ничейными», без начальственного патронажа, постепенно

выдавливались. Впрочем, как мне всегда, казалось, это был скорее клан, чем команда. И ему не нужен был никто за собственными пределами этого, какими бы компетенциями человек не обладал. Из этого клана почему-то своей нахрапистостью и безапелляционностью особенно запомнился Олег Говорун, который отвечал за внедрение в вверенных ему подразделениях весьма специфических методов вербальных коммуникаций и отличился таким образом, что его усилия неизменно порождали острый межличностные конфликты по ценностному признаку

Процесс выдавливания был незатейлив. Вводилось под новую структуру новое штатное расписание. Все работники выводились за штат. Шел «перебор людишек». А затем снова набирались, но лишь те, которые оценивались как нужные или лояльные новому руководителю соответствующего структурного подразделения. Собственно, он сам «под себя» и набирал новый состав. Первым делом замещались руководящие позиции, имеющие хоть какое-либо влияние в плане принятия решений для обеспечения и продвижения коммерческих интересов, проще говоря – «лакомые куски». Я же занимал на тот момент вполне рядовую должность консультанта. Особой мотивации такого рода должности для людей из команды Суркова не представляли, но все равно чувство служебной устойчивости, которого и раньше-то никогда не было, совсем испарилось. Но особо по этому поводу я не комплексовал, так как к тому времени достаточно хорошо понимал, что ни одна из предложенных хореографий мне не подходит, внутри уже созрело решение «валить» и избежать таким образом участи в «сливном бачке». А вот Саша Коцоев, который не планировал никуда из администрации уходить, полной чашей испытал на себя все прелести скрытого выдавливания.

Когда первый раз его, как начальника отдела, вывели за штат и намекнули, чтобы он потихонечку, время у него два месяца, себе что-нибудь подыскивал, Саша с присущим ему самоуважением и достоинством пропустил эти намеки мимо ушей. Его вынуждены были взять в новую структуру (все же начальник отдела, кандидат наук, долго преподавал в МГУ), но это его не спасло. Через короткое время, его отдел ликвидировали. Сашу снова вывели за штат с твердым намерением на этот раз окончательно с ним проститься. Шла, как говорилось обреченным на заклятие, «оптимизация» структуры и штатного расписания. При этом на неудобных вешались все косяки. В этой организации, которая взялась поиграть твоей судьбой, из действующих начальников за провалы никто никогда не отвечает. А государственный станок по воспроизводству национальной бюрократии работает на всех порах.

Александр Георгиевич после полугода безуспешных боев за сохранение своих позиций, видимо, и сам понял, что в данной системе при сложившихся кадровых практиках сопротивление бесполезно и начал подыскивать себе

место. Слава богу, связи у него были неплохие и было их вполне достаточно. Через своего знакомого, одного из топ-менеджеров ЮКОСА, Трегуба (впоследствии он некоторое время работал и в Роснефти) Саша устроился представителем этой компании в Иркутской области. Чем конкретно он там занимался, я не знаю (подозреваю, что функции были скорее представительские), но у меня была полная уверенность, что Саше там понравилось. Однако эта синекура продлилась недолго: год-полтора, и затем началась какая-то статусная профессиональная деградация. Александр Георгиевич трудоустроился в аффилированной с РЖД страховой компании ЖАСО. Там ему откровенно не нравилось, и он это не скрывал. Но он делал все от него зависящее, чтобы и в этой не очень приличной ситуации остаться приличным человеком. Во время наших теперь уже не таких частых встреч было видно, что Саша не на своем месте, что он мучается, переживает, хотя всячески пытается это скрыть. Далеко не всегда это удавалось. Бунтующая, демоническая часть его натуры периодически проявляла себя в точных и дерзких оценках происходящего. Мне кажется, что депрессия, внутренняя дисгармония, ощущение несправедливости происходящего и невозможности что-либо исправить была одной из главных причин раннего ухода Александра Коцюева.

Во время наших не таких уж частых встреч, наблюдая за Сашей, я пришел к умозаключению, что для человека с кавказскими корнями социальный статус, позиционирование во властной иерархии, имеет колоссальное значение, гораздо более важное, чем для нас, русаков средней полосы или выходцев откуда-нибудь с севера, например, из Вологодской или Архангельской области. Столицы в данном случае не в счет, они по определению – инкубаторы карьеристов. Разумеется, бывают исключения. Но тренд именно таков: чем южнее родился и сформировался гражданин, тем больше у него жажда власти, тем активнее он желает в ней устроиться. И потеря соответствующего статуса больно бьет по самолюбию, заставляет настоящего страдать

Когда мы собрались 11 мая 2014 года в ритуальном зале ЦКБ на Маршалла Тимошенко на грустной церемонии прощания я почему-то думал именно об этом: о нерациональном подходе Бога-отца к своим земным чадам, когда достойные ценятся ниже недостойных, когда героям, если что-то и воздается, то только после ухода. Видимо, Господь, неусыпно и неустанно думая обо всех нас, весь в хлопотах и заботах, иногда все же забывает о некоторых своих земных рабах. Ну, ведь известно же, кем сказано: «Они любить умеют только мертвых». И не сегодня, а почти двести лет назад. Чего уж нам, недостойным, тут повторяться.

На поминках Саши я узнал от его осетинских родственников, что нераспространенным остался напечатанный в Иркутске (2013) тираж его

книги «Социализм: счастливая неизбежность», где он попытался изложить свое видение текущих событий и спрогнозировать их дальнейший ход. Попросил экземпляр, полистал книгу. Одна из глав называлась «Краткая история предательства». Эх, Саша, Саша! О предательстве кратко не скажешь. О его причинах и мотивах не расскажешь. Казалось бы, сколько времени минуло с первого предательства! Сколько книг понаписано! Сколько фильмов снято! А все равно феномен предательства не исчерпан со времен Писания, и, здается мне, что не исчерпаем. В начале книги было посвящение: «Моим детям, Марии и Георгию в надежде на лучшее». Вот единственное, что нам всегда и остается – надежда на лучшее.

Томск

*Твоя звезда, герой, погасла,
И не зажечь ее опять.
В моей судьбе, в моей Вселенной
Ты перестал существовать.*

Осенью 1996 года у меня забрали Кузбасс, на который плотно сел Королько. После этого как у куратора у меня, собственно, осталось всего два региона – Новосибирская и Томская области. Про Новосибирск уже неоднократно упоминал, наверное, пора сказать несколько слов и про Томск. По сравнению с Новосибирском, с которым я познакомился в драматический момент смены региональной власти, и который впоследствии воспринимался мной как поле борьбы нескольких кланов внутри местной элиты, Томская область представляла собой относительно тихую гавань, где, на первый взгляд, все было спокойно, штатно, почти по-домашнему. На самом верху парил губернатор Кресс. Смело можно добавить для образности: как Зевс на Олимпе. Губернатор опирался на немногочисленную, но плотную группу соратников – администраторов-функционеров, абсолютно лояльных исполнителей губернаторской воли. Никто из них не покушался на горные вершины верховной власти, даже мысли такой не допускал или делал вид, что не допускал, что, собственно, в данном контексте совершенно без разницы. А у подножия иерархически выстроенной пирамиды власти размеренно текла будничная провинциальная жизнь. Лишь иногда течение этой жизни ускорялось, приобретая некую турбулентность. Происходило это

исключительно накануне выборов, причем любых – президентских, думских, губернаторских. Выборы несколько оживляли застоявшуюся обыденность томских политических будней.

За выборы в администрации Кресса долгое время отвечал Жидких Владимир Александрович. Строил он выборный процесс, с моей точки зрения, достаточно жестко, даже чересчур. Все было так расписано, распланировано, отрегулировано, организовано и заорганизовано, что ожидать каких-либо сюрпризов в принципе не приходилось. Но это, собственно, и требовалось. В этом была сверхзадача – «чтоб без сюрпризов». Пусть даже скучно, однобоко и безлико. Это устраивало и федеральный центр, и губернатора. Через выборный процесс мы с Жидких, собственно, и познакомились, и как-то быстро нашли общий язык. С Владимиром Александровичем нас объединяло то, что мы оба были примерно одного возраста и на многие вещи смотрели одинаково. Одинаково практично, скептически, а в некоторых обстоятельствах, признаюсь, – и цинично. У нас было общее ощущение, что это жесткая организация выборного процесса – это правильная вещь, и она релевантна нам и нашему опыту.

За годы своего кураторства приезжал я в Томск довольно часто, не менее десятка командировок пришлось на этот регион. Селился всегда в относительно скромной по нынешним временам «обкомовской» гостинице, где часто сталкивался с легендой Томской области, бывшим первым секретарем Томского обкома партии, а впоследствии, в горбачевские времена – секретарем ЦК КПСС легендарным Егором Кузьмичом Лигачевым. В конце 90-х годов Егор Кузьмич был неизменным депутатом Госдумы от Томской области. Авторитет его и в ельцинские времена в Томске и в Томской области оставался таким же высоким и непререкаемым, как и в советский период. Он мог запросто позвать к себе на беседу директора любого крупного предприятия и тот приходил, не мог не прийти, хотя это действующему губернатору и не нравилось. Но Кресс терпел. Незримое присутствие Лигачева весь срок губернаторства Виктора Мельхиоровича было его внутренней мукой. Кресс нес свой крест, безропотно и достойно.

Командировки в Томск выпадали обычно на осенне-зимний период. И это, как, оказалось, было очень правильно. Как-то раз мне все же довелось приехать летом, по-моему, в июне. Мне тогда пришлось послушать рассказов местных коллег, о прыгающих на тебя из кустов клещах, зараженных энцефалитом, и намеренно, злобно заражающих своих потенциальных жертв. Увидел я тогда и гуляющих по центру города в легких летних платьях веселых девушек, чьи обнаженные руки были буквально до черноты залеплены вьющимися вокруг плотными облаками сибирского гнуса. Томские красотки умело, даже профессионально, отбивались от паразитов

легкими веточками сирени, но это мало помогало. Гнус не сдавался и не отступал. От гостиницы до местного Белого дома, огромного здания областной администрации на берегу Томи, я передвигался короткими, резкими перебежками.

Зимой в Томске было намного приятней: никакого тебе гнуса, никакого комарья. Если, что и могло причинить дискомфорт, то это исключительно сибирский морозец. Довольно часто между Новосибирском и Томском я, как это было, в общем, принято у местных чиновников, передвигался на легковой «Волге-Газ 2140», традиционном для региональных служащих средстве передвижения черного, номенклатурно-казенного цвета. Обычно машина Новосибирской администрации довозила до границы с Томской областью. Там пересаживался на уже поджидающей автотранспорт с местными номерами, на котором благополучно следовал до областного центра. Как-то в одной из таких поездок, когда уже пересел в машину с томскими номерами, внезапно исчез обогрев, перестала работать печка. Мороз за окном был не слабый, в районе минус тридцати, а ехать нам до Томска оставалось еще километров сто, не меньше. Мы с водителем стали сначала мерзнуть, а еще через час – полтора откровенно замерзать. Водитель растерялся, понимая, что до Томска нам при таком морозе не дотянуть. Слава богу, сообразили заехать в ближайший населенный пункт, и там, в гараже местной муниципальной администрации, мне удалось согреться, а водителю в теплом гараже устранить неисправность. С двухчасовой задержкой поздно ночью мы наконец добрались до Томска.

Недолгое прощание

*Я утром просыпаюсь с содроганием
И чуть не плачу, зная наперед,
Что день пройдет, глухой к моим желаньям,
И в исполненье их не приведет.
И. Гете. Фауст*

В период 1997-1998 годов все чаще стали накатывать мысли: а если уйти, если снова попробовать что-то изменить. Уходили симпатичные мне люди, грамотные (с определенным допущением плюс-минус) управленцы, компетентные (в достаточной степени) руководители. Их место занимали

серые и постоянно недовольные, чем-то обиженные чинуши, с упрощенным черно-белым восприятием происходящего. Более того, с ярко выраженными шкурными интересами, которые они даже не пытались скрывать. И главное, что ничего с этим не сделаешь. К этому привыкаешь. Это засасывает... Перестаешь воспринимать дальние горизонты жизни. Ловишь себя на том, что тебе уже не нужны новые знания о мире, что для оставшейся относительно достойной жизни хватает полученных ранее. И вообще начинаешь воспринимать жизнь как канитель, слава богу, что не бесконечную.

Чтобы остаться по крайней мере самим собой, надо что-то было предпринимать. Снова возникла развилка. Снова начали грызть сомнения. Что дальше делать? Или смириться с разъедающей ползучей энтропией духа, с разрушением даже немногих оставшихся базовых ценностей, спрятанных под оболочкой маски скептика-эмпирика. Или резко рвать и уходить? Но опять же – куда? Смена окружения, среды, внешнего фона еще никогда никого не избавляла от внутренних катаклизмов. Ну, возможно, в какое-то первое время, в плане биоразнообразия, человек может отвлечься на внешние сюжеты, но потом ему неизбежно снова придется сосредоточиться на своем эго, не проговоренном и даже не до конца осознанном. В нашей фантастической, дополнительной реальности любая смена наезженной колеи – несомненно, ответственный шаг. Нельзя сказать, что я не понимал этого. Хорошо понимал. Побывал уже в подобной ситуации десять лет назад. Тогда тоже никто никого никуда не гнал, но оставаться на месте, в статической позиции, было выше человеческих сил. Риски всегда были, есть и будут. Любая жизненная развилка, любое принятие решения, именно такого, а не иного, альтернативного, – это риск. Можно ли прыгнуть в черную дыру и уцелеть?

Мы ведем постоянные игры с неопределенностью. Если верить ученым, не обязательно британским, принцип неопределенности – базисный момент построения Вселенной на субатомном уровне. Допустим, когда я делаю одно, мой двойник делает нечто совершенно иное, прямо противоположное. Но в ином времени, в иной Вселенной. Много мировая интерпретация. Во вселенной появляются всякие возможные результаты, но развитие в этом мире – наш индивидуальный выбор. Как дитя мироздания я отвечаю за свой выбор. Мы сам создаем Вселенную, в которой живем. С момента большого взрыва, утверждают ученые, пространством и временем управляют законы космической логики, обеспечивающие стабильные условия, позволяющие развиваться живым организмам. Мы выбрали эту Вселенную из множества других, а она выбрала нас. Не глядите под ноги, а смотрите на звезды – призывал Стивен Хокинг.

Многие считают: доказывать, что ты лучше других – плохой тон. Но одновременно мы жаждем значимости, любых прижизненных доказательств

не бесцельности нашего существования. Когда такие свидетельства исчезают, чувствуешь себя не только горько обманутым, но и обманываемым других, обмазываемым их липкой грязью собственной неискренности.

Безразличие к моральным императивам, демонстрационное равнодушие к этическим ценностям, игра в цинизм на публику – необходимая черта современного классического аппаратчика. Без этой чарующей притворной маски в бюрократическом мире расталкивания локтями просто не выжить. Даже если ты в силу характера, воспитания, привычек на самом деле живой и в целом неплохой человек и как нормальная среднестатистическая личность не полностью потерян для благих целей и не всегда равнодушен к происходящему, но, если работаешь на госслужбе (надо же как повезло!), лучше делать вид, что проблемы масс населения тебе «по барабану». Так безопаснее. Так играешь по принятым и понятным корпоративному сообществу правилам. Так целее будешь. Да, такова суть игры. Давший слабину, становится уязвим. Окружающие его коллеги, они же – конкуренты за доминантность, быстро почувствуют это, и затопчут или загрызут. Абсолютно не важно, какой ты работник и специалист, пусть ты даже очень хороший специалист. Главное – иметь патрона, благодетеля, не быть одиночкой в этой агрессивной среде. Если ты, как человек незамысловатый, хорошо добросовестно делаешь свою работу, но за тебя некому замолвить словечко, ты – обречен. «Если то, что вы считаете в себе светом, есть тьма, то какова же ваша тьма?!»

1998 год – это, для многих, без сомнения, веха. Запомнится он многим, кто встретил и пережил его в сознательном возрасте независимо от того, кто кем был и чем занимался. Год этот вместил в себя и дефолт и три смены правительства, рельсовые войны и убийство героя первой чеченской компании Льва Рохлина, обвиненного впоследствии в попытке организации «военного переворота». И многими другими историями, до сих пор остающимися темными. А теперь пойдя пойми, был ли мальчик.

С назначением на должность руководителя Администрации Президента Российской Федерации Александра Волошина, реально к рычагам управления пришли «люди Суркова». Новая команда перекроила организационную структуру, естественно, под себя, на ключевые позиции ставились «свои» кадры, остальные постепенно выдавливались. Делалось это очень просто. Все сотрудники выводились за штат, а обратно, уже по новому штатному расписанию набирались лишь проверенные и лично преданные начальству. Остальным давалось понять, что они не угодны, «не свои», что они из другой, уже не актуальной, песочницы.

У этих, оставшихся за бортом дисциплинированных гражданских государственных служащих, вариантов было всего два. Или идти к новому

начальству бить челом, плакаться, просить войти в положение (семья, мол, дети малые), или быстро и резко уходить. Конечно, можно было попытаться как-то само сохраниваться, просидев, например, тихо, как мышка, два месяца за штатом. Постараться сделать так, чтобы о тебе на время забыли. Прикинуться тенью, промокашкой. Но это редко кому удавалось...

Формально, согласно трудовому кодексу, выведенного за штат обязаны были взять на работу, скорее всего на другую должность, возможно и с понижением, но взять. Однако в конечном счете, это не спасало, если начальству ты стал не мил и у него другие виды на занимаемую тобой должность, – тебе не сохраниться, не выжить здесь. Был свидетелем как несколько моих коллег, из ряда «неугодных», периодически вводились и снова выводились из штата, пока не поняли, что им все равно придется писать заявление.

Меня, собственно, никто из администрации никуда не гнал, ничем не угрожал. А на мое место консультанта, должность среднего управленческого звена, никто особо и не покушался. Никаких выгод и дивидендов оно по большому счету не сулило, но дело было даже не в этом. Дело было в том, что мне самому на этом месте становилось все скучнее и тоскливее. Монотонность в бессмысленном и бестолковом обслуживании бумажного потока все больше заедала и раздражала меня. Никак не проходило ощущение, что переживаемое в настоящем уже ранее когда-то имело место. Такое тотальное дежавю. Все настойчивее давала о себе знать иррациональная потребность обнулить ситуацию и вновь войти в зону дискомфорта. Переформатировать ее уже не получалось. Возник когнитивный застой в череде текущих и предстоящих событий, который быстро трансформировался в ментальный ад.

С созданием расширенных аппаратов полпредов в семи федеральных округах фактически прекратились наши «кураторские» командировки. Даже поехать куда-нибудь в Россию на пару дней, проветрить голову, оторваться от рутины, посмотреть на других людей, тоже уже не получалось. Размывался привычный функционал, стало по большому счету непонятно, чем заниматься. Работа все больше превращалась уже не в рутину, а в ляжку. Стал замечать за собой, что начал раздражаться без повода, суетиться, психовать. Одним словом, вел себя как всадник, скачущий впереди лошади. Периодически стали накатывать приступы апатии и безразличия к происходящему. Давно известно, что люди боятся неопределенности, причем даже когда внешне у них все хорошо. Инстинктивно опасаются «черного лебедя», что может случиться что-нибудь непредвиденное, способное ухудшить их нынешнее физическое или материальное положение. Что неожиданное может быть позитивным и хоть малость улучшить нынешний статус – никто и всерьез не воспринимает. Но

как оказалось (как раз мой случай), не в меньшей степени граждане страшатся пустоты и скуки собственной жизни, что не случится вообще ничего достойного. Если накат кризиса среднего возраста периода начала 90-х, мне удалось проскочить относительно удачно, не безболезненно, но с минимальными потерями, то вторая его волна как раз на рубеже веков накрыла меня полностью.

Он предпочел быть рядовым кадетом,
Чтоб на всю жизнь остаться невоспетым.

Этот неизбежный для каждого образованного (в меру) отечественного мужчины экзистенциальный кризис адекватности совпал в моем случае с экономическими потрясениями конца 90-х. Деноминацию 1997 года как попытку, и вполне неудачную, подавить галопирующую инфляцию, россияне, на мой, возможно ошибочный взгляд, пережили относительно безболезненно. Ну, срезали три нуля с денежных знаков, ну и гуляй с этими же купюрами дальше, уже без трех нолей. Никто в большинстве случаев ничего не почувствовал. Так себе... Мягкое щекотание. Легкое неудобство по сравнению хотя бы с «павловской» (по имени тогдашнего министра финансов и впоследствии недолгий срок премьер Валентина Павлова) реформой 1991 года, когда власти объявили, что за три дня надо обменять все купюры старого образца на новые. Многих тогда охватила паника. Деньги у людей уже были (кооперативы там всякие появились, первые миллионеры типа Артема Тарасова.). И хранились они, деньги эти, именно в крупных (пятидесяти и сторублевых) купюрах, которые, по задумке Павлова, а на самом деле, как все понимали – Горбачева, подлежали изъятию. Пятидесяти рублевки и сотенные надо было сдавать через общественные организации и объяснять их происхождение. Авторы «денежной реформы» образца 1991 годы, видимо, рассчитывали, что, нанеся такого рода удар по размножившимся жучкам-кооператорам, и всякого рода криминалу, – а кто еще хранил суммы в сотенных купюрах? – они поспособствуют «оздоровлению» в конце расстроенной денежной системы умирающего СССР. Но, как обычно, все пошло вкось, и пошло сразу. Сроки обмена несколько раз продлевали, в результате эффект изъятий был значительно меньше первоначально планируемого. А со 2 апреля 1991 года, когда цены были отпущены и моментально подскочили в три-четыре раза, началась галопирующая инфляция. Для пополнения денежной массы включился печатный станок и работал уже не останавливаясь. В октябре 1992 году каждому взрослому гражданину Российской Федерации были выданы ваучеры номинальной ценностью в 10000 рублей, которые можно было приобрести в местных

отделениях Сбербанка всего за 25 рублей. И понеслось. Началась лихорадка «дикой» приватизации. Кстати, как ни пытаюсь, не могу вспомнить, куда девались наши с Леной «ваучеры». Первые годы, помнится, пылились на полке, а куда затем – ума не приложу. Надеюсь, мы их продали, или как-то по-другому пристроили с пользой. В то время жена не работала, занимаясь маленьким ребенком, а моя зарплата была достаточно скромная. В 90 –е зарплаты рядовых работников в администрации вообще были умеренные, не чета нынешним.

Одновременно с коллапсом советской державы возникло пятнадцать новых эмиссионных центров, которые, не оглядываясь друг на друга, печатали собственные деньги, – но почему-то все в тех же рублях, что в Белоруссии, что в Узбекистане. Творилось какое-то финансовое безумие. К середине 90-х ситуация несколько выровнялась и многие подумали, что экономические потрясения 1991 года больше не повторятся. В 1997 году была проведена даже очередная денежная реформа, смысл которой сводился к деноминации рубля в тысячу раз «в целях нормализации денежного обращения». 4 августа 1997 года был подписан президентский указ № 822 «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен», в соответствии с которым с 1 января 1998 года правительство и ЦБ провели уменьшение номинала рубля и изменение масштаба цен. Чтобы без нужды не пугать народ, внешний вид купюр с новым номиналом, был сохранен. Деноминация рубля предусматривала параллельное обращение на протяжении 1998 года денежных знаков прежнего и нового образцов, но уже 1 января 1999 года старые банкноты утратили статус валюты Российской Федерации.

А летом 1998 года разразился многим памятный кризис-дефолт. Если уж заимствуется у нас иностранная вещь или процесс, то заимствуется скорее не их содержание, а внешняя оболочка, название там какое-либо иностранное, бренд, в общем, мелочевка. Сущностное же ускользает, остается невостребованным. Страсть подражания, в том числе терминологического, глубоко сидит даже внутри экономически ориентированной бюрократии. Но и этот кризис госчиновников не стал особой трагедией. Ну, да, какие-то потери, несомненно, были. За год до этого зарплатные счета сотрудников администрации президента в централизованном порядке перевели в СБС-Агро (теперь, наверное, немногие помнят о существовании такого банка, а когда-то он гремел вместе со своим основателем Александром Смоленским). Как только до меня дошла первая информация о дефолте, метнулся, было, к банкомату, недавно поставленному в 3-м подъезде на Старой площади, чтобы максимально снять наличку с зарплатного счета. Но банкомат выдал только тысячу рублей, лимит выдачи был уже ограничен. «Ладно» – думаю, – надо сходить завтра в Думу, там уж, наверное, никаких ограничений нет». Но когда

на следующий день я подошел к банкомату в думском здании на Охотном ряду, и произвел требуемые манипуляции, банкомат выдал мне ту же фиксированную сумму – 1000 рублей. В общем снять мне все, что планировал (зарплата за последние несколько месяцев), естественно, не удалось, а поскольку за пару дней курс доллара к рублю увеличился в четыре раза, то, определенные потери семейный бюджет все же понес. Однако по сравнению с потерями некоторых моих знакомых, работающих в администрации и правительственном аппарате и параллельно занимающихся бизнесом, мои были совсем не велики и не критичны. В то время мы как раз с семьей переезжали из Митина на Академическую, и основные покупки и ремонтные траты Лена успела произвести еще до дефолта. Поэтому последствия падения курса рубля серьезным образом на нашей семье не отразились.

К концу 1998 года полностью исчезла субъектная мотивация, и окончательно вышло решение – уходить. Но тут же вставал вопрос: если уходить, то куда? Не на пенсию же, до нее еще пахать и пахать. Как говорится в довольно популярной в определенных аппаратных кругах побасенке: «В самоволки в Кремль не ходят, и оттуда не уходят». Госслужбой я был пресыщен и перенасыщен. Но куда можно было уйти из администрации президента? Никто бы из известных мне карьерно-ориентированных чиновников, живущих по проверенной формуле – «Я влиятелен, удачлив, счастлив, привлекателен», – такого бы не понял. Все – туда, а он – оттуда. Нормальный ли человек? Все ли с ним в порядке? Чтобы вернуть веру в собственную нормальность, мне надо было что-то совершить, на что-то отважиться. Задуматься, в конце концов. А ты все больше путаешься в множасьейся чепухе. У тебя нет времени помыслить, потому что ты все время служишь, и служишь каким-то хорькам. в основном за деньги, но иногда приходится и за харчи.

Думал тогда еще: а если двинуть куда-то в бизнес? Но, с другой стороны, какой из меня бизнесмен? В годы активного первичного накопления капитала, выпавшего в России на конец 80-х, и начало 90-х, я протирал штаны в тихих кабинетах на Старой площади. Будучи Раком по гороскопу, риска никогда не любил и не люблю до сих пор (особенно риска превратиться в объект внешнего управления на грани манипулирования), решения принимаю долго, если вообще принимаю. Не тот склад характера. Чересчур рефлексивный. Тормозной, причем чаще всего – именно в последний момент. Но тут вступал в действие, вернее в «контрдействие» с конформистской логикой, механизм личностной неформатности в образе трудно объяснимого и внешне нерационального упрямства. Есть, оказывается, такая, глубоко внутри запрятанная фишка. Если что-то крепко задумал, если втемяшилось, – кровь из носа, но надо реализовать. Даже если это выглядит

глупо и бестолково с точки зрения рациональной логики. Но если тайный замысел все же втемяшился в голову, проник в мозг и долбит оттуда: спасения нет. Отступить нельзя. И не получится. Рано ли, поздно ли, но придется реализовать то, что втайне задумал. Или оно реализуется само собой, неким необъяснимым образом, без твоего участия и возможно, даже при скрытом внутреннем сопротивлении. И наверняка против всякой логики. И что же задумал я тогда? А задумал я побег... Мы, как правило, не умеем оценивать себя самокритично и не осознаем те подсознательные импульсы, которые управляют нашей жизнью на ее переломных этапах. Я оказался на развилке. Что делать? Оставаться, терпя бессмысленность рутины, или бежать? Не к чему-то, а от чего-то.

Были, конечно, варианты, отдаться какой-либо более-менее солидной, хотя бы на первый взгляд, бизнес-структуре. Совсем не ради денег, а исключительно в целях расширения личного опыта восприятия окружающей реальности. Мир бизнеса в тот момент был мне абсолютно не известен и потому отпугивал загадочностью, казавшейся чрезмерной ответственностью и неопределенностью. И это все на фоне нарождающегося отечественного капитализма, когда ежедневно скандалами и кровью писались хроники «лихих 90-х». Иногда, я сталкивался с так называемыми крупными «бизнесменами», часами просиживающих у дверей кабинетов больших дяденек. У того же Казакова, например, в приемной как-то наткнулся на основателей и владельцев печальной памяти «Хопра», несколько часов, покорно ожидающих приема у одного их кремлевских начальников. Зачем они пришли к заместителю главы президентской администрации и чем он им мог помочь в их неблагородном, по сути, шулерском бизнесе – до сих пор ума не приложу.

Часто мелькающие перед глазами новоявленные российские «бизнесмены» прозрачно намекали на благодарность в ответ на «помощь» и «содействие» их бизнесу. Но в чем должны быть заключены эти «помощь» и «содействие» они внятно не говорили, а я, исходя из природной скромности, стеснялся задавать уточняющие вопросы, и откровенно «включал дурака». Пару раз в ходе командиров в Новосибирск представители местной промышленной верхушки во время вечерних посиделок задавали мне прямой вопрос: а есть ли у меня лично какие-либо коммерческие предложения, вытекающие из собственных коммерческих интересов. На что я, на секунду замешкавшись от этой потрясающей прямоты, совершенно искренне отвечал, что нет, нет таковых. Больше вопросов, разумеется, не возникало.

Таким образом, с середины 1998 года заниматься на Старой площади мне стало практически нечем. Жанровые предпочтения мои к тому времени кардинально изменились. Прежний функционал был выхолощен окончательно и стал безразличен. Но усвоенные за предыдущие годы уроки «стратегии

имитации» помогали как-то позиционироваться и насыщать классический «день сурка», порождающий со временем безграничную тоску, в меру разнообразными поручениями и приключениями. Внешне все выглядело не просто нормально, а супер нормально. Да просто замечательно! Тем не менее вырвавшийся из непонятных глубин кризис среднего возраста стремительно нарастал, докучливо и настырно тащил куда-то в сторону. Стабильность перетекла в монотонность и лишь усиливало внутреннюю неудовлетворенность. Что называется, низы уже не хотели... Стихия эскапизма засасывала безвозвратно. Периодически накатывали приступы паники и отчаяния. Везде мерещился кошмар бесконечной лямки. Долгие, откровенные разговоры с самим собой на грани пароксизма дисфункции нервной системы не улучшали никак так необходимую концентрацию. О какой-либо результативности работы уже и не говорю.

Все явственнее ощущалось потребность порвать со старым, найти нечто новое, чтобы как-то занять себя и восстановить, хотя бы временно, пошатнувшуюся природную гармонию. Имеющиеся на текущий день уже никак не занимало, не удовлетворяло и не радовало. Угнетало мучительное однообразие циклической повторяемости одного и того же процесса, с некоторых пор кажущегося бессмысленным. Метафизическая скука. Чувствовал внутреннее опустошение, но продолжал по инерции вращаться в ложном, не нужном, фантастическом кругу. И в то же время ощущал какую-то полную, оглушительную тишину вокруг. Я вслушивался, вслушивался, но прежнего так радующего и обнадеживающего гула времени не слышал. Да что там гула, даже легкого дуновения, тиканья часов. Полное безмолвие. Не знал и не понимал, как преодолеть рутину, как придумать некие новые забавные фишки, способные хоть как-то освежить восприятие происходящего.

Скорбно было то, что потерялось ощущение правильного направления в отведенном жизненном пространстве. Не покидала мысль: в мире договорных соревнований и купленных призов нет ничего такого, ради чего стоило бы идти до конца. А если теряется направление, то неизбежно внутри возникает дыра, превращающаяся в хаос. Абсолютный кризис мотивации, сопровождающийся все нарастающей тревогой самообесценивания. Пребывал в состоянии депрессии, характеризующейся потерей всяческого интереса к предметам, в обычной жизни приносящим если не удовольствие, то хотя бы удовлетворение.

Испытывая такие же ощущения ровно десять лет назад, в 1989 году я, помнится, искал утешения традиционным русским способом, сильно и осознанно злоупотребляя. Тогда еще достаточно крепкий и неплохо натренированный организм вполне справлялся с этими традиционными для среднестатистического россиянина «философскими» нагрузками. Раз в неделю

мы с моим дружкой по службе Андреем Трохиным, и еще с некоторыми «ищущими себя» коллегами, заходили в «Сандуны», где знакомый банщик по четвергам держал для нашей референтной группы специальный «кабинет». Почему мы ходили в баню именно по четвергам, в «татарский день», я не знаю. Как-то получилось, само собой. Спрашивал у Андрея и других, но все только пожимали плечами и отмахивались: мол, отвяжись с этой ерундой, у нас тут отдых – безграничное дионисийство. Рядом с нами помещение по этим же дням арендовали местные бандиты с ярко выраженной задумчивой внешностью и крепкими нижними челюстями. Ребята эти явно не испытывали кризиса и, тем не менее, считали необходимым раз в неделю расслабиться. Они знали, кто мы и откуда, а мы – кто они. Но существовало негласное правило: вовремя досуга друг друга не трогать и не цеплять. С этим было строго. Как говорится: война – войной, а обед по расписанию. Более того, многих с той «стороны баррикад» мы знали по именам, также, впрочем, как и они нас, и при встречах в банном комплексе вежливо здоровались. Несомненно, лихие ребята по соседству знали, что среди нас есть товарищи с боевым опытом, прошедшие Афганистан, и это не могло не внушать им достаточного уважение на грани пацанского почтения. Эта публика умела видеть и выделять сильных. После парной костяк нашей команды – как правило, пять-шесть человек – традиционно направлялся в милую нашему сердцу незаслуженно ныне снесенную (будь они не ладны, те, кто принял решение о ее сносе!) гостиницу «Россия», где в западном блоке, в буфете между 7 и 8 этажами, интеллигентно, под звон стаканов, мы, распаренные и обмякшие, обменивались мнениями о текущем политическом моменте и роли наших невзрачных стареющих вождей в новейшей истории страны на современном ее этапе. Когда поздно ночью приезжал домой, а ехать нам с Андреем надо было в одном направлении – на Щелковскую, жена была в ярости. Она тут одна с детьми целый день колготится, а муж заваливается домой под ночь, да еще в таком состоянии! Утром, испытывая угрызения совести, я быстренько убежал на работу, чтобы избежать ее осуждающих взглядов и справедливых упреков.

Что заставляло меня тогда пить так часто и так много, в хороших и не очень компаниях? Несколько раз задавал себе этот вопрос и не хватало внутренней смелости и искренней мотивации, чтобы дать на него честный ответ. Но сейчас, пожалуй, по прошествии тридцати с лишним лет могу сформулировать. Попытаюсь. Думаю, прежде всего, неуверенность в завтрашнем дне и собственных силах, неожиданно поразившая меня, как, впрочем, и многих моих знакомых, на рубеже 80х и 90-х. Почва уходила из-под ног, впереди маячила глобальная финансовая нестабильность. Было неуютно и боязно. В тот момент совершенно не представлял, как двигаться к

цели вопреки неопределенности. Кто поможет с навигацией в этом стремительно меняющемся мире. Да цели тогда были обезличены и смещены, белое стало черным, а черное – белым.

Теперь уже отчетливо сознаю: моей главной поведенческой ошибкой было то, что я не мог оставить связанные с работой переживания на пороге дома и приносил внутреннюю депрессию и стресс в семью, что неизбежно так или иначе отражалось на близких.

Хроническая депривация здорового образа жизни увеличивала риск появления не только физических и психосоматических проблем. Но тогда, каким то образом резко изменив направление жизни, я под грузом новых забот и внезапно возникших новых проблем, счастливо, как затем выяснилось, избежал скатывания к этой известной национальной забаве – баловству с «зеленым змием», – незаметно превращающейся в беду и, если не повезет, впоследствии перерастающую в трагедию. Возможно, сработали природные инстинкты, психология бессознательного. Или взаимная борьба великодуший. В дальнейшем вполне серьезно опасался повторения того негативного опыта конца 80-х. Но бог миловал. И вот теперь, когда внешняя канва событий вновь выводила меня за безопасный периметр, не буду скрывать, стал снова периодически прикладываться.

Когда-то перед прославившей его битвой при Фермопилами спартанский царь Леонид изрек:

- Жизнь и смерть – дело природы. А слава и бесславие – наши!

Древние не боялись смерти, не боялись растворения в потоке времени. Смерть была для них обратной стороной бытия. Без нее и бытие не полно. Уместно ли вообще бессмертное существо? Может ли понимать что-либо? Ответ очевиден: нет, не может. Понимание конечности всего сущего приучают человека к смерти как необходимого элемента постижения мироздания.

Как не покинуть маленький островок разума и не очутиться в пучине бессмысленной повседневной рутины? Как преодолеть страсть к саморазрушению, вытекающую из гложащей неудовлетворенности? Интересовавшие меня в начале моего чиновничьего пути вопросы – можно ли сделать карьеру, сохранив достоинство, и не став интриганом, возможно ли это в принципе, а если возможно, то какой ценой? – полностью перестали меня теперь занимать. Хождение мое в 3-й подъезд превращалось в ляжку. А отношение к работе как к нелюбимой жене: бросить нельзя, ухаживать противно, а делать нужно. Я стал уязвим для скуки как «ежедневного человеческого проклятия». Навязший в зубах сериал по перемалыванию пустоту все продолжался.

Замученный собственной рефлексией, отягощенной негативными коннотациями, постоянно расковыривая свои внутренние болячки, я хотел что-то перестроить внутри себя, хотел обновиться, «актуализироваться», поймать новую волну, но не мог. Дисгармония существования приводила в отчаяние. Я злился на себя, часто истерил, срывался, но ничего не мог с собой поделаться. Диалог с самим собой не складывался. «Все люди живут так – думал я тогда, – как им жить не хочется. Хочу, наконец, делать то, что мне хочется. Жить сообразно внутренним пожеланиям. А если у тебя нет собственных желаний, доминирующей мотивации, то неизбежно рано или поздно станешь инструментом исполнения желания других. Люди, как правило, переоценивают эмоции, но иногда, чтобы спастись надо полностью им отдаться. Тем более, если эти проявления чувств искренны, честны и достоверны.

Складывающееся положение дел, вызывало, главным образом внутри меня самого, тотальную фрустрацию. Даже малейших поводов для оптимизма не находилось. Впрочем, был один любопытный момент, который, думаю, при определенном развитии событий как-то мог скорректировать затянувшееся аппаратное прозябание. В конце 90-х по инициативе Лужкова и при поддержке региональных политических тяжеловесов типа Шаймиева шло ускоренное формирование новой политической структуры – партии «Отечество – вся Россия». Главными организаторами и драйверами процесса являлись Вячеслав Володин и Георгий Босс. И коллеги из Центральной избирательной комиссии, весьма известные и авторитетные люди в этой среде, предложили мне перейти в аппарат новой партии. И там попробовать себя. Опыт какой-никакой, в том числе и организационный работы у меня за восемь лет работы на Старой площади все же накопился. Для того, чтобы решить вопрос, надо было сделать совсем немного – встретиться с Володиным. Устную характеристику обо мне обещали ему дать в частном порядке. Попросил пару недель на размышления. Думал, думал, и отказался. Мне почему-то показалось, что ничего принципиально нового для себя на этой работе я не открою и не увижу. Борьба за проценты на выборах – не важно, федеральных или местных – как ключевой элемент профессионального существования никак не вдохновляла меня. Еще не приступив к новой работе, превентивно разложив ее на несколько несложных составляющих, я понял, что через пару месяцев она мне разонравится, и я буду пилить и корить себя за поспешно принятое решение. Зачем же менять шило на мыло?

Но все же это предложение было, видимо, сделано не зря, и не пропало втуне. У меня был институтский товарищ Володя Волнов. Судьба была к нему не очень щедра и улыбчива. Я знал, что за последние годы он поменял несколько мест работы, но нигде из-за своего характера долго не

задерживался. Какое-то время мы с ним по утрам ходили в Селезневские бани. Зная его характер, честный, правдивый, но вспыльчивый, я прекрасно понимал положение, в котором он оказался. И в разговоре с заинтересованными лицами по поводу перехода в «Отечество – вся Россия» я предложил вместо себя его кандидатуру, без всякой гарантии и, без особой надежды на успех. Но это неожиданно сработало, и Володя попал в ключевое организационное звено зарождавшейся новой партии. Не знаю уж, что тут сыграло определяющую роль. Склонен думать, что внешнее спокойствие и достоинство, с которым он всегда себя держал, независимо от ситуации. Возможно, и резюме сработало. Все же МГИМО закончил, причем после армии, «производственник» с почти пролетарским происхождением и родословной.

В наше время большинство людей, как правило, страдают многословием. Это такая форма повседневного и карьерного существования, когда, не желая загружаться сутью вещей, их глубинным пониманием и изучением, природные конформисты топят опасные для них конечные смыслы в потоке фонтанирующих слов. Многие ныне используют этот прием, чтобы замаскировать свою никчемность. Сторонники этого поведенческого метода будут безостановочно изливать на собеседника словесные потоки, боясь затормозить хоть на секунду и не давая ему ни мгновения, чтобы раскрыть рот и задать встречный вопрос, который может разоблачить их пустоту и бессодержательность. Следует признать, что зачастую таким «мастерам слова» удается достаточно долго морочить голову окружающим, но, когда, наконец, происходит разоблачение, их падение в глазах образованного сословия происходит стремительно и бесповоротно, до дна, ниже дна... в бездну. Володя Волнов, как раз, быстро и верно распознавал суть находящегося перед ним человека. Его глаза смотрели на собеседника с плохо скрываемой иронией. «Говори, говори, – читалось в них, – заливай, сколько хочешь, но я-то знаю цену этих твоих слов». Но равного соперника (и это касается не только футбола, в который мы часто играли и в котором он был мастер) он мог распознать с первого взгляда, в долю секунды. Как хищник, готовый стремительно броситься на жертву...

Думаю, что каждый из нас имеет вполне адекватное представление об окружающих, о тех, с кем им приходится сталкиваться на жизненных перекрестках: любимых, друзьях, земляках, сослуживцах. Никто из них не ангел, да и мы сами – не святые. Только с возрастом понимаешь, что, если тебе в человеке что-то не нравится, не следует торопиться высказывать по этому поводу свое мнение. Если хочешь обойти острые углы – избегай публичных оценок. Даже когда мы говорим какие-то слова и вроде как высказываем мнения – это не наши слова и не наша точка зрения. То есть наши, но только на мгновение, предназначенные для этого мига. Через минуту

мы с той же легкостью будем говорить прямо противоположное. И где же искренность? И что есть убеждения? И есть ли они вообще? А как же достоинство, самоуважение? Или самооценка – это лишь заученный набор когнитивных манипуляций?

Возможно, ли уважать себя, если тебя не уважают другие? А ты сам знаешь или догадываешься об этом неуважении. И достаточно ли твоего внутреннего потенциала самоуважения, чтобы компенсировать внешнее игнорирование? А если взять и наплевать на всех? Жить согласно собственным представлениям о мире, не боясь никакого «диссипативного расстройства». Игнорируя любое постороннее мнение, просто не замечая его. Кто такие свои? Кто такие чужие? Где критерии и где границы самоопределения локальной групповой идентичности? Размышления в этом направлении тормозит сложность восприятия догадки о параллельном существовании множества индивидуальных непересекающихся миров, закупоренных в одной черепной коробке. Догадки о наличии где-то рядом, с боку, по касательной, суверенного, замкнутого мира другого человека или группы людей. При этом у каждой из них свои меритократические ценности, свои кумиры с совершенно полярным восприятием окружающего мира и происходящих в нем событий. Эти группы ну никак не пересекаются, и очень, кстати, рады этому.

Употребляемый нами при бытовом обмене энергопотоками в набор декларативных фраз, общедоступных клише и выражений «ни о чем» – дань модной ныне внешней политкорректности. Нежелание говорить искренне – это и средство самозащиты от «темной энергии», от негативного индуцирующего влияния чужих недобрых мыслей, замыслов и поступков. Пусть эти мысли и замыслы отскакивают от тебя, не раня душу и сердце. «Береги себя» – вот кредо нынешних преуспевающих молодых людей, офисных менеджеров и начинающих амбициозных госслужащих из нарциссичного и супер-эгоцентричного поколения миллениалов. Ставить жесткую границу между своими интересами и интересами других, не вникать, не заморачиваться – стало базисной позицией. Начинаям бюрократам откровенно претит тратит свое время и усилия на то, чем они воспользоваться не смогут. Даже просто мысль такого рода вызывает у них эмоциональное отвращение.

А Володя Волнов постоянно опровергал эту позицию, все время заморачиваясь, казалось бы, на мелочах, не стесняясь и не боясь при этом высказывать неприятные вещи в лицо собеседнику. Был он искренен в любых жизненных ситуациях, даже тогда, когда это и не требовалось, и может быть, для него самого было бы лучше не высказываться, не давать собственных оценок, пропустить мимо, промолчать.

Во время утренних банных посиделок на Селезневке, иногда я пытался говорить с ним в том плане, что даже суперактивным людям, к каким, несомненно, он относится, в целях самосохранения приходится снижать обороты. Ведь мы живем в такое время, когда стало нормой воспринимать друг друга как ресурс. В привычном нам укладе эксплуатации ресурсов, причем эксплуатации, как правило, хищнической, до основания, без шансов сохранения и продолжения, руководители всех уровней редко задумываются о восстановлении умственно-психологических и нравственных сил своих работников, собственных коллективов... Не заменимых же нет.

Когда я узнал, что Володя удачно прошел все собеседования, тесты и уже работает в штабе новой партии, то искренне за него порадовался. Насколько, я помню, мейнстримом его околопартийной деятельности, основной его миссией тогда были командировки в дальние регионы Сибири, где шло наращивание региональных отделений ОВР. Предполагаю, что он доставлял туда не только партийные материалы, но и, финансовые средства. Причем главным образом, именно последнее. В одном из наших разговоров он вполне прозрачно намекнул на эту сторону его миссии. У меня тогда создалось четкое ощущение, что после черной полосы, незаслуженно тяжелых ударов судьбы (незадолго до этого он потерял сына) жизнь его стала как-то «налаживаться». Он сблизился с людьми из Российского союза промышленников и предпринимателей, который в то время возглавлял Аркадий Вольский, несколько раз летал вместе с ним в командировки. Все, казалось бы, шло хорошо, более того – даже в гору. Вольский стал примечать и приближать его, давая все более серьезные поручения.

И вдруг в конце ноября 2000 года – звонок. Звонит наш общий с Волновым знакомый Боря Сироткин.

- Серега, – говорит он мне странным голосом. – Я только что позвонил Волнову, а мне женский голос ответил, что он умер..., может быть, я ошибся номером... – Ну, так перезвони» – отвечаю... Пауза.

- Серег, может, ты позвонишь?

В это мгновение я понимаю, что, Боря как может, сопротивляется надвигающемуся ужасу неминуемого трагического известия.

- Хорошо, – отвечаю, – я позвоню.

И позвонил. Все, к сожалению, подтвердилось. 26 ноября 2000 года Володи Волнова не стало... Уже на похоронах узнал от близких, что он ехал в метро, когда у него открылось сильное кровотечение... В Москве в тот день была плохая погода, сильный дождь, а на улицах жуткие пробки. Такси, которое он, выйдя из метро, остановил, чтобы поскорее добраться до дома, попало в пробку... Долго, очень долго ехала «скорая». Много времени было упущено и спасти его не удалось. В 2015 году, стремясь узнать побольше о

Володе Волнове, я встретился с его дочерью Вероникой. Собственно, она мне и поведала историю его жизни и такого скоротечного и печального ухода. В 2017 году как-то рано утром, поднимаясь по эскалатору на станции метро Третьяковская, я заметил спускающегося мне навстречу по соседнему эскалатору пожилого мужчину с длинными седыми волосами и бородой, с глазами Володи Волнова. За долю секунды через меня пронеслось: доживи Володя до настоящего времени, он выглядел бы именно так. Иногда по случайному поводу во мне внезапно вспыхивает щемящая грусть по прошедшему времени и рано, несвоевременно ушедшим товарищам. Звенит высокая тоска. Окружающие люди другого, более молодого поколения товарищами уже не станут, слишком заточены они на деньги и должности, на неустанное нездоровое потребление на грани социопатии все возрастающего объема мнимых жизненных благ и псевдо-радостей. Обречены ли мы вечно жить в чуждой, неорганичной нам среде? Доколе? Пока нейрофидбек не разлучит нас?

Первая половина 1999 года проходила в администрации под знаком отставки с поста Генерального прокурора Юрия Скуратова и плясок вокруг видеокассеты с изображением в окружении банных жриц человека «похожего на Генерального прокурора». В начале февраля состоялся разговор тогдашнего руководителя президентской администрации Николая Бордюжи со Скуратовым, после которого тот решил подать в отставку «по состоянию здоровья». 2 февраля президенту принесли прошение об отставке, которая была принята, а Скуратов отправился лечиться в ЦКБ. Однако через месяц Юрий Ильич вернулся в свой кабинет в Генпрокуратуре и захотел, как ни в чем не бывало приступить к делам, надеясь, и справедливо, на сочувствие и поддержку руководства Совета Федерации во главе со Строевым, назвавшим тогда Скуратова, «человеком, попавшим в беду». Все силы соответствующих подразделений администрации были брошены на «работу» с сенаторами, включая и кураторов регионов из территориального управления. К тому моменту по ВГТРК уже была показана злополучная видеокассета с целью создать нужный общественный фон. Но сенаторы, уже раз проголосовав за отклонение отставки Скуратова, не собирались так легко менять свое мнение на противоположное. К тому же Скуратова негласно поддерживал тогдашний глава правительства Евгений Примаков. И это несмотря на стремление президентской стороны продемонстрировать единство исполнительной власти. В общем весь февраль и март 1999 мы регулярно ездили на Большую Дмитровку, где в перерывах заседаний Совета Федерации пытались выведать у руководителей субъектов их позицию по этому щекотливому вопросу и постараться убедить их проголосовать за отставку Скуратова. Нельзя сказать, что мне нравилось этим заниматься. Не нравилось. С другой стороны, это

была работа, это было поручение и в рамках исполнительской дисциплины игнорировать это полностью было невозможно. Поэтому если и делал чего-то в этом направлении, то скорее формально, больше имитируя саму деятельность, чего нельзя сказать о некоторых коллегах, которые дневали и ночевали в кабинетах сенаторов. Признаться, я очень удивился, когда узнал, что Татьяна Коновалова, которая работала вместе со мной в территориальном управлении рядовым куратором вдруг за короткий срок и как-то незаметно, по-тихому, вдруг стала членом Совета Федерации от одного из южных регионов. «За какие такие заслуги? – было подумал я и со мной еще группа товарищей, не по наличке знакомых со своеобразным Татьяниным характером. Но буквально тут же осознал, что вопрос совершенно риторический. Время, проведенное с сенаторами, Татьяна смогла правильно и умело использовать в собственных интересах. И была не так уж и неправа. Мо-лод-ца! Народ вокруг тихо сутяжничал. Но лично мне давать какие-либо, даже напрашивавшиеся оценки было «в лом». Мне было – никак, мне было – все равно, мне было – по боку. Голова моя, с периодически забредавшими туда фольклорными мыслями, была уже где-то далеко, вне всего этого.

Отказавшись в 1998 году перейти в формирующееся «Отечество – вся Россия», я остался таким образом наедине с чистой беспредметностью, со своими мыслями и тщательно скрываемым от посторонних, но все более одолевающим желанием эскапизма, побега от этой невыносимой беспредметности. С каждым днем со все большей грустью осознавал, что, продолжая пребывать здесь, в 3-м подъезде на Старой площади, я отказываюсь от своего базисного направления и предаю мечты и все еще периодически вспыхивающие странные фантазии. Не хватало воли, чтобы собраться и попробовать вырваться из колеи. Прокрастинация засасывала прочно и порочно. Меня не покидало ощущение блуждания в бесконечном лабиринте засасывающего конформизма.

В конце концов алгоритм отсроченного выбора начал сдавать сбои. Чтобы избегать ежедневных внутренних разборок с самим собой, следовало стать стопроцентным «стратегическим пессимистом», то есть постоянно иметь в виду негативный исход. Опытным пессимистом я, к тому времени, несомненно, был, но, увы, не стопроцентным.

В самом конце 1998 года Владимир Александрович Жидких, который был частично в курсе моих метаний сформулировал вполне конкретно, грубо и вполне зримо: есть для тебя место. Приезжай, будем разговаривать. И я поехал., и разговаривали, и договорились. И уже через пару месяцев я числился работником ТПК «Юниверс» с непонятным функционалом советника генерального директора и неопределенными полномочиями. Как справедливо заметил Оскар Уайльд: в жизни бывают только две настоящие

трагедии: одна – когда не получаешь того, чего хочешь, а вторая – когда получаешь. Наконец, одна дверь закрылась, и я замер в ожидании, когда начнет приоткрываться другая. Истории мои, связанные со Старой площадью, заканчивались. 90-е подходили к концу.

Апрель 2019